

Яндекс

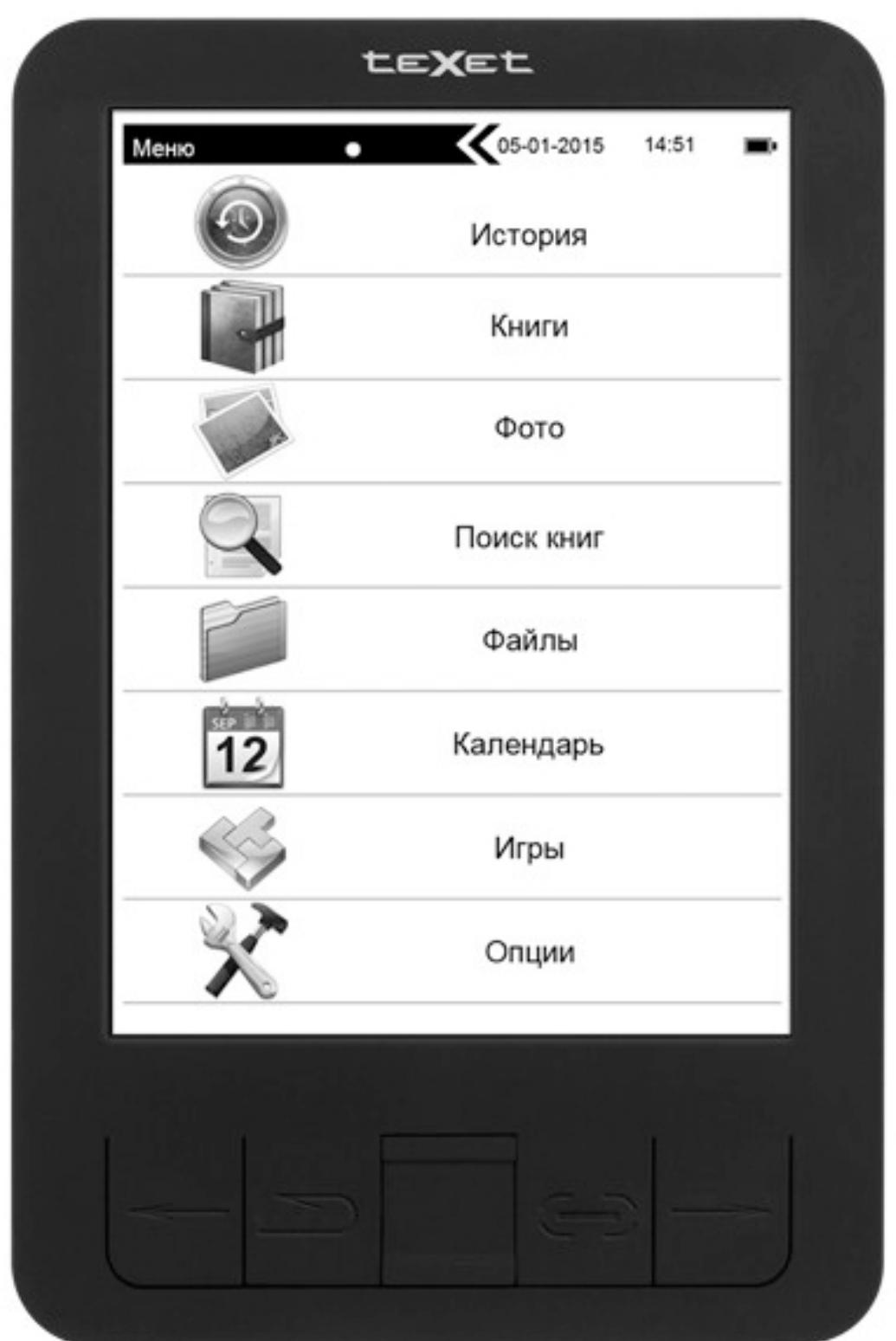
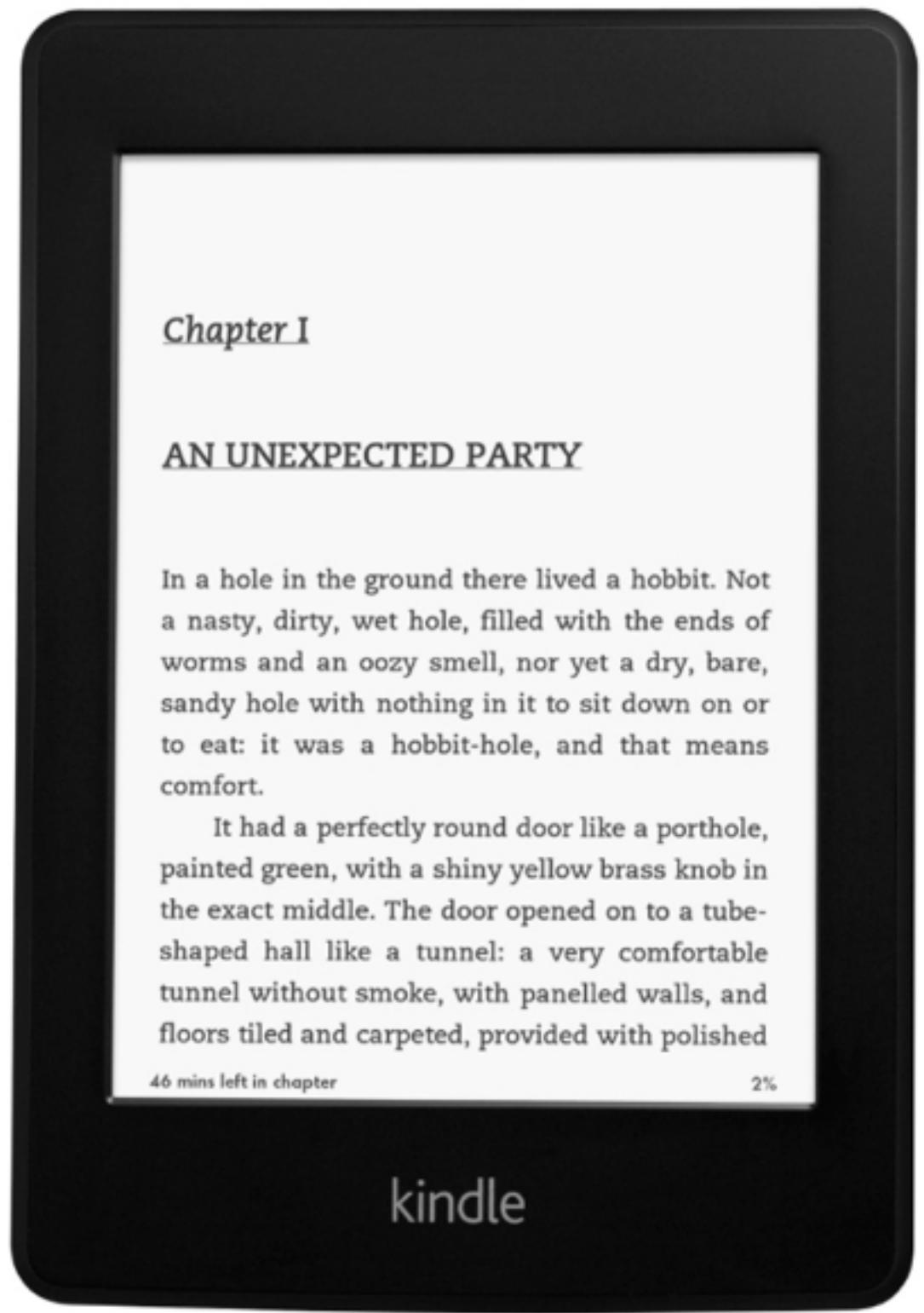

Книги в браузере

Олег Мохов

Зачем?

Облик книги, Ян Чихольд, Продум... +

https://bookmate.com/reader/F5gizfmE

Яндекс

≡ Облик книги ⌂ Aa *

ее ширины и высоты. Каждый знает хотя бы понаслышке о пропорции «золотого сечения»: ровно 1:1,618. Пропорция 5:8 приближается к «золотому сечению». Чуть дальше от него отстоит пропорция 2:3. Кроме пропорций 1:1,618, 5:8, 2:3, для книг чаще всего используют 1:1,732 ($1:\sqrt{3}$) и 1:1,414 ($1:\sqrt{2}$). См. рис. 18.

На рис. 1 показан прекрасный, но не очень известный прямоугольник, построенный на основе пятиугольника; пропорция 1:1,538.

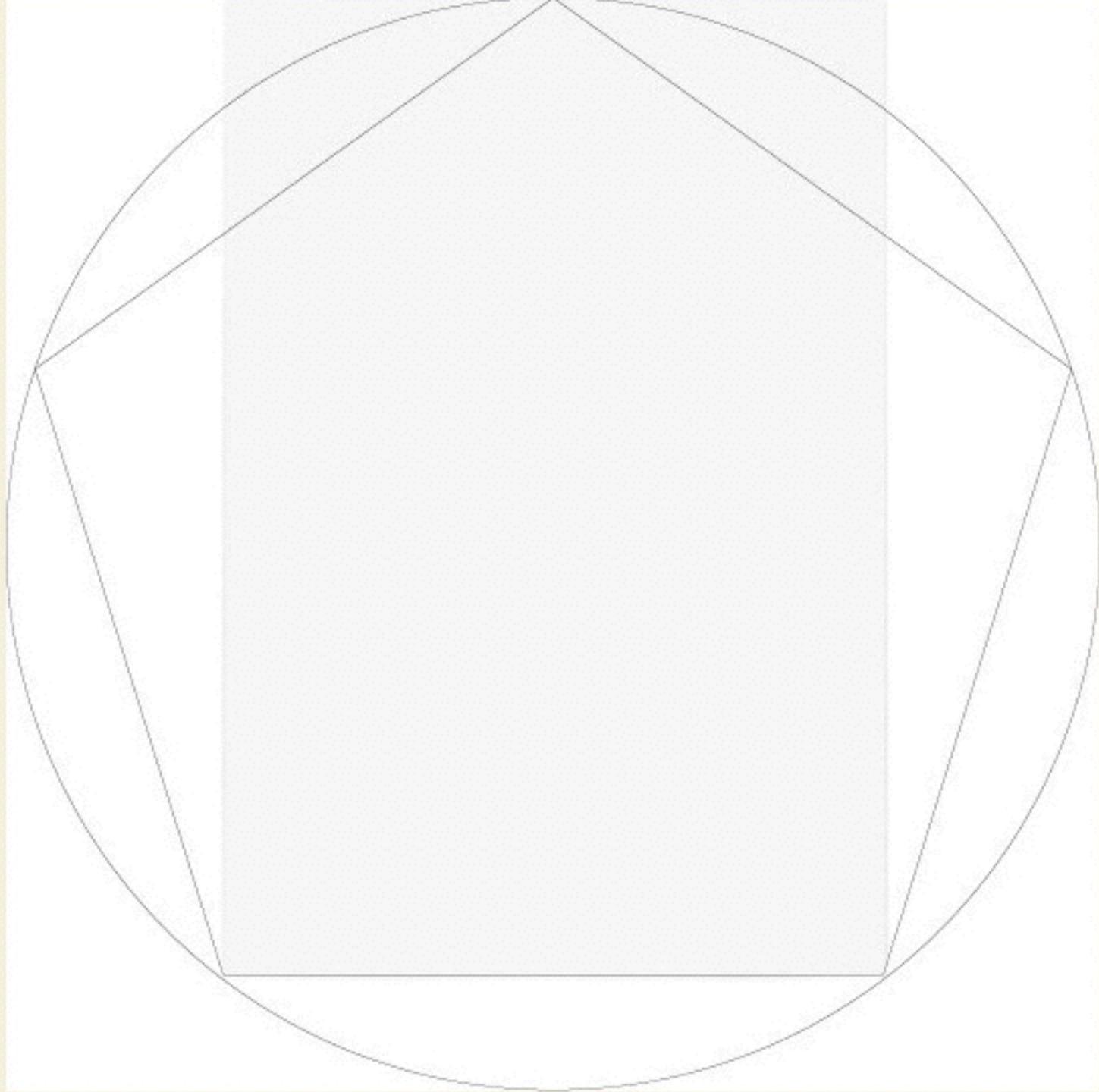

Рис. 1. Прямоугольник, выстроенный из пятиугольника. Пропорция 1:1,538 (иррациональная)
Геометрически определяемые иррациональные пропорции сторон

Осталось в главе: 34 стр.

Ян Чихольд - Облик книги

www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/static/trials/03/91/02/03910245.&uuid=6ac253e7-1d3a-40c0-bfd6-7ae9c4cecbce&art=3910245&user=147858158&file=11790854

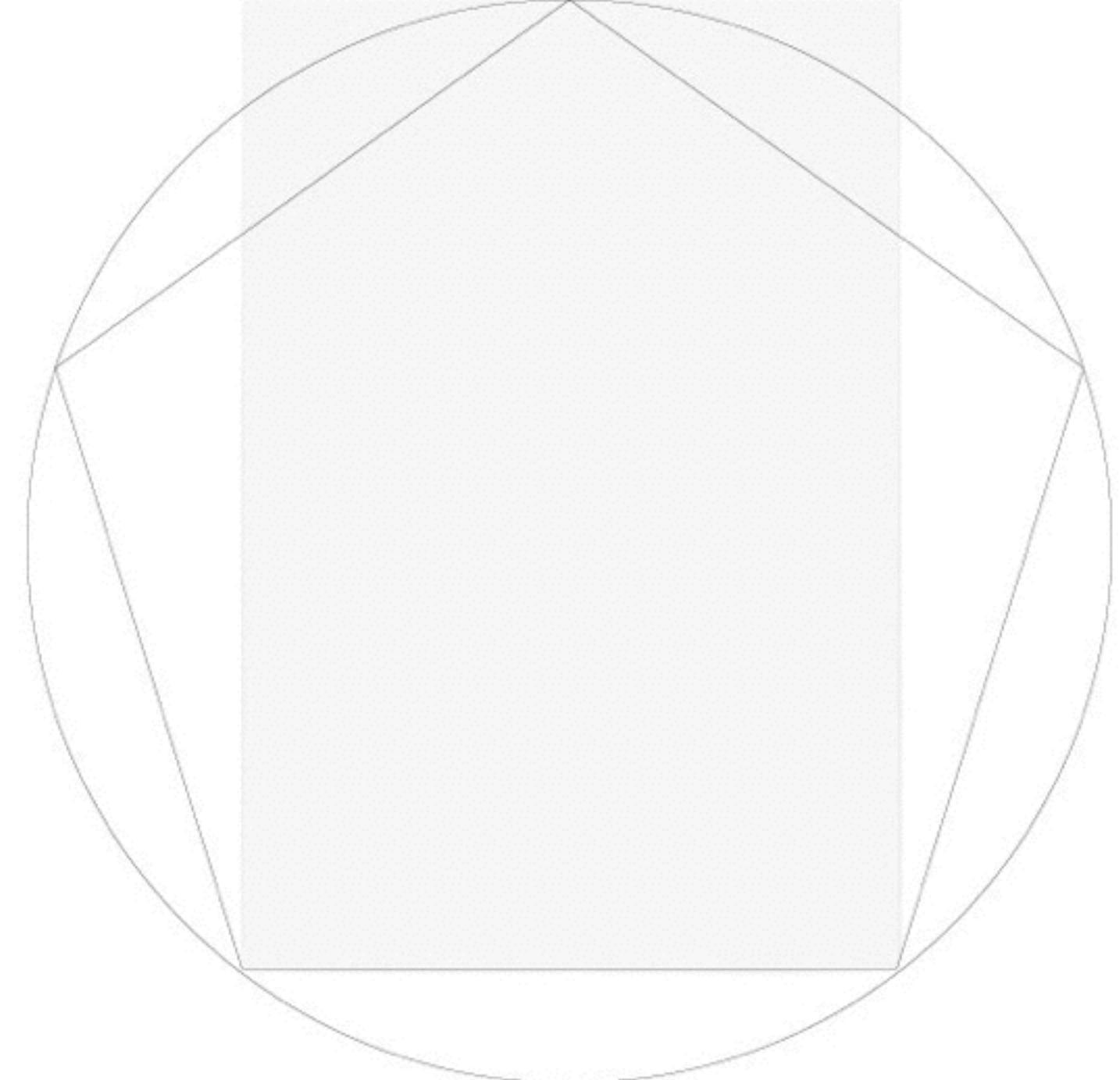
Яндекс

ЛитРес: читалка

Помощь Оглавление Закладки / Заметки Настройки Во весь экран

Вы читаете фрагмент. Купите книгу и читайте полную версию с любого устройства.

Купить

Геометрически определяемые иррациональные пропорции сторон 1:1,618 («золотое сечение»), 1: $\sqrt{2}$, 1: $\sqrt{3}$, 1: $\sqrt{5}$, 1:1,538 (рис. 1) и простые рациональные пропорции 1:2, 2:3, 3:4, 5:8, 5:9 я называю ясными, продуманными, определенными. Все остальное – произвольные, случайные соотношения. Разница между ясной и случайной пропорцией заметна, хотя часто и незначительна.

Но многие книги не соответствуют этим ясным пропорциям, у них пропорции случайные. Хоть это и трудно объяснить, однако доказано, что человеку кажутся приятней или красивее геометрически ясные, продуманные пропорции, а не произвольные, непродуманные соотношения. Уродливый формат делает книгу уродливой. Польза и красота любого типографского изделия, книги или пачки бумаги для записей, определяется пропорцией бумажного листа после обрезки, поэтому для того, чтобы сделать красивую и удобную книгу, нужно сперва выбрать пропорции.

Рис. 1. Прямоугольник, выстроенный из пятиугольника. Пропорция 1:1,538 (иррациональная)

Облик книги

Страница 57 из 57

Приложения

Kindle

iBooks

FBReader

Adobe Reader

FuturePress EPUB Reader

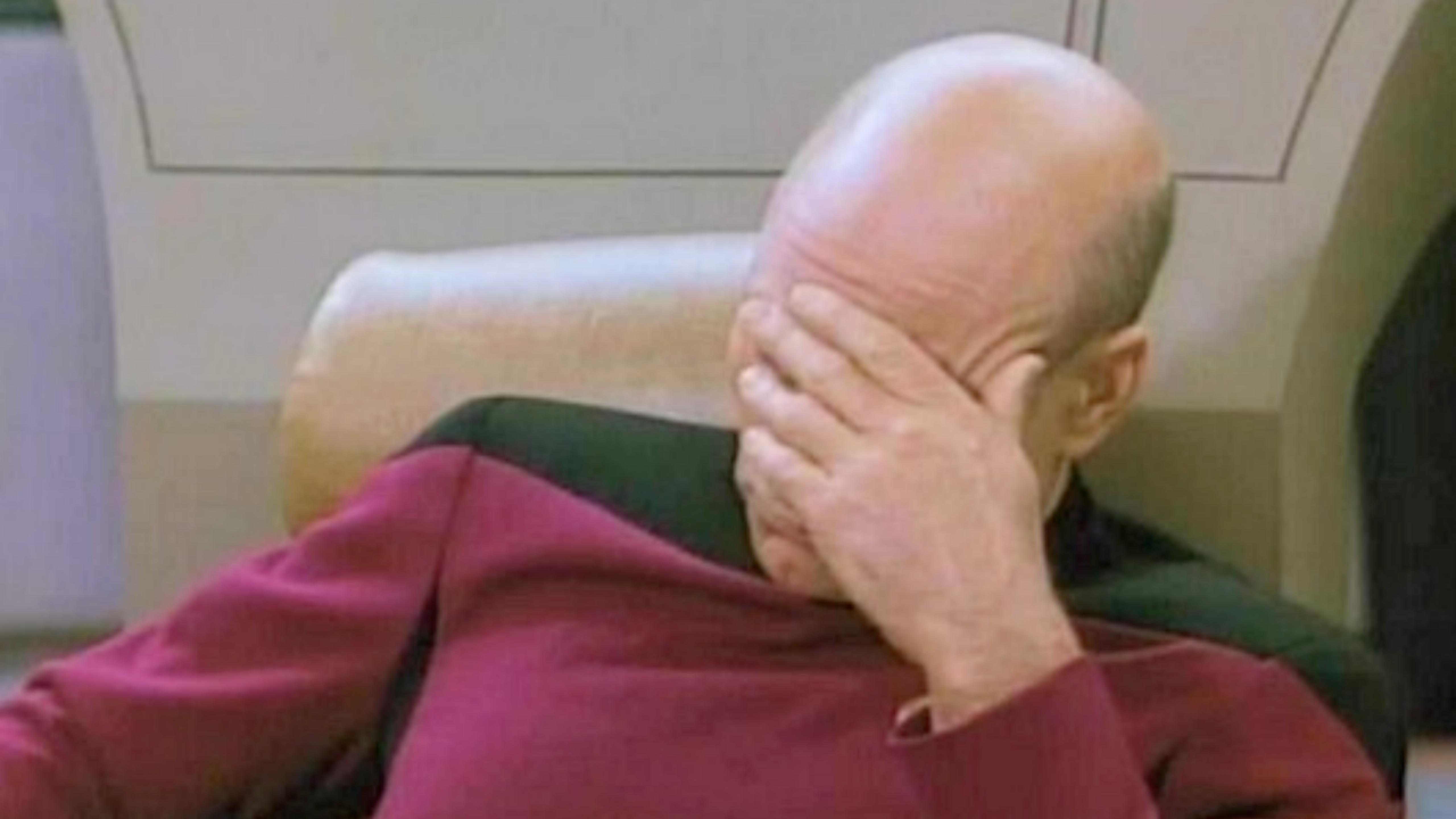

Сделать читалку книг

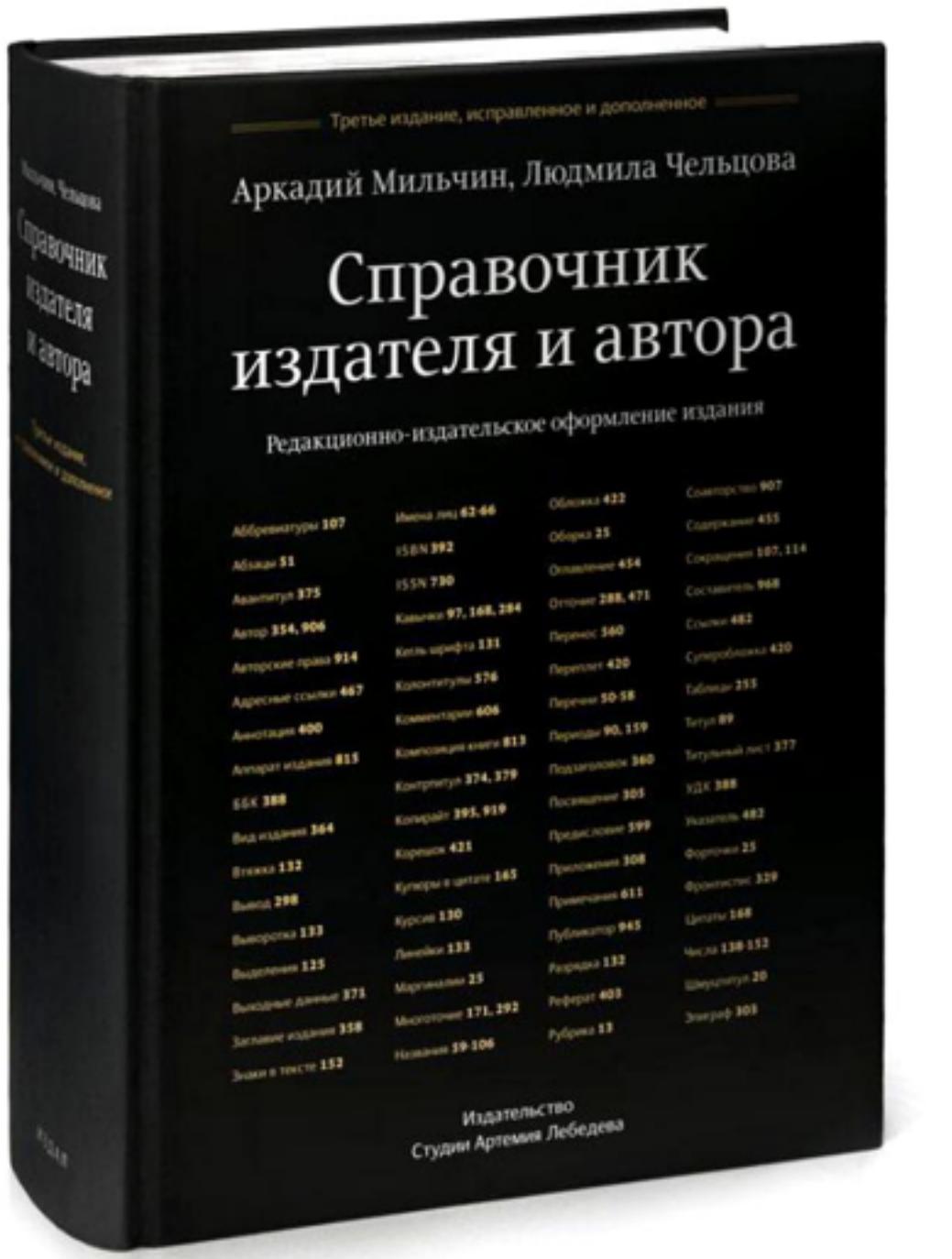

Сделать лучшую читалку книг

Даже бабушка сможет юзать

Alexей Иванов, JetStyle | Justify, ...

https://vimeo.com/82527410

Яндекс

vimeo Join Log In Create Watch Upload Search MORE VIDEOS

Библиотеки для расстановки переносов

1. [hyper.js + Словарь переносов](#)
2. [hypenator.js](#)
3. <http://quittance.ru/hyphenator.php>
4. <http://quittance.ru/blog/index.php?category=21> - описание алгоритма

29:15 HD X

Алексей Иванов, JetStyle | Justify, от которого не тошнит | FrontTalks Meetup 11/2013

from FrontTalks Conference PLUS 1 year ago NOT YET RATED

<https://vimeo.com/82527410>

normalize.css*

* Межстрочные интервалы, размеры шрифта и отступы

Я.Читалка

Яндекс

Глава первая

Учитель: Дети, запишите предложение: «Рыба сидела на дереве».

Ученик: А разве рыбы сидят на деревьях?

Учитель: Ну... Это была сумасшедшая рыба.

Школьный анекдот

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим желтой осокою. Солнце садилось уже который час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом. Машина катилась по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием. Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры.

Справа из леса вышли двое, ступили на обочину и остановились, глядя в мою сторону. Один из них поднял руку. Я сбросил газ, их рассматривая. Это были, как мне показалось, охотники, молодые люди, может быть, немного старше меня. Их лица понравились мне, и я остановился. Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглое горбоносое лицо и спросил, улыбаясь:

– Вы нас не подбросите до Соловца?

Второй, с рыжей бородой и без усов, тоже улыбался, выглядывая из-за его плеча. Положительно, это были приятные люди.

– Давайте садитесь, – сказал я. – Один вперед, другой назад, а то у меня там барабан, на заднем сиденье.

– Благодетель! – обрадованно произнес горбоносый, снял с плеча ружье и сел рядом со мной.

Бородатый, нерешительно заглядывая в заднюю дверцу, сказал:

– А можно я здесь немножко того?..

Я перегнулся через спинку и помог ему расчистить место, занятое спальным мешком и свернутой палаткой. Он деликатно уселся, поставив ружье между колен.

– Дверцу прикройте получше, – сказал я.

Все шло, как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживленно заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и все хлопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите, – посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида. – У вас плащ защемляется». Минут через пять все наконец устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» – «Да, – ответил горбоносый. – Или немножко больше. Дорога, правда, неважная – для грузовиков...» – «Первого вдоль прибрежной – возвращаю... Мы обещали, что в вообще не проеду...» – «По этой до-

роге даже осенью можно проехать», – «Здесь – пожалуй, но вот от Коробца – грунтовая». – «В этом году лето сухое, все подсохло». – «Под Затонью, говорят, дожди», – заметил бородатый на заднем сиденье. «Кто это говорит?» – спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то засмеялись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин, – сказал горбоносый, разглядывая пачку. – Вы из Ленинграда?» – «Да». – «Путешествуете?» – «Путешествую, – сказал я. – А вы здешние?» – «Коренные», – сказал горбоносый. «Я из Мурманска», – сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что Мурманск – одно и то же: Север», – сказал горбоносый. «Нет, почему же?», – сказал

Иллюстрация из книги Яна Чихольда «Облик Книги»

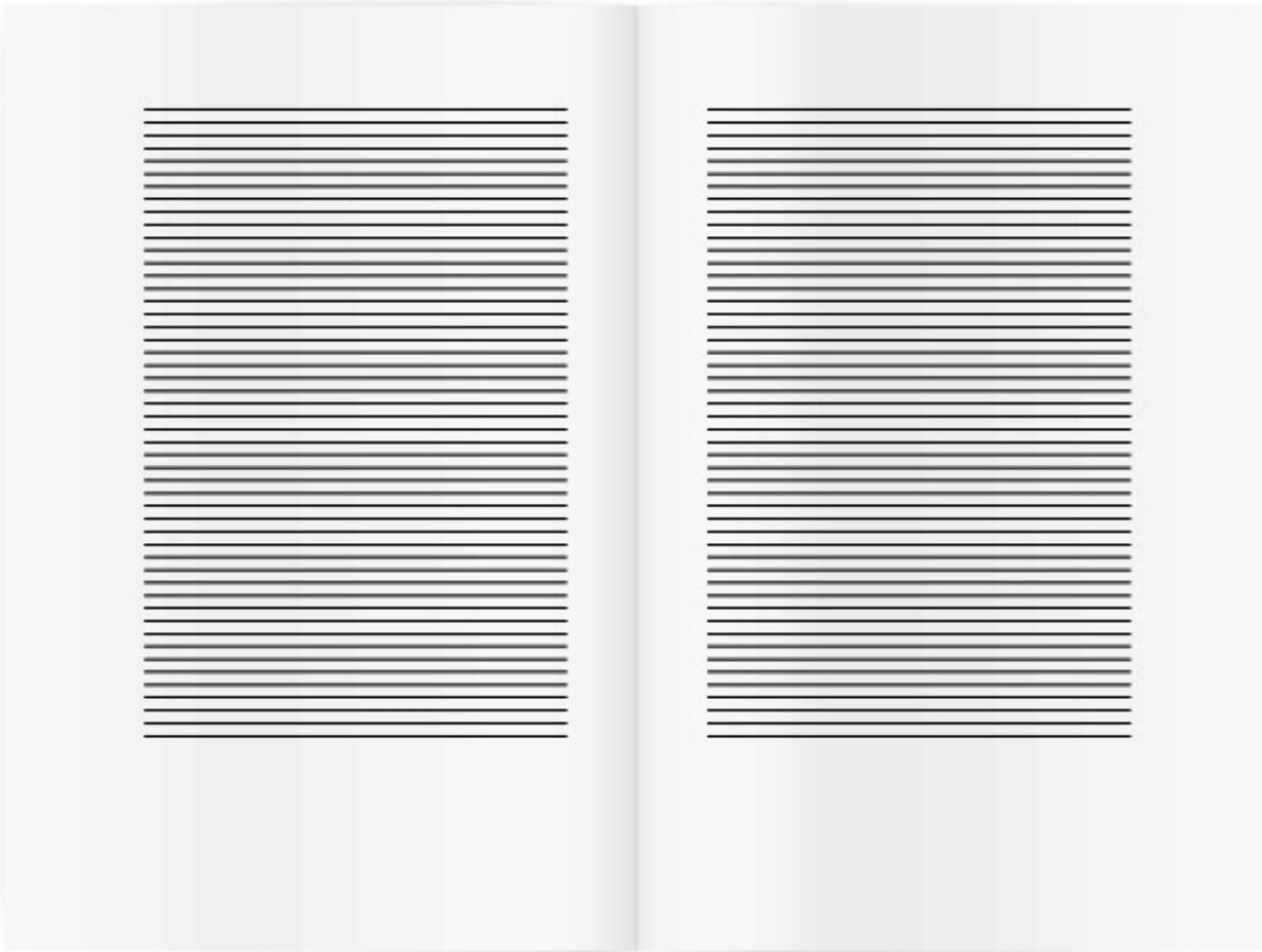

Иллюстрация из книги Яна Чихольда «Облик Книги»

columns

<http://dev.w3.org/csswg/css-multicol-1/#columns>

Глава первая

Учитель: Дети, запишите предложение: «Рыба сидела на дереве».

Ученик: А разве рыбы сидят на деревьях?

Учитель: Ну... Это была сумасшедшая рыба.

Школьный анекдот

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим желтой осокою. Солнце садилось уже второй час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом. Машина катилась по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием. Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры.

Справа из леса вышли двое, ступили на обочину и остановились, глядя в мою сторону. Один из них поднял руку. Я сбросил газ, их рассматривая. Это были, как мне показалось, охотники, молодые люди, может быть, немного старше меня. Их лица понравились мне, и я остановился. Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглую горбоносое лицо и спросил, улыбаясь:

– Вы нас не подбросите до Соловца?

Второй, с рыжей бородой и без усов, тоже улыбался, выглядывая из-за его плеча. Положительно, это были приятные люди.

– Давайте садитесь, – сказал я. – Один вперед, другой назад, а то у меня там барахло, на заднем сиденье.

– Благодетели! – обрадованно произнес горбоносый, снял с плеча ружье и сел рядом со мной.

Бородатый, нерешительно заглядывая в заднюю дверцу, сказал:

– А можно я здесь немножко того?..

Я перегнулся через спинку и помог ему расчистить место, занятое спальным мешком и свернутой палаткой. Он деликатно уселся, поставив ружье между колен.

– Дверцу прикройте получше, – сказал я.

Все шло, как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживленно заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и все хлопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите, – посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида. – У вас плащ защемляется». Минут через пять все наконец устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» – «Да, – ответил горбоносый. – Или немножко больше. Дорога, правда, неважная – для грузовиков». – «Дорога вполне приличная, – возразил я. – Мне обещали, что я вообще не проеду». – «По этой дороге даже осенью можно проехать». – «Здесь – пожалуй, но вот от Коробца – грунтовая». – «В этом году лето сухое, все подсохло». – «Под Затонью, говорят, дожди», – заметил бородатый на заднем сиденье. «Кто это говорит?» – спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то засмеялись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин, – сказал горбоносый, разглядывая пачку. – Вы из Ленинграда?» – «Да». – «Путешествуете?» – «Путешествую, – сказал я. – А вы здешние?» – «Коренные», – сказал горбоносый. «Я из Мурманска», – сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что Мурманск – одно и то же: Север», – сказал горбоносый. «Нет, почему же», – сказал я вежливо. «В Соловец будете останавливаться?» – спросил горбоносый. «Конечно – сказал я. – Я в Со-

Глава первая

Учитель: Дети, запишите предложение: «Рыба сидела на дереве».

Ученик: А разве рыбы сидят на деревьях?

Учитель: Ну... Это была сумасшедшая рыба.

Школьный анекдот

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим желтой осокой. Солнце садилось уже который час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом. Машина катилась по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием. Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры.

Справа из леса вышли двое, ступили на обочину и остановились, глядя в мою сторону. Один из них поднял руку. Я сбросил газ, их рассматривая. Это были, как мне показалось, охотники, молодые люди, может быть, немного старше меня. Их лица понравились мне, и я остановился. Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглое горбоносое лицо и спросил, улыбаясь:

— Вы нас не подбросите до Соловца?

Второй, с рыжей бородой и без усов, тоже улыбал-

ся, выглядывая из-за его плеча. Положительно, это были приятные люди.

— Давайте садитесь, — сказал я. — Один вперед, другой назад, а то у меня там барахло, на заднем сиденье.

— Благодетель! — обрадованно произнес горбоносый, снял с плеча ружье и сел рядом со мной.

Бородатый, нерешительно заглядывая в заднюю дверцу, сказал:

— А можно я здесь немножко того?..

Я перегнулся через спинку и помог ему расчистить место, занятое спальным мешком и свернутой палаткой. Он деликатно уселся, поставив ружье между колен.

— Дверцу прикройте получше, — сказал я.

Все шло, как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживленно заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и все хлопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите, — посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида. — У вас плащ защемляется». Минут через пять все наконец устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» — «Да, — ответил горбоносый. — Или немножко больше. Дорога, правда, неважная — для грузовиков». — «Дорога вполне приличная, — возразил я. — Мне обещали, что я вообще не проеду». — «По этой дороге даже осенью можно проехать». — «Здесь — пожалуй, но вот от Коробца — грунтовая». — «В этом году лето сухое, все подсох-

ло». — «Под Затонью, говорят, дожди», — заметил бородатый на заднем сиденье. «Кто это говорит?» — спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то засмеялись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин, — сказал горбоносый, разглядывая пачку. — Вы из Ленинграда?» — «Да». — «Путешествуете?» — «Путешествую, — сказал я. — А вы здешние?» — «Коренные», — сказал горбоносый. «Я из Мурманска», — сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что Мурманск — одно и то же: Север», — сказал горбоносый. «Нет, почему же», — сказал я вежливо. «В Соловце будете останавливаться?» — спросил горбоносый. «Конечно, — сказал я. — Я в Соловец и еду». — «У вас там родные или знакомые?» — «Нет, — сказал я. — Просто подожду ребят. Они идут берегом, а Соловец у нас — точка рандеву».

Впереди я увидел большую россыпь камней, притормозил и сказал: «Держитесь крепче». Машина затряслась и запрыгала. Горбоносый ушиб нос о ствол ружья. Мотор взревывал, камни били в днище. «Бедная машина», — сказал горбоносый. «Что делать...» — сказал я. «Не всякий поехал бы по такой дороге на своей машине». — «Я бы поехал», — сказал я. Рассыпь кончилась. «А, так это не ваша машина», — догадался горбоносый. «Ну, откуда у меня машина! Это прокат». — «Понятно», — сказал горбоносый, как мне показалось, разочарованно. Я почувствовал себя задетым. «А какой смысл покупать машину, чтобы разъезжать по асфальту? Там, где асфальт, ничего интересного, а где интересно, там нет асфальта». — «Да, конечно», — вежливо согласился горбоносый. «Глупо, по-моему, делать из машины идола», — заявил я. «Глупо, — сказал бородатый. — Но не все так думают». Мы поговорили о машинах и пришли к выводу, что если уж покупать что-нибудь, так это «ГАЗ-69», вездеход, но их, к сожалению, не продают. Потом горбоносый спросил: «А где вы работаете?» Я ответил. «Колосально! — сказал я. Горбоносый стал загибать пальцы: «Нам нужен программист: а — небалованный, бэ — добролюбец, цэ — чтобы согласился жить в общежитии..

— «Дэ, — подхватил бородатый, — на сто двадцать рублей!». — «А как насчет крыльышек? — спросил я. Или, скажем, сияния вокруг головы? Один на тысячу!» — «А нам всего-то один и нужен», — сказал горбоносый. «А если их всего девятьсот?» — «Согласны на девятьдесятых».

Лес расступился, мы переехали через мост и покатали между картофельными полями. «Девять часов, — сказал горбоносый. — Где вы собираетесь ночевать?» — «В машине переночую. Магазины у вас до которого часа работают?» — «Магазины у нас уже закрыты», — сказал горбоносый. «Можно в общежитии, — сказал бородатый. — У меня в комнате свободная койка». — «К общежитию не подедешь», — сказал горбоносый задумчиво. «Да, пожалуй», — сказал бородатый и почему-то засмеялся. «Машину можно поставить возле милиции», — сказал горбоносый. «Да ерунда это, — сказал бородатый. — Я несу оклесицу, а ты за мной вслед. Как он в общежитие-то пройдет?» — «Д-да, черт, — сказал горбоносый. — Действительно, день не порабощаешь — забываешь про все эти штуки». — «А можешь быть, трансгрессировать его?» — «Ну-ну, — сказал горбоносый. — Это тебе не диван. А ты не Кристоффаль Хунта, да и я тоже...»

— Да вы не беспокойтесь, — сказал я. — Переночую машине, не первый раз.

columns: 2;

Перелистывание страниц

Глава первая

Учитель: Дети, запишите предложение: «Рыба сидела на дереве».

Ученик: А разве рыбы сидят на деревьях?

Учитель: Ну... Это была сумасшедшая рыба.

Школьный анекдот

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим желтой осокой. Солнце садилось уже который час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом. Машина катилась по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием. Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры.

Справа из леса вышли двое, ступили на обочину и остановились, глядя в мою сторону. Один из них поднял руку. Я сбросил газ, их рассматривая. Это были, как мне показалось, охотники, молодые люди, может быть, немного старше меня. Их лица понравились мне, и я остановился. Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглое горбоносое лицо и спросил, улыбаясь:

— Вы нас не подбросите до Соловца?

Второй, с рыжей бородой и без усов, тоже улыбал-

ся, выглядывая из-за его плеча. Положительно, это были приятные люди.

— Давайте садитесь, — сказал я. — Один вперед, другой назад, а то у меня там барахло, на заднем сиденье.

— Благодетель! — обрадованно произнес горбоносый, снял с плеча ружье и сел рядом со мной.

Бородатый, нерешительно заглядывая в заднюю дверцу, сказал:

— А можно я здесь немножко того?..

Я перегнулся через спинку и помог ему расчистить место, занятое спальным мешком и свернутой палаткой. Он деликатно уселся, поставив ружье между колен.

— Дверцу прикройте получше, — сказал я.

Все шло, как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживленно заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и все хлопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите, — посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида. — У вас плащ защемляется». Минут через пять все наконец устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» — «Да, — ответил горбоносый. — Или немножко больше. Дорога, правда, неважная — для грузовиков». — «Дорога вполнеличная, — возразил я. — Мне обещали, что я вообще не проеду». — «По этой дороге даже осенью можно проехать». — «Здесь — пожалуй, но вот от Коробца — грунтовая». — «В этом году лето сухое, все подсох-

ло». — «Под Затонью, говорят, дожди», — заметил бородатый на заднем сиденье. «Кто это говорит?» — спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то засмеялись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин, — сказал горбоносый, разглядывая пачку. — Вы из Ленинграда?» — «Да». — «Путешествуете?» — «Путешествую, — сказал я. — А вы здешние?» — «Коренные», — сказал горбоносый. «Я из Мурманска», — сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что Мурманск — одно и то же: Север», — сказал горбоносый. «Нет, почему же», — сказал я вежливо. «В Соловце будете останавливаться?» — спросил горбоносый. «Конечно, — сказал я. — Я в Соловец и еду». — «У вас там родные или знакомые?» — «Нет, — сказал я. — Просто подожду ребят. Они идут берегом, а Соловец у нас — точка рандеву».

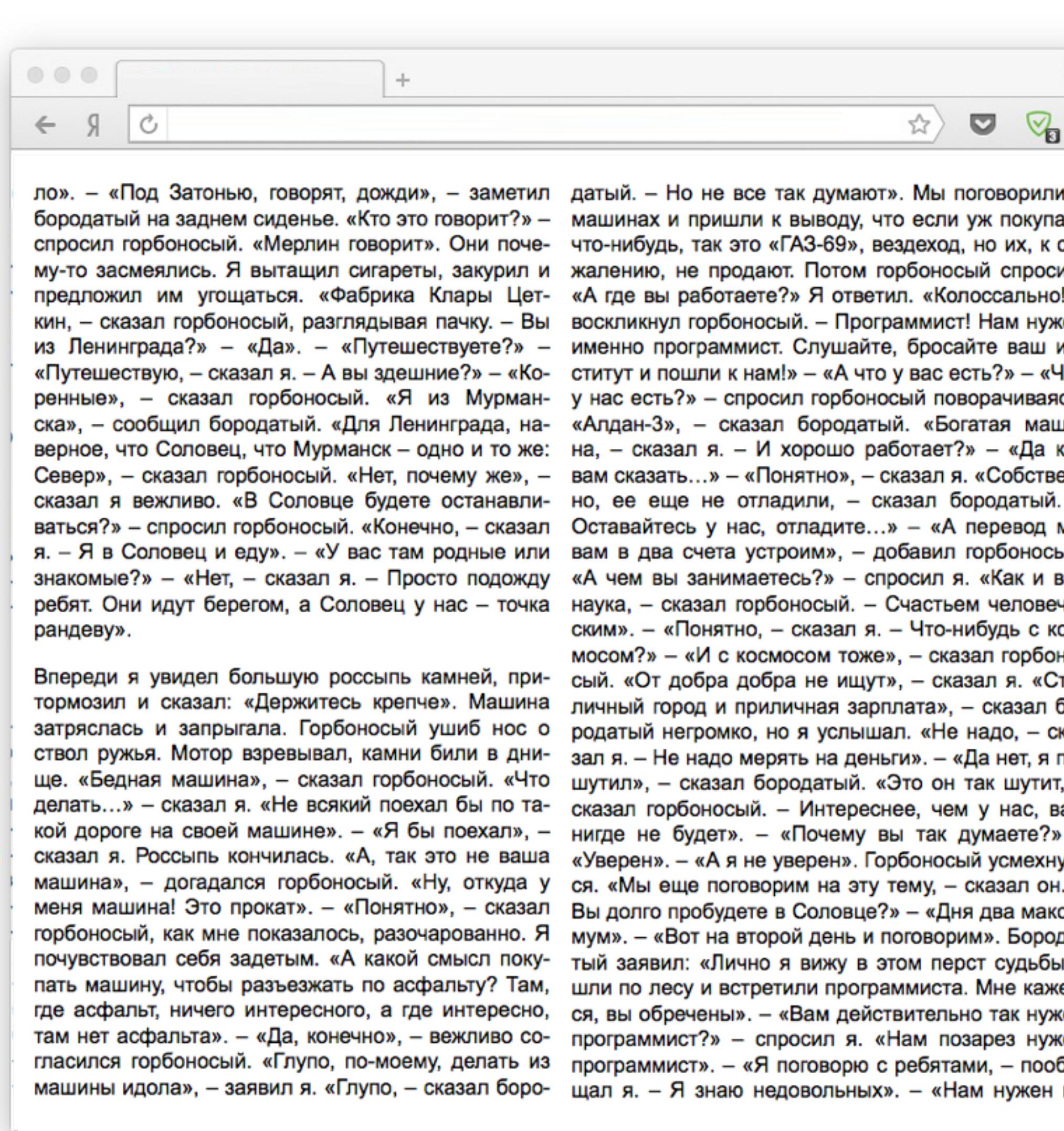
Впереди я увидел большую россыпь камней, притормозил и сказал: «Держитесь крепче». Машина затряслась и запрыгала. Горбоносый ушиб нос о ствол ружья. Мотор взревывал, камни били в днище. «Бедная машина», — сказал горбоносый. «Что делать...» — сказал я. «Не всякий поехал бы по такой дороге на своей машине». — «Я бы поехал», — сказал я. Рассыпь кончилась. «А, так это не ваша машина», — догадался горбоносый. «Ну, откуда у меня машина! Это прокат». — «Понятно», — сказал горбоносый, как мне показалось, разочарованно. Я почувствовал себя задетым. «А какой смысл покупать машину, чтобы разъезжать по асфальту? Там, где асфальт, ничего интересного, а где интересно, там нет асфальта». — «Да, конечно», — вежливо согласился горбоносый. «Глупо, по-моему, делать из машины идола», — заявил я. «Глупо, — сказал боро-

датый. — Но не все так думают». Мы поговорили о машинах и пришли к выводу, что если уж покупать что-нибудь, так это «ГАЗ-69», вездеход, но их, к сожалению, не продают. Потом горбоносый спросил: «А где вы работаете?» Я ответил. «Колоссально! — сказал я. Горбоносый стал загибать пальцы: «Нам нужен программист: а — небалованный, бэ — добролюбец, цэ — чтобы согласился жить в общежитии...» — «Дэ, — подхватил бородатый, — на сто двадцать рублей!». — «А как насчет крылышек? — спросил я. Или, скажем, сияния вокруг головы? Один на тысячу!» — «А нам всего-то один и нужен», — сказал горбоносый. «А если их всего девятьсот?» — «Согласны на девять десятых».

Лес расступился, мы переехали через мост и покатали между картофельными полями. «Девять часов, — сказал горбоносый. — Где вы собираетесь ночевать?» — «В машине переночую. Магазины у вас до которого часа работают?» — «Магазины у нас уже закрыты», — сказал горбоносый. «Можно в общежитии, — сказал бородатый. — У меня в комнате свободная койка». — «К общежитию не подъедешь», — сказал горбоносый задумчиво. «Да, пожалуй», — сказал бородатый и почему-то засмеялся. «Машину можно поставить возле милиции», — сказал горбоносый. «Да ерунда это, — сказал бородатый. — Я несу оклесицу, а ты за мной вслед. Как он в общежитие-то пройдет?» — «Д-да, черт, — сказал горбоносый. — Действительно, день не поработаешь — забываешь про все эти штуки». — «А можешь быть, трансгрессировать его?» — «Ну-ну, — сказал горбоносый. — Это тебе не диван. А ты не Кристоффаль Хунта, да и я тоже...»

— Да вы не беспокойтесь, — сказал я. — Переночую машине, не первый раз.

columns: 2;

columns: 2;

ло». – «Под Затонью, говорят, дожди», – заметил бородатый на заднем сиденье. «Кто это говорит?» – спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то засмеялись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин, – сказал горбоносый, разглядывая пачку. – Вы из Ленинграда?» – «Да». – «Путешествуете?» – «Путешествую, – сказал я. – А вы здешние?» – «Коренные», – сказал горбоносый. «Я из Мурманска», – сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что Мурманск – одно и то же: Север», – сказал горбоносый. «Нет, почему же», – сказал я вежливо. «В Соловце будете останавливаться?» – спросил горбоносый. «Конечно, – сказал я. – Я в Соловец и еду». – «У вас там родные или знакомые?» – «Нет, – сказал я. – Просто подожду ребят. Они идут берегом, а Соловец у нас – точка рандеву».

Впереди я увидел большую россыпь камней, притормозил и сказал: «Держитесь крепче». Машина затряслась и запрыгала. Горбоносый ушиб нос о ствол ружья. Мотор взревывал, камни били в днище. «Бедная машина», – сказал горбоносый. «Что делать...» – сказал я. «Не всякий поехал бы по такой дороге на своей машине». – «Я бы поехал», – сказал я. Рассыпь кончилась. «А, так это не ваша машина», – догадался горбоносый. «Ну, откуда у меня машина! Это прокат». – «Понятно», – сказал горбоносый, как мне показалось, разочарованно. Я почувствовал себя задетым. «А какой смысл покупать машину, чтобы разъезжать по асфальту? Там, где асфальт, ничего интересного, а где интересно, там нет асфальта». – «Да, конечно», – вежливо согласился горбоносый. «Глупо, по-моему, делать из машины идола», – заявил я. «Глупо, – сказал боро-

датый. – Но не все так думают». Мы поговорили о машинах и пришли к выводу, что если уж покупать что-нибудь, так это «ГАЗ-69», вездеход, но их, к сожалению, не продают. Потом горбоносый спросил: «А где вы работаете?» Я ответил. «Колоссально! – воскликнул горбоносый. – Программист! Нам нужен именно программист. Слушайте, бросайте ваш институт и пошли к нам!» – «А что у вас есть?» – «Что у нас есть?» – спросил горбоносый поворачиваясь. «Алдан-3», – сказал бородатый. «Богатая машина, – сказал я. – И хорошо работает?» – «Да как вам сказать...» – «Понятно», – сказал я. «Собственно, ее еще не отладили, – сказал бородатый. – Оставайтесь у нас, отладите...» – «А перевод мы вам в два счета устроим», – добавил горбоносый. «А чем вы занимаетесь?» – спросил я. «Как и вся наука, – сказал горбоносый. – Счастьем человеческим». – «Понятно, – сказал я. – Что-нибудь с космосом?» – «И с космосом тоже», – сказал горбоносый. «От добра добра не ищут», – сказал я. «Столичный город и приличная зарплата», – сказал бородатый негромко, но я услышал. «Не надо, – сказал я. – Не надо мерять на деньги». – «Да нет, я пошутил», – сказал бородатый. «Это он так шутит, – сказал горбоносый. – Интереснее, чем у нас, вам нигде не будет». – «Почему вы так думаете?» – «Уверен». – «А я не уверен». Горбоносый усмехнулся. «Мы еще поговорим на эту тему, – сказал он. – Вы долго пробудете в Соловце?» – «Дня два максимум». – «Вот на второй день и поговорим». Бородатый заявил: «Лично я вижу в этом перст судьбы – шли по лесу и встретили программиста. Мне кажется, вы обречены». – «Вам действительно так нужен программист?» – спросил я. «Нам позарез нужен программист». – «Я поговорю с ребятами, – пообещал я. – Я знаю недовольных». – «Нам нужен не

всякий программист, – сказал горбоносый. – Программисты – народ дефицитный, избаловались, а нам нужен небалованный». – «Да, это сложнее», – сказал я. Горбоносый стал загибать пальцы: «Нам нужен программист: а – небалованный, бз – доброволец, цз – чтобы согласился жить в общежитии...» – «Дэ, – подхватил бородатый, – на сто двадцать рублей». – «А как насчет крыльышек? – спросил я. – Или, скажем, сияния вокруг головы? Один на тысячу!» – «А нам всего-то один и нужен», – сказал горбоносый. «А если их всего девятьсот?» – «Согласны на девять десятых».

Лес расступился, мы переехали через мост и покатали между картофельными полями. «Девять часов, – сказал горбоносый. – Где вы собираетесь ночевать?» – «В машине переночую. Магазины у вас до которого часа работают?» – «Магазины у нас уже закрыты», – сказал горбоносый. «Можно в общежитии, – сказал бородатый. – У меня в комнате свободная койка». – «К общежитию не подъедешь», – сказал горбоносый задумчиво. «Да, пожалуй», – сказал бородатый и почему-то засмеялся. «Машину можно поставить возле милиции», – сказал горбоносый. «Да ерунда это, – сказал бородатый. – Я несу околесицу, а ты за мной вслед. Как он в общежитие-то пройдет?» – «Д-да, черт, – сказал горбоносый. – Действительно, день не поработаешь – забываешь про все эти штуки». – «А может быть, трангрессировать его?» – «Ну-ну, – сказал горбоносый. – Это тебе не диван. А ты не Кристо-баль Хунта, да и я тоже...»

– Да вы не беспокойтесь, – сказал я. – Переночую в машине, не первый раз.

Мне вдруг страшно захотелось поспать на простынях. Я уже четыре ночи спал в спальном мешке.

– Слушай, – сказал горбоносый, – хо-хо! Изнакур-но!

– Правильно! – воскликнул бородатый. – На Лукоморье его!

– Ей-богу, я переночую в машине, – сказал я.

– Вы переночуете в доме, – сказал горбоносый, – на относительно чистом белье. Должны же мы вас как-то отблагодарить...

– Не полтинник же вам совать, – сказал бородатый.

Мы въехали в город. Потянулись старинные крепкие заборы, мощные срубы из гигантских почерневших бревен, с неширокими окнами, с резными наличниками, с деревянными петушками на крышах. Попалось несколько грязных кирпичных строений с железными дверями, вид которых вынес у меня из памяти полузнаменное слово «лабаз». Улица была прямая и широкая и называлась проспектом Мира. Впереди, ближе к центру, виднелись двухэтажные шлакоблочные дома с открытыми сквериками.

– Следующий переулок направо, – сказал горбоносый.

Я включил указатель поворота, притормозил и свернул направо. Дорога здесь заросла травой, но у какой-то калитки стоял, приткнувшись, новенький «Запорожец». Номера домов висели над воротами, и цифры были едва заметны на ржавой жести весов. Переулок назывался изящно: «Ул. Лукомо-

рье». Он был неширок и зажат между тяжелых старинных заборов, поставленных, наверное, еще в те времена, когда здесь шастали шведские и норвежские пираты.

– Стоп, – сказал горбоносый. Я тормознул, и он снова стукнулся носом о ствол ружья. – Теперь так, – сказал он, потирая нос. – Вы меня подождите, а я сейчас пойду и все устрою.

– Право, не стоит, – сказал я в последний раз.

– Никаких разговоров. Володя, держи его на мушке.

Горбоносый вылез из машины и, нагнувшись, притиснулся в низкую калитку. За высоченным серым забором дома видно не было. Ворота были совсем уже феноменальные, как в паровозном депо, на ржавых железных петлях в пуд весом. Я с изумлением читал вывески. Их было три. На левой воротине строго блестела толстым стеклом синяя со лидная вывеска с серебряными буквами:

НИИЧАВО

изба на куриных ногах

памятник соловецкой старине

На правой воротине сверху висела ржавая жестяная табличка: «Ул. Лукоморье, д. № 13, Н. К. Горыныч», а под нею красовался кусок фанеры с надписью чернилами вкривь и вкось:

КОТ НЕ РАБОТАЕТ

Глава первая

Учитель: Дети, запишите предложение: «Рыба сидела на дереве».

Ученик: А разве рыбы сидят на деревьях?

Учитель: Ну... Это была сумасшедшая рыба.

Школьный анекдот

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим желтой осокой. Солнце садилось уже который час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом. Машина катилась по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием. Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры.

Справа из леса вышли двое, ступили на обочину и остановились, глядя в мою сторону. Один из них поднял руку. Я сбросил газ, их рассматривая. Это были, как мне показалось, охотники, молодые люди, может быть, немного старше меня. Их лица понравились мне, и я остановился. Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглую горбоносое лицо и спросил, улыбаясь:

— Вы нас не подбросите до Соловца?

Второй, с рыжей бородой и без усов, тоже улыбал-

ся, выглядывая из-за его плеча. Положительно, это были приятные люди.

— Давайте садитесь, — сказал я. — Один вперед, другой назад, а то у меня там барахло, на заднем сиденье.

— Благодетели! — обрадованно произнес горбоносый, снял с плеча ружье и сел рядом со мной.

Бородатый, нерешительно заглядывая в заднюю дверцу, сказал:

— А можно я здесь немножко того?..

Я перегнулся через спинку и помог ему расчистить место, занятое спальным мешком и свернутой палаткой. Он деликатно уселся, поставив ружье между колен.

— Дверцу прикройте получше, — сказал я.

Все шло, как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживленно заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и все хлопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите, — посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида. — У вас плащ защемляется». Минут через пять все наконец устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» — «Да, — ответил горбоносый. — Или немножко больше. Дорога, правда, неважная — для грузовиков». — «Дорога вполне приличная, — возразил я. — Мне обещали, что я вообще не проеду». — «По этой дороге даже осенью можно проехать». — «Здесь — пожалуй, но вот от Коробца — грунтовая». — «В этом году лето сухое, все подсох-

ло». — «Под Затонью, говорят, дожди», — заметил бородатый на заднем сиденье. «Кто это говорит?» — спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то засмеялись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин, — сказал горбоносый, разглядывая пачку. — Вы из Ленинграда?» — «Да». — «Путешествуете?» — «Путешествую, — сказал я. — А вы здешние?» — «Коренные», — сказал горбоносый. «Я из Мурманска», — сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что Мурманск — одно и то же: Север», — сказал горбоносый. «Нет, почему же», — сказал я вежливо. «В Соловце будете останавливаться?» — спросил горбоносый. «Конечно, — сказал я. — Я в Соловец и еду». — «У вас там родные или знакомые?» — «Нет, — сказал я. — Просто подожду ребят. Они идут берегом, а Соловец у нас — точка рандеву».

Впереди я увидел большую россыпь камней, притормозил и сказал: «Держитесь крепче». Машина затряслась и запрыгала. Горбоносый ушиб нос о ствол ружья. Мотор взревывал, камни били в днище. «Бедная машина», — сказал горбоносый. «Что делать...» — сказал я. «Не всякий поехал бы по такой дороге на своей машине». — «Я бы поехал», — сказал я. Рассыпь кончилась. «А, так это не ваша машина», — догадался горбоносый. «Ну, откуда у меня машина! Это прокат». — «Понятно», — сказал горбоносый, как мне показалось, разочарованно. Я почувствовал себя задетым. «А какой смысл покупать машину, чтобы разъезжать по асфальту? Там, где асфальт, ничего интересного, а где интересно, там нет асфальта». — «Да, конечно», — вежливо согласился горбоносый. «Глупо, по-моему, делать из машины идола», — заявил я. «Глупо, — сказал бородатый. — Но не все так думают». Мы поговорили о машинах и пришли к выводу, что если уж покупать что-нибудь, так это «ГАЗ-69», вездеход, но их, к сожалению, не продают. Потом горбоносый спросил: «А где вы работаете?» Я ответил. «Колоссально! — сказал я. Горбоносый стал загибать пальцы: «Нам нужен программист: а — небалованный, бэ — доброволец, цэ — чтобы согласился жить в общежитии...»

— «Дэ, — подхватил бородатый, — на сто двадцать рублей?». — «А как насчет крылышек? — спросил я. Или, скажем, сияния вокруг головы? Один на тысячу!» — «А нам всего-то один и нужен», — сказал горбоносый. «А если их всего девятьсот?» — «Согласны на девять десятых».

Лес расступился, мы переехали через мост и покатали между картофельными полями. «Девять часов, — сказал горбоносый. — Где вы собираетесь ночевать?» — «В машине переночую. Магазины у вас до которого часа работают?» — «Магазины у нас уже закрыты», — сказал горбоносый. «Можно в общежитии, — сказал бородатый. — У меня в комнате свободная койка». — «К общежитию не подъедешь», — сказал горбоносый задумчиво. «Да, пожалуй», — сказал бородатый и почему-то засмеялся. «Машину можно поставить возле милиции», — сказал горбоносый. «Да ерунда это, — сказал бородатый. — Я несу оклесицу, а ты за мной вслед. Как он в общежитие-то пройдет?» — «Д-да, черт, — сказал горбоносый. — Действительно, день не порабощаешь — забываешь про все эти штуки». — «А можешь быть, трансгрессировать его?» — «Ну-ну, — сказал горбоносый. — Это тебе не диван. А ты не Кристоффаль Хунта, да и я тоже...»

— Да вы не беспокойтесь, — сказал я. — Переночую машине, не первый раз.

columns: 2;

Перелистывание страницы

- › scroll
- › CSS (margin, left, transition, etc...)

Перелистывание страницы

- › scroll
- › CSS (margin, left, transition, etc...)

Глава первая

Учитель: Дети, запишите предложение: «Рыба сидела на дереве».

Ученик: А разве рыбы сидят на деревьях?

Учитель: Ну... Это была сумасшедшая рыба.

Школьный анекдот

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим желтой осокой. Солнце садилось уже который час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом. Машина катилась по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием. Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры.

Справа из леса вышли двое, ступили на обочину и остановились, глядя в мою сторону. Один из них поднял руку. Я сбросил газ, их рассматривая. Это были, как мне показалось, охотники, молодые люди, может быть, немного старше меня. Их лица понравились мне, и я остановился. Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглое горбоносое лицо и спросил, улыбаясь:

— Вы нас не подбросите до Соловца?

Второй, с рыжей бородой и без усов, тоже улыбал-

ся, выглядывая из-за его плеча. Положительно, это были приятные люди.

— Давайте садитесь, — сказал я. — Один вперед, другой назад, а то у меня там барахло, на заднем сиденье.

— Благодетель! — обрадованно произнес горбоносый, снял с плеча ружье и сел рядом со мной.

Бородатый, нерешительно заглядывая в заднюю дверцу, сказал:

— А можно я здесь немножко того?..

Я перегнулся через спинку и помог ему расчистить место, занятое спальным мешком и свернутой палаткой. Он деликатно уселся, поставив ружье между колен.

— Дверцу прикройте получше, — сказал я.

Все шло, как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживленно заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и все хлопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите, — посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида. — У вас плащ защемляется». Минут через пять все наконец устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» — «Да, — ответил горбоносый. — Или немножко больше. Дорога, правда, неважная — для грузовиков». — «Дорога вполне приличная, — возразил я. — Мне обещали, что я вообще не проеду». — «По этой дороге даже осенью можно проехать». — «Здесь — пожалуй, но вот от Коробца — грунтовая». — «В этом году лето сухое, все подсох-

ло». — «Под Затонью, говорят, дожди», — заметил бородатый на заднем сиденье. «Кто это говорит?» — спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то засмеялись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин, — сказал горбоносый, разглядывая пачку. — Вы из Ленинграда?» — «Да». — «Путешествуете?» — «Путешествую, — сказал я. — А вы здешние?» — «Коренные», — сказал горбоносый. «Я из Мурманска», — сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что Мурманск — одно и то же: Север», — сказал горбоносый. «Нет, почему же», — сказал я вежливо. «В Соловце будете останавливаться?» — спросил горбоносый. «Конечно, — сказал я. — Я в Соловец и еду». — «У вас там родные или знакомые?» — «Нет, — сказал я. — Просто подожду ребят. Они идут берегом, а Соловец у нас — точка рандеву».

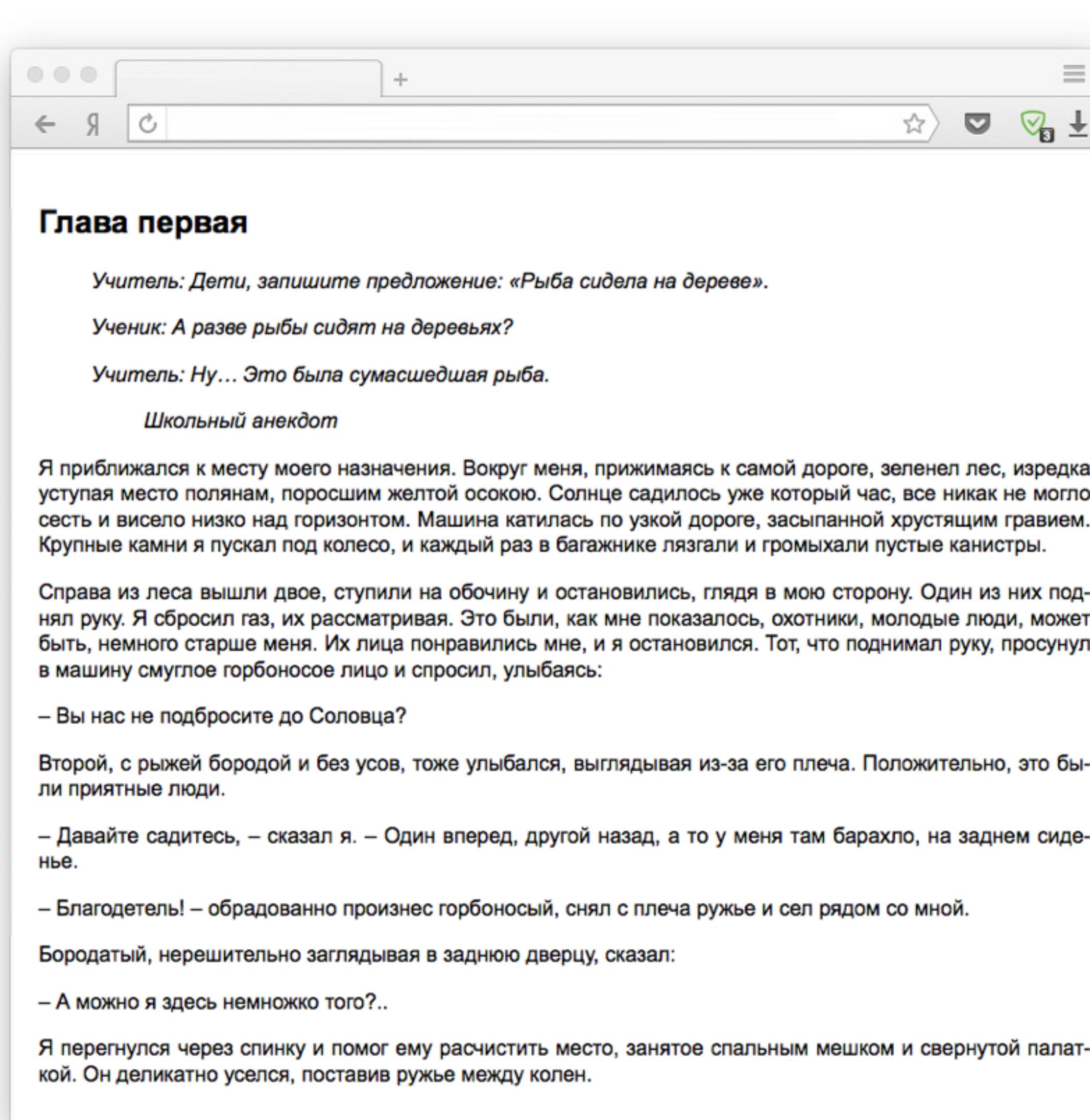
Впереди я увидел большую россыпь камней, притормозил и сказал: «Держитесь крепче». Машина затряслась и запрыгала. Горбоносый ушиб нос о ствол ружья. Мотор взревывал, камни били в днище. «Бедная машина», — сказал горбоносый. «Что делать...» — сказал я. «Не всякий поехал бы по такой дороге на своей машине». — «Я бы поехал», — сказал я. Рассыпь кончилась. «А, так это не ваша машина», — догадался горбоносый. «Ну, откуда у меня машина! Это прокат». — «Понятно», — сказал горбоносый, как мне показалось, разочарованно. Я почувствовал себя задетым. «А какой смысл покупать машину, чтобы разъезжать по асфальту? Там, где асфальт, ничего интересного, а где интересно, там нет асфальта». — «Да, конечно», — вежливо согласился горбоносый. «Глупо, по-моему, делать из машины идола», — заявил я. «Глупо, — сказал бородатый. — Но не все так думают». Мы поговорили о машинах и пришли к выводу, что если уж покупать что-нибудь, так это «ГАЗ-69», вездеход, но их, к сожалению, не продают. Потом горбоносый спросил: «А где вы работаете?» Я ответил. «Колосально! — сказал я. Горбоносый стал загибать пальцы: «Нам нужен программист: а — небалованный, бэ — добролюбец, цэ — чтобы согласился жить в общежитии..

— «Дэ, — подхватил бородатый, — на сто двадцать рублей!». — «А как насчет крыльышек? — спросил я. Или, скажем, сияния вокруг головы? Один на тысячу!» — «А нам всего-то один и нужен», — сказал горбоносый. «А если их всего девятьсот?» — «Согласны на девятьдесятых».

Лес расступился, мы переехали через мост и покатали между картофельными полями. «Девять часов, — сказал горбоносый. — Где вы собираетесь ночевать?» — «В машине переночую. Магазины у вас до которого часа работают?» — «Магазины у нас уже закрыты», — сказал горбоносый. «Можно в общежитии, — сказал бородатый. — У меня в комнате свободная койка». — «К общежитию не подедешь», — сказал горбоносый задумчиво. «Да, пожалуй», — сказал бородатый и почему-то засмеялся. «Машину можно поставить возле милиции», — сказал горбоносый. «Да ерунда это, — сказал бородатый. — Я несу оклесицу, а ты за мной вслед. Как он в общежитие-то пройдет?» — «Д-да, черт, — сказал горбоносый. — Действительно, день не порабощаешь — забываешь про все эти штуки». — «А можешь быть, трансгрессировать его?» — «Ну-ну, — сказал горбоносый. — Это тебе не диван. А ты не Кристоффаль Хунта, да и я тоже...»

— Да вы не беспокойтесь, — сказал я. — Переночую машине, не первый раз.

columns: 2;

Дверцу прикройте получше, — сказал я.

се шло, как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживленно заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и все лопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите, – посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида. – У нас плащ защемляется». Минут через пять все наконец устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» – «Да, – ответил горбоносый. – Или немножко больше. Дорога, правда, неважная – для грузовиков». – «Дорога вполне приличная, – возразил я. – Мне обещали, что я вообще не проеду». – «По этой дороге даже осенью можно проехать». – «Здесь – пожалуй, но вот от Коробца – грунтовая». – «В этом году это сухое, все подсохло». – «Под Затонью, говорят, дожди», – заметил бородатый на заднем сиденье. «Кто это говорит?» – спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то засмеялись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин, – сказал горбоносый, разглядывая пачку. – Вы из Ленинграда?» – «Да». – «Путешествуете?» – «Путешествую, – сказал я. – А вы здешние?» – «Коренные», – сказал горбоносый. «Я из Мурманска», – сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что Мурманск – одно и то же: Север», – сказал горбоносый. «Нет, почему же», – сказал вежливо. «В Соловце будете останавливаться?» – спросил горбоносый. «Конечно, – сказал я. – Я в Соловец и еду». – «У вас там родные или знакомые?» – «Нет, – сказал я. – Просто подожду ребят. Они идут перегом, а Соловец у нас – точка randevu».

переди я увидел большую россыпь камней, притормозил и сказал: «Держитесь крепче». Машина затряслась и запрыгала. Горбоносый ушиб нос о ствол ружья. Мотор взревывал, камни били в днище. «Бедная машина», – сказал горбоносый. «Что делать...» – сказал я. «Не всякий поехал бы по такой дороге на свою машине». – «Я бы поехал», – сказал я. Рассыпь кончилась. «А, так это не ваша машина», – догадался горбоносый. «Ну, откуда у меня машина! Это прокат». – «Понятно», – сказал горбоносый, как мне показалось, разочарованно. Я почувствовал себя задетым. «А какой смысл покупать машину, чтобы разъезжать по асфальту? Там, где асфальт, ничего интересного, а где интересно, там нет асфальта». – «Да, конечно», – вежливо согласился горбоносый. «Глупо, по-моему, делать из машины идола», – заявил я. «Глупо», – сказал бородатый. – Но не все так думают». Мы поговорили о машинах и пришли к выводу, что если покупать что-нибудь, так это «ГАЗ-69», вездеход, но их, к сожалению, не продают. Потом горбоносый спросил: «А где вы работаете?» Я ответил. «Колоссально! – воскликнул горбоносый. – Программист! Нам нужен именно программист. Слушайте, бросайте ваш институт и пошли к нам!» – «А что у вас есть?» – «Что у нас есть?» – спросил горбоносый поворачиваясь. «Алдан-3», – сказал бородатый. «Богатая машина», – сказал я. – И хорошо работает?» – «Да как вам сказать...» – «Понятно», – сказал я. «Собственно, ее еще не отладили, – сказал бородатый. – Оставайтесь у нас, отладите...» – «А перевод мы вам в два счета построим», – добавил горбоносый. «А чем вы занимаетесь?» – спросил я. «Как и вся наука, – сказал горбоносый. – Счастьем человеческим». – «Понятно, – сказал я. – Что-нибудь с космосом?» – «И с космосом зал бородатый. – У меня в комнате свободная комната, – сказал бородатый задумчиво. «Да, пожалуй», – сказал бородатый возле милиции», – сказал горбоносый. «Да ерунды мной вслед. Как он в общежитие-то пройдет?» – «Не поработаешь – забываешь про все эти штуки», – сказал горбоносый. – Это тебе не диван. А ты не будешь беспокоиться, – сказал я. – Переночуешь у меня вдруг страшно захотелось спать на пропахах. – Слушай, – сказал горбоносый, – хо-хо! Изнакурю я, – Правильно! – воскликнул бородатый. – На Луконосе, – Ей-богу, я переночую в машине, – сказал я. – Вы переночуете в доме, – сказал горбоносый. – Как-то благодарить...»

columns: 1;

Глава первая

Учитель: Дети, запишите предложение: «Рыба сидела на дереве».

Ученик: А разве рыбы сидят на деревьях?

Учитель: Ну... Это была сумасшедшая рыба.

Школьный анекдот

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим желтой осокою. Солнце садилось уже который час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом. Машина катилась по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием. Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры.

Справа из леса вышли двое, ступили на обочину и остановились, глядя в мою сторону. Один из них поднял руку. Я сбросил газ, их рассматривая. Это были, как мне показалось, охотники, молодые люди, может быть, немного старше меня. Их лица понравились мне, и я остановился. Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглое горбоносое лицо и спросил, улыбаясь:

– Вы нас не подбросите до Соловца?

Второй, с рыжей бородой и без усов, тоже улыбался, выглядывая из-за его плеча. Положительно, это были приятные люди.

– Давайте садитесь, – сказал я. – Один вперед, другой назад, а то у меня там барабан, на заднем сиденье.

– Благодетель! – обрадованно произнес горбоносый, снял с плеча ружье и сел рядом со мной.

Бородатый, нерешительно заглядывая в заднюю дверцу, сказал:

– А можно я здесь немножко того?..

Я перегнулся через спинку и помог ему расчистить место, занятое спальным мешком и свернутой палаткой. Он деликатно уселся, поставив ружье между колен.

– Дверцу прикройте получше, – сказал я.

Все шло, как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживленно заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и все хлопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите, – посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида. – У вас плащ защемляется». Минут через пять все наконец устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» – «Да, – ответил горбоносый. – Или немножко больше. Дорога, правда, неважная – для грузовиков». – «Дорога вполне приличная, – возразил я. – Мне обещали, что я вообще не проеду». – «По этой дороге даже осенью можно проехать». – «Здесь – пожалуй, но вот от Коробца – грунтовая». – «В этом году лето сухое, все подсохло». – «Под Затонью, говорят, дожди», – заметил бородатый и задумался. «Кто это говорит?» – спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то застегнулись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин, – сказал горбоносый, разглядывая пачку. – Вы из Ленинграда?» – «Да». – «Путешествуете?» – «Путешествую, – сказал я. – А вы здешние?» – «Коренные», – сказал горбоносый. «Я из Мурманска», – сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что Мурманск – одно и то же: Север», – сказал горбоносый. «Нет, почему же», – сказал я вежливо. «В Соловце будете останавливаться?» – спросил горбоносый. «Конечно, – сказал я. – Я в Соловец и еду». – «У вас там родные или знакомые?» – «Нет, – сказал я. – Просто подожду ребят. Они идут берегом, а Соловец у нас – точка randevu».

columns: 1;

Глава первая

Учитель: Дети, запишите предложение: «Рыба сидела на дереве».

Ученик: А разве рыбы сидят на деревьях?

Учитель: Ну... Это была сумасшедшая рыба.

Школьный анекдот

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим желтой осокою. Солнце садилось уже который час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом. Машина катилась по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием. Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры.

Справа из леса вышли двое, ступили на обочину и остановились, глядя в мою сторону. Один из них поднял руку. Я сбросил газ, их рассматривая. Это были, как мне показалось, охотники, молодые люди, может быть, немного старше меня. Их лица понравились мне, и я остановился. Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглое горбоносое лицо и спросил, улыбаясь:

– Вы нас не подбросите до Соловца?

Второй, с рыжей бородой и без усов, тоже улыбался, выглядывая из-за его плеча. Положительно, это были приятные люди.

– Давайте садитесь, – сказал я. – Один вперед, другой назад, а то у меня там баражло, на заднем сиденье.

– Благодетель! – обрадованно произнес горбоносый, снял с плеча ружье и сел рядом со мной.

Бородатый, нерешительно заглядывая в заднюю дверцу, сказал:

– А можно я здесь немножко того?..

Я перегнулся через спинку и помог ему расчистить место, занятое спальным мешком и свернутой палаткой. Он деликатно уселся, поставив ружье между колен.

– Дверцу прикройте получше, – сказал я.

Все шло, как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживленно заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и все хлопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите, – посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида. – У вас плащ защемляется». Минут через пять все наконец устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» – «Да, – ответил горбоносый. – Или немножко больше. Дорога, правда, неважная – для грузовиков». – «Дорога вполне приличная, – возразил я. – Мне обещали, что я вообще не проеду». – «По этой дороге даже осенью можно проехать». – «Здесь – пожалуй, но вот от Коробца – грунтовая». – «В этом году лето сухое, все подсохло». – «Под Затонью, говорят, дожди», – заметил бородатый и задумчиво сиденье. «Кто это говорит?» – спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то застегнулись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин, – сказал горбоносый, разглядывая пачку. – Вы из Ленинграда?» – «Да». – «Путешествуете?» – «Путешествую, – сказал я. – А вы здешние?» – «Коренные», – сказал горбоносый. «Я из Мурманска», – сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что Мурманск – одно и то же: Север», – сказал горбоносый. «Нет, почему же», – сказал я вежливо. «В Соловце будете останавливаться?» – спросил горбоносый. «Конечно, – сказал я. – Я в Соловец и еду». – «У вас там родные или знакомые?» – «Нет, – сказал я. – Просто подожду ребят. Они идут берегом, а Соловец у нас – точка randevu».

columns: 1;

Многоколоночный элемент – это элемент у которого
свойство column-count не auto

Многоколоночная разметка представляет новый тип
контейнера – колоночный box или колонка

Колонки в многоколоночном элементе выстраиваются
друг за другом ...

<http://dev.w3.org/csswg/css-multicol-1/#the-multi-column-model>

Глава первая

Учитель: Дети, запишите предложение: «Рыба сидела на дереве».

Ученик: А разве рыбы сидят на деревьях?

Учитель: Ну... Это была сумасшедшая рыба.

Школьный анекдот

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим желтой осокою. Солнце садилось уже который час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом. Машина катилась по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием. Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры.

Справа из леса вышли двое, ступили на обочину и остановились, глядя в мою сторону. Один из них поднял руку. Я сбросил газ, их рассматривая. Это были, как мне показалось, охотники, молодые люди, может быть, немного старше меня. Их лица понравились мне, и я остановился. Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглую горбоносое лицо и спросил, улыбаясь:

– Вы нас не подбросите до Соловца?

Второй, с рыжей бородой и без усов, тоже улыбался, выглядывая из-за его плеча. Положительно, это были приятные люди.

– Давайте садитесь, – сказал я. – Один вперед, другой назад, а то у меня там баражло, на заднем сиденье.

– Благодетель! – обрадованно произнес горбоносый, снял с плеча ружье и сел рядом со мной.

Бородатый, нерешительно заглядывая в заднюю дверцу, сказал:

– А можно я здесь немножко того?..

Я перегнулся через спинку и помог ему расчистить место, занятое спальным мешком и свернутой палаткой. Он деликатно уселся, поставив ружье между колен.

– Дверцу прикройте получше, – сказал я.

Все шло, как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживленно заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и все хлопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите, – посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида. – У вас плащ защемляется». Минут через пять все наконец устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» – «Да, – ответил горбоносый. – Или немножко больше. Дорога, правда, неважная – для грузовиков». – «Дорога вполне приличная, – возразил я. – Мне обещали, что я вообще не проеду». – «По этой дороге даже осенью можно проехать». – «Здесь – пожалуй, но вот от Коробца – грунтовая». – «В этом году лето сухое, все подсохло». – «Под Затонью, говорят, дожди», – заметил бородатый и задумался. «Кто это говорит?» – спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то застегнулись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин, – сказал горбоносый, разглядывая пачку. – Вы из Ленинграда?» – «Да». – «Путешествуете?» – «Путешествую, – сказал я. – А вы здешние?» – «Коренные», – сказал горбоносый. «Я из Мурманска», – сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что Мурманск – одно и то же: Север», – сказал горбоносый. «Нет, почему же», – сказал я вежливо. «В Соловце будете останавливаться?» – спросил горбоносый. «Конечно, – сказал я. – Я в Соловец и еду». – «У вас там родные или знакомые?» – «Нет, – сказал я. – Просто подожду ребят. Они идут берегом, а Соловец у нас – точка randevu».

columns: 1;

Использован фрагмент передачи КВН, правообладателем передачи является Первый Канал, Россия

Использован фрагмент передачи КВН, правообладателем передачи является Первый Канал, Россия

Глава первая

Учитель: Дети, запишите предложение: «Рыба сидела на дереве».

Ученик: А разве рыбы сидят на деревьях?

Учитель: Ну... Это была сумасшедшая рыба.

Школьный анекдот

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим желтой осокою. Солнце садилось уже который час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом. Машина катилась по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием. Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры.

Справа из леса вышли двое, ступили на обочину и остановились, глядя в мою сторону. Один из них поднял руку. Я сбросил газ, их рассматривая. Это были, как мне показалось, охотники, молодые люди, может быть, немного старше меня. Их лица понравились мне, и я остановился. Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглое горбоносое лицо и спросил, улыбаясь:

– Вы нас не подбросите до Соловца?

Второй, с рыжей бородой и без усов, тоже улыбался, выглядывая из-за его плеча. Положительно, это были приятные люди.

– Давайте садитесь, – сказал я. – Один вперед, другой назад, а то у меня там барабан, на заднем сиденье.

– Благодетель! – обрадованно произнес горбоносый, снял с плеча ружье и сел рядом со мной.

Бородатый, нерешительно заглядывая в заднюю дверцу, сказал:

– А можно я здесь немножко того?..

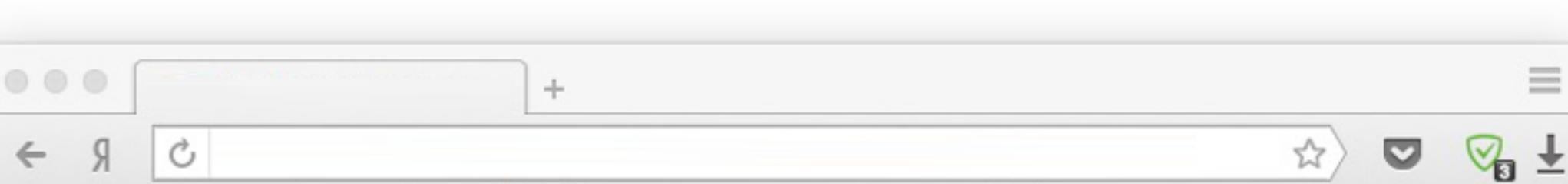
Я перегнулся через спинку и помог ему расчистить место, занятое спальным мешком и свернутой палаткой. Он деликатно уселся, поставив ружье между колен.

– Дверцу прикройте получше, – сказал я.

Все шло, как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживленно заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и все хлопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите, – посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида. – У вас плащ защемляется». Минут через пять все наконец устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» – «Да, – ответил горбоносый. – Или немножко больше. Дорога, правда, неважная – для грузовиков». – «Дорога вполне приличная, – возразил я. – Мне решали, что я вообще не еду». – «По этой дороге даже осенью можно проехать». – «Здесь – пожалуй, но от Кроба – нет». – «В этом году лето сухое, все подсохло». – «Под Затонью, говорят, дожди», – заметил бородатый на заднем сиденье. «Кто это говорит?» – спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то засмеялись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин, – сказал горбоносый, разглядывая пачку. – Вы из Ленинграда?» – «Да». – «Путешествуете?» – «Путешествую, – сказал я. – А вы здешние?» – «Коренные», – сказал горбоносый. «Я из Мурманска», – сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловецкого Мурманска – одно и тоже. Север», – сказал горбоносый. «Нет, почему же», – сказал я вежливо. «Соловецкое будете останавливаться?» – спросил горбоносый. «Конечно, – сказал я. – Я в Соловец и еду». – «У вас там родные или знакомые?» – «Нет, – сказал я. – Просто подожду ребят. Они идут берегом, а Соловец у нас – точка randevu».

columns: 1;

<http://code.google.com/p/chromium/issues/detail?id=473560>

Глава первая

Учитель: Дети, запишите предложение: «Рыба сидела на дереве».

Ученик: А разве рыбы сидят на деревьях?

Учитель: Ну... Это была сумасшедшая рыба.

Школьный анекдот

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим желтой осокою. Солнце садилось уже который час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом. Машина катилась по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием. Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры.

Справа из леса вышли двое, ступили на обочину и остановились, глядя в мою сторону. Один из них поднял руку. Я сбросил газ, их рассматривая. Это были, как мне показалось, охотники, молодые люди, может быть, немного старше меня. Их лица понравились мне, и я остановился. Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглую горбоносое лицо и спросил, улыбаясь:

– Вы нас не подбросите до Соловца?

Второй, с рыжей бородой и без усов, тоже улыбался, выглядывая из-за его плеча. Положительно, это были приятные люди.

– Давайте садитесь, – сказал я. – Один вперед, другой назад, а то у меня там барахло, на заднем сиденье.

– Благодетель! – обрадованно произнес горбоносый, снял с плеча ружье и сел рядом со мной.

Бородатый, нерешительно заглядывая в заднюю дверцу, сказал:

– А можно я здесь немножко того?..

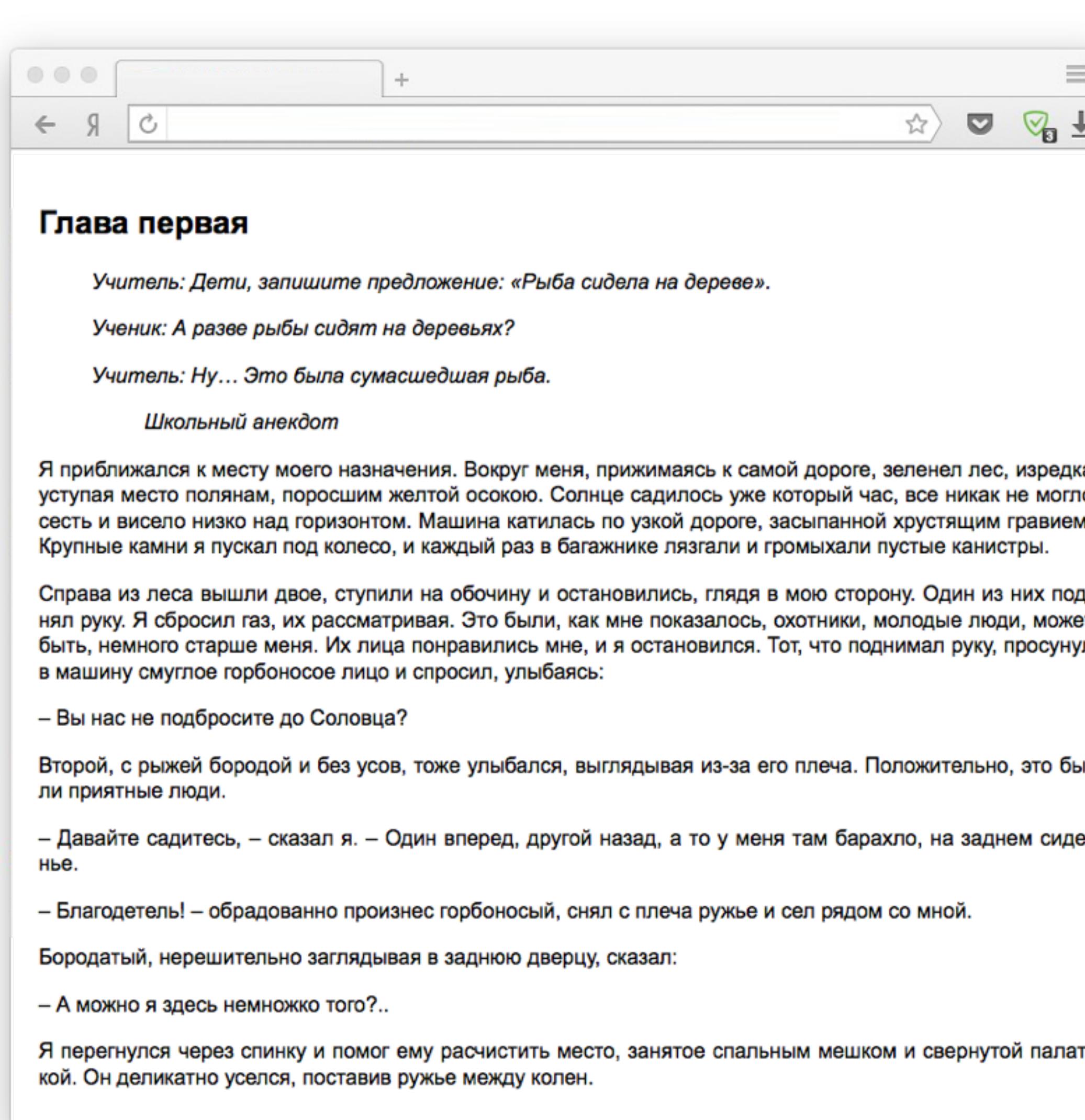
Я перегнулся через спинку и помог ему расчистить место, занятое спальным мешком и свернутой палаткой. Он деликатно уселся, поставив ружье между колен.

– Дверцу прикройте получше, – сказал я.

Все шло, как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживленно заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и все хлопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите, – посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида. – У вас плащ защемляется». Минут через пять все наконец устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» – «Да, – ответил горбоносый. – Или немножко больше. Дорога, правда, неважная – для грузовиков». – «Дорога вполне приличная, – возразил я. – Мне обещали, что я вообще не проеду». – «По этой дороге даже осенью можно проехать». – «Здесь – пожалуй, но вот от Коробца – грунтовая». – «В этом году лето сухое, все подсохло». – «Под Затонью, говорят, дожди», – заметил бородатый на заднем сиденье. «Кто это говорит?» – спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то засмеялись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин», – сказал горбоносый, разглядывая пачку. – Вы из Ленинграда?» – «Да». – «Путешествуете?» – «Путешествую, – сказал я. – А вы здешние?» – «Коренные», – сказал горбоносый. «Я из Мурманска», – сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что Мурманск – одно и то же: Север», – сказал горбоносый. «Нет, почему же», – сказал я вежливо. «В Соловце будете останавливаться?» – спросил горбоносый. «Конечно, – сказал я. – Я в Соловец и еду». – «У вас там родные или знакомые?» – «Нет, – сказал я. – Просто подожду ребят. Они идут берегом, а Соловец у нас – точка randevu».

Впереди я увидел большую россыпь камней, притормозил и сказал: «Держитесь крепче». Машина затряслась и запрыгала. Горбоносый ушиб нос о ствол ружья. Мотор взревывал, камни били в днище. «Бедная машина», – сказал горбоносый. «Что делать...» – сказал я. «Не всякий поехал бы по такой дороге на своей машине». – «Я бы поехал», – сказал я. Россыпь кончилась. «А, так это не ваша машина», – догадался горбоносый. «Ну, откуда у меня машина! Это прокат». – «Понятно», – сказал горбоносый, как мне показалось, разочарованно. – почучествовал себя задетым. «А какой смысл покупать машину, чтобы разъезжать по асфальту? Там, где асфальт, ничего интересного, а где интересно, там нет асфальта». – «Да, конечно», – вежливо согласился горбоносый. «Глупо, по-моему, делать из машины идола», – заявил я. «Глупо, – сказал бородатый. – Но не все так думают». Мы поговорили о машинах и пришли к выводу, что если покупать что-нибудь, так это «ГАЗ-69», вездеход, но их, к сожалению, не продают. Потом горбоносый спросил: «А где вы работаете?» Я ответил. «Колоссально! – восхитился горбоносый. – Программист! Там нужен именно программист. Слушайте, броите ваш институт и пошли к нам!» – «А что у вас есть?» – «Что у нас есть?» – спросил горбоносый, повернувшись. «Алдан-3», – сказал бородатый. «Богатая машина», – сказал я. – И хорошо работает?» – «Да как вам сказать...» – «Понятно», – сказал я. «Собственно, ее еще не отладили», – сказал бородатый. – Оставайтесь у нас, отладите...» – «А перевод мы вам в два счета устроим», – добавил горбоносый. «А чем вы занимаетесь?» – спросил я. «Как и вся наука», – сказал горбоносый. – Счастьем человеческим». – «Понятно, – сказал я. – Что-нибудь с космосом?» – «И с космосом тоже», – сказал горбоносый. «От добра добра не ищут», – сказал я. «Столичный город и приличная зарплата», – сказал бородатый негромко, но я услышал. «Не надо мерять на дынь». – «Да нет, я пошутил», – сказал бородатый. «Это он так шутит, – сказал горбоносый. – Интереснее, чем у нас, вам нигде не будет». – «Почему вы так думаете?» – «Уверен». – «А я не уверен», – сказал горбоносый. «Мне еще поговорили на эту тему», – сказал он. – «Вы долго пробудете в Соловце?» – «Дня два максимум». – «Вот на второй день и поговорим». Бородатый заявил: «Лично я вижу вперед перст судьбы... или путь и встретили программиста. Мне кажется, они обречены». – «Вам действительно так нужен программист?» – спросил я. «Нам позарез нужен программист». – «Я поговорю с ребятами – поговорю. – Гляжу недовольных». – «Нам нужен воркующий программист, – сказал горбоносый. – Программисты – народ дефицитный, избаловались, а нам нужен небалованный». – «Да, это сложнее», – сказал я. Горбоносый стал загибать пальцы: «Нам нужен программист: а – небалованный, бэ – доброволец, цэ – чтобы согласился жить в общежитии...» – «Да, – подхватил бородатый, – на сто двадцать рублей». – «А как насчет крыльшечек? – спросил я. – Или, скажем, сияния вокруг головы? Один на тысячу!» – «А нам всего-то один и нужен», – сказал

Columns: 1;
width: 200%;

- Дверцу прикройте получше, – сказал я.

Все шло, как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживленно заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и все лопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите, – посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида. – У вас плащ защемляется». Минут через пять все наконец устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» – «Да, – ответил горбоносый. – Или немножко больше. Дорога, правда, неважная – для грузовиков». – «Дорога вполне приличная, – возразил я. – Мне обещали, что я вообще не проеду». – «По этой дороге даже осенью можно проехать». – «Здесь – пожалуй, но вот от Коробца – грунтовая». – «В этом году нет сухое, все подсохло». – «Под Затонью, говорят, дожди», – заметил бородатый на заднем сиденье. Кто это говорит?» – спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то засмеялись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им угощаться. «Фабрика Клары Цеткин, – сказал горбоносый, разглядывая пачку. – Вы из Ленинграда?» – «Да». – «Путешествуете?» – «Путешествую, – сказал я. – А вы здешние?» – «Коренные», – сказал горбоносый. «Я из Мурманска», – сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что Мурманск – одно и то же: Север», – сказал горбоносый. «Нет, почему же», – сказал я вежливо. «В Соловце будете останавливаться?» – спросил горбоносый. «Конечно, – сказал я. – Я в Соловец и еду». – «У вас там родные или знакомые?» – «Нет, – сказал я. – Просто подожду ребят. Они идут берегом, а Соловец у нас – точка randevu».

Переди я увидел большую россыпь камней, притормозил и сказал: «Держитесь крепче». Машина затряслась и запрыгала. Горбоносый ушиб нос о ствол ружья. Мотор взревывал, камни били в днище. «Бедная машина», – сказал горбоносый. «Что делать...» – сказал я. «Не всякий поехал бы по такой дороге на свой машине». – «Я бы поехал», – сказал я. Россыпь кончилась. «А, так это не ваша машина», – догадался горбоносый. «Ну, откуда у меня машина! Это прокат». – «Понятно», – сказал горбоносый, как мне показалось, разочарованно. Я почувствовал себя задетым. «А какой смысл покупать машину, чтобы разъезжать по асфальту? Там, где асфальт, ничего интересного, а где интересно, там нет асфальта». – «Да, конечно», – вежливо согласился горбоносый. «Глупо, по-моему, делать из машины идола», – заявил я. «Глупо, – сказал бородатый. – Но не все так думают». Мы поговорили о машинах и пришли к выводу, что если же покупать что-нибудь, так это «ГАЗ-69», вездеход, но их, к сожалению, не продают. Потом горбоносый просил: «А где вы работаете?» Я ответил. «Колоссально! – воскликнул горбоносый. – Программист! Нам нужен именно программист. Слушайте, бросайте ваш институт и пошли к нам!» – «А что у вас есть?» – «Что у нас есть?» – спросил горбоносый поворачиваясь. «Алдан-З», – сказал бородатый. «Богатая машина, – сказал я. – И хорошо работает?» – «Да как вам сказать...» – «Понятно», – сказал я. «Собственно, ее еще не отладили, – сказал бородатый. – Оставайтесь у нас, отладите...» – «А перевод мы вам в два счета строим», – добавил горбоносый. «А чем вы занимаетесь?» – спросил я. «Как и вся наука, – сказал горбоносый. – Счастьем человеческим». – «Понятно, – сказал я. – Что-нибудь с космосом?» – «И с космосом

```
columns: 2;  
width: 200%;
```

“Ни единого разрыва”

нас забавно, но все будет в полном порядке.

Я вышел из машины и стал протирать ветровое стекло. Над головой у меня вдруг завозились. Я поглядел. На воротах умашивался, пристраиваясь поудобнее, гигантский – я таких никогда не видел – черно-серый, разводами, кот. Усевшись, он съто и равнодушно посмотрел на меня желтыми глазами. «Кис-кис-кис», – сказал я машинально. Кот вежливо и холодно разинул зубастую пасть, издал сиплый горловой звук, а затем отвернулся и стал смотреть внутрь двора. Оттуда, из-за забора, голос горбоносого произнес:

– Василий, друг мой, разрешите вас побеспокоить.

Завижал засов. Кот поднялся и бесшумно канул во двор. Ворота тяжело закачались, раздался ужасающий скрип и треск, и левая воротина медленно отворилась. Появилось красное от натуги лицо горбоносого.

– Благодетель! – позвал он. – Заезжайте!

Я вернулся в машину и медленно въехал во двор. Двор был обширный, в глубине стоял дом из толстых бревен, а перед домом красовался приземистый необычайный дуб, широкий, плотный, с густой короной, заслоняющей крышу. От ворот к дому, огибая дуб, шла дорожка, выложенная каменными плитами. Справа от дорожки был сад, а слева, посередине лужайки, возвышался колодезный сруб с воротом, черный от древности и покрытый мохом.

Я поставил машину в сторонке, выключил двигатель и вылез. Бородатый Володя тоже вылез и, прислонив ружье к борту, стал прилаживать рюкзак.

Глава вторая, в которой мы

– Вот вы и дома, – сказал он.

Горбоносый со скрипом и треском затворял ворота, я же, чувствуя себя довольно неловко, озирался, не зная, что делать.

– А вот и хозяйка! – вскричал бородатый. – По здорову ли, баушка, Наина свет Киевна!

Хозяйке было, наверное, за сто. Она шла к нам медленно, опираясь на суковатую палку, волоча ноги в валенках с галошами. Лицо у нее было темно-коричневое; из сплошной массы морщин выдавался вперед и вниз нос, кривой и острый, как ятаган, а глаза были бледные, тусклые, словно бы закрытые бельмами.

– Здравствуй, здравствуй, внучек, – произнесла она неожиданно звучным басом. – Это, значит, и будет новый программист? Здравствуй, батюшка, добро пожаловать!..

Я поклонился, понимая, что нужно помалкивать. Голова бабки поверх черного пухового платка, завязанного под подбородком, была покрыта веселенькой капроновой косынкой с разноцветными изображениями Атомиума и с надписями на разных языках: «Международная выставка в Брюсселе». На подбородке и под носом торчала редкая седая щетина. Одета была бабка в ватную безрукавку и черное суконное платье.

– Таким вот образом, Наина Киевна! – сказал горбоносый, подходя и обтирая с ладоней ржавчину. – Надо нашего нового сотрудника устроить на две ночи. Позвольте вам представить... м-м-м...

узнаём о том что не всё так просто

– А не надо, – сказала старуха, пристально меня рассматривая. – Сама вижу. Привалов Александр Иванович, одна тысяча девятьсот тридцать восьмой, мужской, русский, член ВЛКСМ, нет, нет, не участвовал, не был, не имеет, а будет тебе, алмазный, дальняя дорога и интерес в казенном доме, а бояться тебе, бриллиантовый, надо человека рыжего, недоброго, а позолоти ручку, яхонтовый...

– Гхм! – громко сказал горбоносый, и бабка осеклась. Воцарилось неловкое молчание.

– Можно звать просто Сашей... – выдавил я из себя заранее приготовленную фразу.

– И где же я его положу? – осведомилась бабка.

– В запаснике, конечно, – несколько раздраженно сказал горбоносый.

– А отвечать кто будет?

– Наина Киевна!.. – раскатами провинциального трагика взревел горбоносый, схватил старуху под руку и поволок к дому. Было слышно, как они спорят: «Ведь мы же договорились!..» – «...А ежели он что-нибудь стибрил?...» – «Да тише вы! Это же программист, понимаете? Комсомолец! Ученый!..» – «А ежели он цыкать будет?..»

Я стесненно повернулся к Володе. Володя хихикал.

– Неловко как-то, – сказал я.

– Не беспокойтесь – все будет отлично...

Он хотел сказать еще что-то, но тут бабка дико заорала: «А диван-то, диван!..» Я вздрогнул и сказал:

– Знаете, я, пожалуй, поеду, а?

– Не может быть и речи! – решительно сказал Володя. – Все уладится. Просто бабке нужна мзда, а у нас с Романом нет наличных.

– Я заплачу, – сказал я. Теперь мне очень хотелось уехать: терпеть не могу этих так называемых житейских коллизий.

Володя замотал головой.

– Ничего подобного. Вон он уже идет. Все в порядке.

Горбоносый Роман подошел к нам, взял меня за руку и сказал:

– Ну, все устроилось. Пошли.

– Слушайте, неудобно как-то, – сказал я. – Она, в конце концов, не обязана...

Но мы уже шли к дому.

– Обязана, обязана, – приговаривал Роман.

Обогнув дуб, мы подошли к заднему крыльцу. Роман толкнул обитую дерматином дверь, и мы оказались в прихожей, просторной и чистой, но плохо освещенной. Старуха ждала нас, сложив руки на животе и поджав губы. При виде нас она мстительно пробасила:

– А расписочку чтобы сейчас же!.. Так, мол, и так: принял, мол, то-то и то-то от такой-то, каковая сдала вышеуказанное нижеподписавшемуся...

Роман тихонько взывал, и мы вошли в отведенную мне комнату. Это было прохладное помещение с одним окном, завешенным ситцевой занавесочкой. Роман сказал напряженным голосом:

– Располагайтесь и будьте как дома.

Старуха из прихожей сейчас же ревниво осведомилась:

– А зубом оне не цыкают?

Роман, не оборачиваясь, рявкнул:

– Не цыкают! Говорят вам – зубов нет.

– Тогда пойдем, расписочку напишем...

Роман поднял брови, закатил глаза, оскалил зубы, потряс головой, но все-таки вышел. Я осмотрелся. Мебели в комнате было немного. У окна стоял массивный стол, накрытый ветхой серой скатертью с бахромой, перед столом – колченогий табурет. Возле голой бревенчатой стены помещался обширный диван, на другой стене, заклеенной разнокалиберными обоями, была вешалка с какой-то рухлядью (ватники, вылезшие шубы, драные кепки и ушанки). В комнату вдавалась большая русская печь, сияющая свежей побелкой, а напротив в углу висело большое мутное зеркало в облезлой раме. Пол был выскошен и покрыт полосатыми половиками.

За стеной бубнили в два голоса: старуха басила на одной ноте, голос Романа повышался и понижался «Скатерть, инвентарный номер двести сорок

Разрывы заголовков

```
-webkit-column-break-inside: avoid; /* webkit */  
page-break-inside: avoid; /* firefox */  
break-inside: avoid; /* ie10+ */
```

нас забавно, но все будет в полном порядке.

Я вышел из машины и стал протирать ветровое стекло. Над головой у меня вдруг завозились. Я поглядел. На воротах умашивался, пристраиваясь поудобнее, гигантский – я таких никогда не видел – черно-серый, разводами, кот. Усевшись, он съто и равнодушно посмотрел на меня желтыми глазами. «Кис-кис-кис», – сказал я машинально. Кот вежливо и холодно разинул зубастую пасть, издал сиплый горловой звук, а затем отвернулся и стал смотреть внутрь двора. Оттуда, из-за забора, голос горбоносого произнес:

– Василий, друг мой, разрешите вас побеспокоить.

Завижал засов. Кот поднялся и бесшумно канул во двор. Ворота тяжело закачались, раздался ужасающий скрип и треск, и левая воротина медленно отворилась. Появилось красное от натуги лицо горбоносого.

– Благодетель! – позвал он. – Заезжайте!

Я вернулся в машину и медленно въехал во двор. Двор был обширный, в глубине стоял дом из толстых бревен, а перед домом красовался приземистый необычайный дуб, широкий, плотный, с густой короной, заслоняющей крышу. От ворот к дому, огибая дуб, шла дорожка,ложенная каменными плитами. Справа от дорожки был огород, а слева, посередине лужайки, возвышался колодезный сруб с воротом, черный от древности и покрытый мохом.

Я поставил машину в сторонке, выключил двигатель и вылез. Бородатый Володя тоже вылез и, прислонив ружье к борту, стал прилаживать рюзак.

– Вот вы и дома, – сказал он.

Горбоносый со скрипом и треском затворял ворота, я же, чувствуя себя довольно неловко, озирался, не зная, что делать.

– А вот и хозяйка! – вскричал бородатый. – По здорову ли, баушка, Наина свет Киевна!

Хозяйке было, наверное, за сто. Она шла к нам медленно, опираясь на суковатую палку, волоча ноги в валенках с галошами. Лицо у нее было темно-коричневое; из сплошной массы морщин выдавался вперед и вниз нос, кривой и острый, как ятаган, а глаза были бледные, тусклые, словно бы закрытые бельмами.

– Здравствуй, здравствуй, внучек, – произнесла она неожиданно звучным басом. – Это, значит, и будет новый программист? Здравствуй, батюшка, добро пожаловать!..

Я поклонился, понимая, что нужно помалкивать. Голова бабки поверх черного пухового платка, завязанного под подбородком, была покрыта веселенькой капроновой косынкой с разноцветными изображениями Атомиума и с надписями на разных языках: «Международная выставка в Брюсселе». На подбородке и под носом торчала редкая седая щетина. Одета была бабка в ватную безрукавку и черное суконное платье.

– Таким вот образом, Наина Киевна! – сказал горбоносый, подходя и обтирая с ладоней ржавчину. – Надо нашего нового сотрудника устроить на две ночи. Позвольте вам представить... м-м-м...

Глава вторая, в которой мы узнаём о том что не всё так просто

– А не надо, – сказала старуха, пристально меня рассматривая. – Сама вижу. Привалов Александр Иванович, одна тысяча девятьсот тридцать восьмой, мужской, русский, член ВЛКСМ, нет, нет, не участвовал, не был, не имеет, а будет тебе, алмазный, дальняя дорога и интерес в казенном доме, а бояться тебе, бриллиантовый, надо человека рыжего, недоброго, а позолоти ручку, яхонтовый...

– Гхм! – громко сказал горбоносый, и бабка осеклась. Воцарилось неловкое молчание.

– Можно звать просто Сашей... – выдавил я из себя заранее приготовленную фразу.

– И где же я его положу? – осведомилась бабка.

– В запаснике, конечно, – несколько раздраженно сказал горбоносый.

– А отвечать кто будет?

– Наина Киевна!.. – раскатами провинциального трагика взревел горбоносый, схватил старуху под руку и поволок к дому. Было слышно, как они спорят: «Ведь мы же договорились!..» – «...А ежели он что-нибудь стибрит?..» – «Да тише вы! Это же программист, понимаете? Комсомолец! Ученый!..» – «А ежели он цыкать будет?..»

Я стесненно повернулся к Володе. Володя хихикал.

– Неловко как-то, – сказал я.

– Не беспокойтесь – все будет отлично...

Он хотел сказать еще что-то, но тут бабка дико заорала: «А диван-то, диван!..» Я вздрогнул и сказал:

– Знаете, я, пожалуй, поеду, а?

– Не может быть и речи! – решительно сказал Володя. – Все уладится. Просто бабке нужна мзда, а у нас с Романом нет наличных.

– Я заплачу, – сказал я. Теперь мне очень хотелось уехать: терпеть не могу этих так называемых житейских коллизий.

Володя замотал головой.

– Ничего подобного. Вон он уже идет. Все в порядке.

Горбоносый Роман подошел к нам, взял меня за руку и сказал:

– Ну, все устроилось. Пошли.

– Слушайте, неудобно как-то, – сказал я. – Она, в конце концов, не обязана...

Но мы уже шли к дому.

– Обязана, обязана, – приговаривал Роман.

Обогнув дуб, мы подошли к заднему крыльцу. Роман толкнул обитую дерматином дверь, и мы оказались в прихожей, просторной и чистой, но плохо освещенной. Старуха ждала нас, сложив руки на животе и поджав губы. При виде нас она мстительно пробасила:

– А расписочку чтобы сейчас же!.. Так, мол, и так: принял, мол, то-то и то-то от такой-то, каковая сдала вышеуказанное нижеподписанному...

Роман тихонько звывил, и мы вошли в отведенную мне комнату. Это было прохладное помещение с одним окном, завешенным ситцевой занавесочкой. Роман сказал напряженным голосом:

– Располагайтесь и будьте как дома.

Старуха из прихожей сейчас же ревниво осведомилась:

– А зубом оне не цыкают?

Роман, не оборачиваясь, рявкнул:

– Не цыкают! Говорят вам – зубов нет.

– Тогда пойдем, расписочку напишем...

Роман поднял брови, закатил глаза, оскалил зубы, потряс головой, но все-таки вышел. Я осмотрелся. Мебели в комнате было немного. У окна стоял массивный стол, накрытый ветхой серой скатертью с бахромой, перед столом – колченогий табурет. Возле голой бревенчатой стены помещался обширный диван, на другой стене, заклеенной разнокалиберными обоями, была вешалка с какой-то рухлядью (ватники, вылезшие шубы, драные кепки и ушанки). В комнату вдавалась большая русская печь, сияющая свежей побелкой, а напротив в углу висело большое мутное зеркало в облезлой раме. Пол был выскошен и покрыт полосатыми половиками.

За стеной бубнили в два голоса: старуха басила на одной ноте, голос Романа повышался и понижался «Скатерь, инвентарный номер двести сорок

The screenshot shows a web browser window with a light blue header bar containing standard icons like back, forward, search, and refresh. Below the header is a toolbar with a magnifying glass icon, a star, a folder, and a download button. The main content area is a white page with black text. At the top center, there is a large bold title: "Глава вторая, в которой мы узнаём о том что не всё так просто". The text is organized into several paragraphs of dialogue between characters named Gorboносый, Наина Киевна, Володя, and Роман.

— Вот вы и дома, — сказал он.

Горбоносый со скрипом и треском затворял в ся же, чувствуя себя довольно неловко, озирал зная, что делать.

— А вот и хозяйка! — вскричал бородатый. — По здорову ли, баушка, Наина свет Киевна!

Хозяйке было, наверное, за сто. Она шла к на медленно, опираясь на суковатую палку, волосы ноги в валенках с галошами. Лицо у нее было темно-коричневое; из сплошной массы морщи выдавался вперед и вниз нос, кривой и острый ятаган, а глаза были бледные, тусклые, словно закрытые бельмами.

— Здравствуй, здравствуй, внучек, — произнес неожиданно звучным басом. — Это, значит, и б новый программист? Здравствуй, батюшка, до пожаловать!..

Я поклонился, понимая, что нужно помалкивать. Голова бабки поверх черного пухового платка, завязанного под подбородком, была покрыта веселенькой капроновой косынкой с разноцветными изображениями Атомиума и с надписями на разных языках: «Международна выставка в Брюсселе». На подбородке и под ней торчала редкая седая щетина. Одета была в ватную безрукавку и черное суконное платье.

— Таким вот образом, Наина Киевна! — сказал горбоносый, подходя и обтирая с ладоней ржавчину. — Надо нашего нового сотрудника устроить на две ночи. Позвольте вам представить... м-м-м...

— Не беспокойтесь — все будет отлично...

Он хотел сказать еще что-то, но тут бабка дико заорала: «А диван-то, диван!..» Я вздрогнул и сказал:

— Знаете, я, пожалуй, поеду, а?

— Не может быть и речи! — решительно сказал Володя. — Все уладится. Просто бабке нужна мзда, а у нас с Романом нет наличных.

— Я заплачу, — сказал я. Теперь мне очень хотелось уехать: терпеть не могу этих так называемых житейских коллизий.

Володя замотал головой.

— Ничего подобного. Вон он уже идет. Все в порядке.

Горбоносый Роман подошел к нам, взял меня за руку и сказал:

— Ну, все устроилось. Пошли.

— Слушайте, неудобно как-то, — сказал я. — Она, в конце концов, не обязана...

Но мы уже шли к дому.

— Обязана, обязана, — приговаривал Роман.

Обогнув дуб, мы подошли к заднему крыльцу. Роман толкнул обитую дерматином дверь, и мы оказались в прихожей, просторной и чистой, но плохо освещенной. Старуха ждала нас, сложив руки на животе и поджав губы. При виде нас она мстительно пробасила:

— А расписочку чтобы сейчас же!.. Так, мол, и так: принял, мол, то-то и то-то от такой-то, каковая сдала вышеуказанное нижеподписанному...

Роман тихонько взывал, и мы вошли в отведенную мне комнату. Это было прохладное помещение с одним окном, завешенным ситцевой занавесочкой. Роман сказал напряженным голосом:

— Располагайтесь и будьте как дома.

Старуха из прихожей сейчас же ревниво осведомилась:

— А зубом оне не цыкают?

Роман, не оборачиваясь, рявкнул:

— Не цыкают! Говорят вам — зубов нет.

— Тогда пойдем, расписочку напишем...

Роман поднял брови, закатил глаза, оскалил зубы, потряс головой, но все-таки вышел. Я осмотрелся. Мебели в комнате было немного. У окна стоял массивный стол, накрытый ветхой серой скатертью с бахромой, перед столом — колченогий табурет. Возле головы бревенчатой стены помещался обширный диван, на другой стене, заклеенной разнокалиберными обоями, была вешалка с какой-то рухлядью (ватники, вылезшие шубы, драные кепки и ушанки). В комнату вдавалась большая русская печь, сияющая свежей побелкой, а напротив в углу висело большое мутное зеркало в облезлой раме. Пол был выскошен и покрыт полосатыми половиками.

За стеной бубнили в два голоса: старуха басила на одной ноте, голос Романа повышался и понижался «Скатерть, инвентарный номер двести сорок

нас забавно, но все будет в полном порядке.

Я вышел из машины и стал протирать ветровое стекло. Над головой у меня вдруг завозились. Я поглядел. На воротах умащивался, пристраиваясь поудобнее, гигантский — я таких никогда не видел — черно-серый, разводами, кот. Усевшись, он съто и равнодушно посмотрел на меня желтыми глазами. «Кис-кис-кис», — сказал я машинально. Кот вежливо и холодно разинул зубастую пасть, издал сиплый горловой звук, а затем отвернулся и стал смотреть внутрь двора. Оттуда, из-за забора, голос горбоносого произнес:

— Василий, друг мой, разрешите вас побеспокоить.

Завизжал засов. Кот поднялся и бесшумно канул во двор. Ворота тяжело закачались, раздался ужасающий скрип и треск, и левая воротина медленно отворилась. Появилось красное от натуги лицо горбоносого.

— Благодетель! — позвал он. — Заезжайте!

Я вернулся в машину и медленно въехал во двор. Двор был обширный, в глубине стоял дом из толстых бревен, а перед домом красовался приземистый необъятный дуб, широкий, плотный, с густой короной, заслоняющей крышу. От ворот к дому, огибая дуб, шла дорожка, выложенная каменными плитами. Справа от дорожки был огород, а слева, посередине лужайки, возвышался колодезный сруб с воротом, черный от древности и покрытый мохом.

Я поставил машину в сторонке, выключил двигатель и вылез. Бородатый Володя тоже вылез и, прислонив ружье к борту, стал прилаживать рюкзак.

поудобнее, гигантский – я таких никогда не видел – черно-серый, разводами, кот. Усевшись, он съто и равнодушно посмотрел на меня желтыми глазами. «Кис-кис-кис», – сказал я машинально. Кот вежливо и холодно разинул зубастую пасть, издал сиплый горловой звук, а затем отвернулся и стал смотреть внутрь двора. Оттуда, из-за забора, голос горбоносого произнес:

– Василий, друг мой, разрешите вас побеспокоить.

Завизжал засов. Кот поднялся и бесшумно канул во двор. Ворота тяжело закачались, раздался ужасающий скрип и треск, и левая воротина медленно отворилась. Появилось красное от натуги лицо горбоносого.

– Благодетель! – позвал он. – Заезжайте!

Я вернулся в машину и медленно въехал во двор. Двор был обширный, в глубине стоял дом из толстых бревен, а перед домом красовался приземистый необъятный дуб, широкий, плотный, с густой кроной, заслоняющей крышу. От ворот к дому, огибая дуб, шла дорожка, выложенная каменными плитами. Справа от дорожки был огород, а слева, посередине лужайки, возвышался колодезный сруб с воротом, черный от древности и покрытый мохом.

Я поставил машину в сторонке, выключил двигатель и вылез. Бородатый Володя тоже вылез и, прислонив ружье к борту, стал прилаживать рюкзак.

– Вот вы и дома, – сказал он.

Горбоносый со скрипом и треском затворял ворота, я же, чувствуя себя довольно неловко, озирался, не зная, что делать.

– А вот и хозяйка! – вскричал бородатый. – По здорову ли, баушка, Наина свет Киевна!

Хозяйке было, наверное, за сто. Она шла к наимедленно, опираясь на суковатую палку, волосы ноги в валенках с галошами. Лицо у нее было темно-коричневое; из сплошной массы морщи выдавался вперед и вниз нос, кривой и острый ятаган, а глаза были бледные, тусклые, словно закрытые бельмами.

– Здравствуй, здравствуй, внучек, – произнес неожиданно звучным басом. – Это, значит, и б новый программист? Здравствуй, батюшка, до пожаловать!..

Я поклонился, понимая, что нужно помалкивать. Голова бабки поверх черного пухового платка, завязанного под подбородком, была покрыта веселенькой капроновой косынкой с разноцветными изображениями Атомиума и с надписями на разных языках: «Международна выставка в Брюсселе». На подбородке и под ней торчала редкая седая щетина. Одета была в ватную безрукавку и черное суконное платье.

– Таким вот образом, Наина Киевна! – сказал горбоносый, подходя и обтирая с ладоней ржавчину. – Надо нашего нового сотрудника устроить на две ночи. Позвольте вам представить... м-м-м...

Глава вторая, в которой мы узнаём о том что не всё так просто

– А не надо, – сказала старуха, пристально меня рассматривая. – Сама вижу. Привалов Александр Иванович, одна тысяча девятьсот тридцать восьмой, мужской, русский, член ВЛКСМ, нет, нет, не участвовал, не был, не имеет, а будет тебе, алмазный, дальняя дорога и интерес в казенном доме, а бояться тебе, бриллиантовый, надо человека рыжего, недоброго, а позолоти ручку, яхонтовый...

– Гхм! – громко сказал горбоносый, и бабка осеклась. Воцарилось неловкое молчание.

– Можно звать просто Сашей... – выдавил я из себя заранее приготовленную фразу.

– И где же я его положу? – осведомилась бабка.

– В запаснике, конечно, – несколько раздраженно сказал горбоносый.

– А отвечать кто будет?

– Наина Киевна!.. – раскатами провинциального трагика взревел горбоносый, схватил старуху под руку и поволок к дому. Было слышно, как они спорят: «Ведь мы же договорились!..» – «...А ежели он что-нибудь стибрит?..» – «Да тише вы! Это же программист, понимаете? Комсомолец! Ученый!..» – «А ежели он цыкать будет?..»

Я стесненно повернулся к Володе. Володя хихикал.

– Неловко как-то, – сказал я.

– Не беспокойтесь – все будет отлично...

Он хотел сказать еще что-то, но тут бабка дико заорала: «А диван-то, диван!..» Я вздрогнул и сказал:

– Знаете, я, пожалуй, поеду, а?

– Не может быть и речи! – решительно сказал Володя. – Все уладится. Просто бабке нужна мзда, а у нас с Романом нет наличных.

– Я заплачу, – сказал я. Теперь мне очень хотелось уехать: терпеть не могу этих так называемых житейских коллизий.

Володя замотал головой.

– Ничего подобного. Вон он уже идет. Все в порядке.

Горбоносый Роман подошел к нам, взял меня за руку и сказал:

– Ну, все устроилось. Пошли.

– Слушайте, неудобно как-то, – сказал я. – Она, в конце концов, не обязана...

Но мы уже шли к дому.

– Обязана, обязана, – приговаривал Роман.

Обогнув дуб, мы подошли к заднему крыльцу. Роман толкнул обитую дерматином дверь, и мы оказались в прихожей, просторной и чистой, но плохо освещенной. Старуха ждала нас, сложив руки на животе и поджав губы. При виде нас она мстительно пробасила:

– А расписочку чтобы сейчас же!.. Так, мол, и так: принял, мол, то-то и то-то от такой-то, каковая сдала вышеуказанное нижеподписанному...

Роман тихонько взывал, и мы вошли в отведенную мне комнату. Это было прохладное помещение с одним окном, завешенным ситцевой занавеской. Роман сказал напряженным голосом:

– Располагайтесь и будьте как дома.

Старуха из прихожей сейчас же ревниво осведомилась:

– А зубом оне не цыкают?

Роман, не оборачиваясь, рявкнул:

– Не цыкают! Говорят вам – зубов нет.

– Тогда пойдем, расписочку напишем...

Роман поднял брови, закатил глаза, оскалил зубы, потряс головой, но все-таки вышел. Я осмотрелся. Мебели в комнате было немного. У окна стоял массивный стол, накрытый ветхой серой скатертью с бахромой, перед столом – колченогий табурет. Возле голой бревенчатой стены помещался обширный диван, на другой стене, заклеенной разнокалиберными обоями, была вешалка с какими-то рухлядью (ватники, вылезшие шубы, драные кепки и ушанки). В комнату вдавалась большая русская печь, сияющая свежей побелкой, а напротив в углу висело большое мутное зеркало в облезлой раме. Пол был выскошен и покрыт полосатыми половиками.

За стеной бубнили в два голоса: старуха басила на одной ноте, голос Романа повышался и понижался. «Скатерть, инвентарный номер двести сорок пять...» – «Вы еще каждую половину запишите!..» «Стол обеденный...» – «Печь вы тоже запишете?..» – «Порядок нужен... Диван...»

Я подошел к окну и отдернул занавеску. За окном был дуб, больше ничего не было видно. Я стал

поудобнее, гигантский – я таких никогда не видел – черно-серый, разводами, кот. Усевшись, он съто и равнодушно посмотрел на меня желтыми глазами. «Кис-кис-кис», – сказал я машинально. Кот вежливо и холодно разинул зубастую пасть, издал сиплый горловой звук, а затем отвернулся и стал смотреть внутрь двора. Оттуда, из-за забора, голос горбоносого произнес:

– Василий, друг мой, разрешите вас побеспокоить.

Завизжал засов. Кот поднялся и бесшумно канул во двор. Ворота тяжело закачались, раздался ужасающий скрип и треск, и левая воротина медленно отворилась. Появилось красное от натуги лицо горбоносого.

– Благодетель! – позвал он. – Заезжайте!

Я вернулся в машину и медленно въехал во двор. Двор был обширный, в глубине стоял дом из толстых бревен, а перед домом красовался приземистый необъятный дуб, широкий, плотный, с густой кроной, заслоняющей крышу. От ворот к дому, огибая дуб, шла дорожка, выложенная каменными плитами. Справа от дорожки был огород, а слева, посередине лужайки, возвышался колодезный сруб с воротом, черный от древности и покрытый мохом.

Я поставил машину в сторонке, выключил двигатель и вылез. Бородатый Володя тоже вылез и, прислонив ружье к борту, стал прилаживать рюкзак.

– Вот вы и дома, – сказал он.

Горбоносый со скрипом и треском затворял ворота, я же, чувствуя себя довольно неловко, озирался, не

зная, что делать.

– А вот и хозяйка! – вскричал бородатый. – По здорову ли, баушка, Наина свет Киевна!

Хозяйке было, наверное, за сто. Она шла к нам медленно, опираясь на суковатую палку, волоча ноги в валенках с галошами. Лицо у нее было темно-коричневое; из сплошной массы морщин выдавался вперед и вниз нос, кривой и острый, как ятаган, а глаза были бледные, тусклые, словно бы закрытые бельмами.

– Здравствуй, здравствуй, внучек, – произнесла она неожиданно звучным басом. – Это, значит, и будет новый программист? Здравствуй, батюшка, добро пожаловать!..

Я поклонился, понимая, что нужно помалкивать. Голова бабки поверх черного пухового платка, завязанного под подбородком, была покрыта веселенькой капроновой косынкой с разноцветными изображениями Атомиума и с надписями на разных языках: «Международная выставка в Брюсселе». На подбородке и под носом торчала редкая седая щетина. Одета была бабка в ватную безрукавку и черное суконное платье.

– Таким вот образом, Наина Киевна! – сказал горбоносый, подходя и обтирая с ладоней ржавчину. – Надо нашего нового сотрудника устроить на две ночи. Позвольте вам представить... м-м-м...

Глава вторая, в которой мы узнаём о том что не всё так просто

– А не надо, – сказала старуха, пристально меня рассматривая. – Сама вижу. Привалов Александр Иванович, одна тысяча девятьсот тридцать восьмой, мужской, русский, член ВЛКСМ, нет, нет, не участвовал, не был, не имеет, а будет тебе, алмазный, дальняя дорога и интерес в казенном доме, а бояться тебе, бриллиантовый, надо человека рыжего, недоброго, а позолоти ручку, яхонтовый...

– Гхм! – громко сказал горбоносый, и бабка осеклась. Воцарилось неловкое молчание.

– Можно звать просто Сашей... – выдавил я из себя заранее приготовленную фразу.

– И где же я его положу? – осведомилась бабка.

– В запаснике, конечно, – несколько раздраженно сказал горбоносый.

– А отвечать кто будет?

– Наина Киевна!.. – раскатами провинциального трагика взревел горбоносый, схватил старуху под руку и поволок к дому. Было слышно, как они спорят: «Ведь мы же договорились!..» – «...А ежели он что-нибудь стибрит?..» – «Да тише вы! Это же программист, понимаете? Комсомолец! Ученый!..» – «А ежели он цыкать будет?..»

Я стесненно повернулся к Володе. Володя хихикал.

– Неловко как-то, – сказал я.

– Не беспокойтесь – все будет отлично...

Он хотел сказать еще что-то, но тут бабка дико заорала: «А диван-то, диван!..» Я вздрогнул и сказал:

– Знаете, я, пожалуй, поеду, а?

– Не может быть и речи! – решительно сказал Володя. – Все уладится. Просто бабке нужна мзда, а у нас с Романом нет наличных.

– Я заплачу, – сказал я. Теперь мне очень хотелось уехать: терпеть не могу этих так называемых житейских коллизий.

Володя замотал головой.

– Ничего подобного. Вон он уже идет. Все в порядке.

Горбоносый Роман подошел к нам, взял меня за руку и сказал:

– Ну, все устроилось. Пошли.

– Слушайте, неудобно как-то, – сказал я. – Она, в конце концов, не обязана...

Но мы уже шли к дому.

– Обязана, обязана, – приговаривал Роман.

Обогнув дуб, мы подошли к заднему крыльцу. Роман толкнул обитую дерматином дверь, и мы оказались в прихожей, просторной и чистой, но плохо освещенной. Старуха ждала нас, сложив руки на животе и поджав губы. При виде нас она мстительно пробасила:

– А расписочку чтобы сейчас же!.. Так, мол, и так: принял, мол, то-то и то-то от такой-то, каковая сдала вышеуказанное нижеподписанному...

Роман тихонько взывал, и мы вошли в отведенную мне комнату. Это было прохладное помещение с

одним окном, завешенным ситцевой занавеской. Роман сказал напряженным голосом:

– Располагайтесь и будьте как дома.

Старуха из прихожей сейчас же ревниво осведомилась:

– А зубом оне не цыкают?

Роман, не оборачиваясь, рявкнул:

– Не цыкают! Говорят вам – зубов нет.

– Тогда пойдем, расписочку напишем...

Роман поднял брови, закатил глаза, оскалил зубы, потряс головой, но все-таки вышел. Я осмотрелся. Мебели в комнате было немного. У окна стоял массивный стол, накрытый ветхой серой скатертью с бахромой, перед столом – колченогий табурет. Возле голой бревенчатой стены помещался обширный диван, на другой стене, заклеенной разнокалиберными обоями, была вешалка с какой-то рухлядью (ватники, вылезшие шубы, драные кепки и ушанки). В комнату вдавалась большая русская печь, сияющая свежей побелкой, а напротив в углу висело большое мутное зеркало в облезлой раме. Пол был выскошен и покрыт полосатыми половиками.

За стеной бубнили в два голоса: старуха басила на одной ноте, голос Романа повышался и понижался. «Скатерть, инвентарный номер двести сорок пять...» – «Вы еще каждую половицу запишите!..» «Стол обеденный...» – «Печь вы тоже запишете?..

– Порядок нужен... Диван...»

Я подошел к окну и отдернул занавеску. За окном был дуб, больше ничего не было видно. Я стал

Заголовок

Руслан и Людмила

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:

```
h1 {
```

```
margin-bottom: 0.5em;
```

```
}
```

Заголовок

```
h1 {
```

```
padding-bottom: 2em;
```

```
}
```

Руслан и Людмила

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:

Руслан и Людмила

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:

Заголовок

```
h1 {
```

```
padding-bottom: 2em;
```

```
margin-bottom: -1em;
```

```
}
```

Руслан и Людмила

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:

Руслан и Людмила

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:

Главы

затотал головой, вытряхивая из волос мусор. Странный это был мусор, неожиданный: крупная сухая рыбья чешуя. Колко спать будет, подумал я, повалился на подушку и сразу заснул.

Глава вторая

...Опустевший дом превратился в логово лисиц и барсуков, и потому здесь могут появляться странные оборотни и призраки.

A. Уэда

Я проснулся посреди ночи оттого, что в комнате разговаривали. Разговаривали двое, едва слышным шепотом. Голоса были очень похожи, но один был немного сдавленный и хрипловатый, а другой выдавал крайнее раздражение.

– Не храни, – шептал раздраженный. – Ты можешь не хранить?

– Могу, – отозвался сдавленный и заперхал.

– Да тише ты... – прошипел раздраженный.

– Хрипунец, – объяснил сдавленный. – Утренний кашель курильщика... – Он снова заперхал.

– Удались отсюда, – сказал раздраженный.

– Да все равно он спит...

– Кто он такой? Откуда свалился?

– А я почем знаю?

– Вот досада... Ну просто феноменально не везет. Опять соседям не спится, подумал я спросонья.

Я вообразил, что я дома. Дома у меня в соседях два брата-физика, которые обожают работать ночью. К двум часам пополночи у них кончаются сигареты, и тогда они забираются ко мне в комнату и начинают шарить, стучать мебелью и переругиваясь.

Я схватил подушку и швырнул в пустоту. Что-то с шумом обрушилось, и стало тихо.

– Подушку верните, – сказал я, – и убирайтесь вон. Сигареты на столе.

Звук собственного голоса разбудил меня окончательно. Я сел. Уныло лаяли собаки, за стеной грозно хранила старуха. Я наконец вспомнил, где нахожусь. В комнате никого не было. В сумеречном свете я увидел на полу свою подушку и барабан, рухнувшее с вешалки. Бабка голову оторвет, подумал я и вскочил. Пол был холодный, и я переступил на половики. Бабка перестала хранить. Я замер. Потрескивали половицы, что-то хранило и шелестело в углах. Бабка оглушительно свистнула и за хранила снова. Я поднял подушку и бросил ее на диван. От рухляди пахло псиной. Вешалка сорвалась с гвоздя и висела боком. Я поправил ее и стал подбирать рухлядь. Едва я повесил последний салоп, как вешалка обвилась и, шаркнув по обоям, снова повисла на одном гвозде. Бабка перестала хранить, и я облился холодным потом. Где-то поблизости завопил петух. В суп тебя, подумал я с ненавистью. Старуха за стеной принялась вертеться, скрипели и щелкали

пружины. Я ждал, стоя на одной ноге. Во дворе кто-то сказал тихонько: «Спать пора, засиделись мы сегодня с тобой». Голос был молодой, женский. «Спать так спать, – отозвался другой голос. Послышался протяжный зевок. – Плескаться больше не будешь сегодня?» – «Холодно что-то. Давай банишки». Стало тихо. Бабка зарычала и заворчала, и я осторожно вернулся на диван. Утром встану пораньше и все поправлю как следует...

Я лег на правый бок, натянул одеяло на ухо, закрыл глаза и вдруг понял, что спать мне совершенно не хочется – хочется есть. Ай-яй-яй, подумал я. Надо было срочно принимать меры, и я их принял.

Вот, скажем, система двух интегральных уравнений типа уравнений звездной статистики; обе неизвестные функции находятся под интегралом. Решать, естественно, можно только численно, скажем, на БЭСМе... Я вспомнил нашу БЭСМ. Панель управления цвета заварного крема. Женя кладет на эту панель газетный сверток и неторопливо его разворачивает. «У тебя что?» – «У меня с сыром и колбасой». С польской полукупченой, кружочками. «Эх ты, жениться надо! У меня котлеты, с чесноком, домашние. И соленый огурчик». Нет, два огурчика... Четыре котлеты и для ровного счета четыре крепких соленных огурчиков. И четыре куска хлеба с маслом...

Я откинул одеяло и сел. Может быть, в машине что-нибудь осталось? Нет, все, что там было, я съел. Осталась поваренная книга для Валькиной мамы, которая живет в Лежневе. Как это там... Соус пикан. Полстакана уксусу, две луковицы... и перчик. Подается к мясным блюдам... Как сейчас помню: к

маленьким бифштексам. Вот подлость, подумал я, ведь не просто к бифштексам, а к ма-а-аленьkim бифштексам. Я вскочил и подбежал к окну. В ночном воздухе отчетливо пахло ма-а-аленькими бифштексами. Откуда-то из недр подсознания всплыло: «Подавались ему обычные в трактирах блюда, как-то: кислые щи, мозги с горошком, огурец соленый (я глотнул) и вечный слоеный сладкий пирожок...» Отвлечься бы, подумал я и взял книгу с подоконника. Это был Алексей Толстой, «Хмурое утро». Я открыл наугад. «Махно, сломав сардиночный ключ, вытащил из кармана перламутровый ножик с полусотней лезвий и им продолжал орудовать, открывая жестянки с ананасами (плохо дело, подумал я), французским паштетом, с омарами, от которых резко запахло по комнате». Я осторожно положил книгу и сел за стол на табурет. В комнате вдруг обнаружился вкусный резкий запах: должно быть, пахло омарами. Я стал размышлять, почему я до сих пор ни разу не пробовал омаров. Или, скажем, устриц. У Диккенса все едят устриц, орудуют складными ножами, отрезают толстые ломти хлеба, намазывают маслом... Я стал нервно разглаживать скатерть. На скатерти виднелись неотмытые пятна. На ней много и вкусно ели. Ели омаров и мозги с горошком. Ели маленькие бифштессы с соусом пикан. Большие и средние бифштессы тоже ели. Сыто отдувались, удовлетворенно цыкали зубом... Отдуваться мне было не с чего, и я принялся цыкать зубом.

Наверное, я делал это громко и голодно, потому что старуха за стеной заскрипела кроватью, сердито затормозила, загремела чем-то и вдруг вошла ко мне в комнату. На ней была длинная серая рубаха, а в руках она несла тарелку, и в комнате сейчас же

распространился настоящий, а не фантастический аромат еды. Старуха улыбалась. Она поставила тарелку прямо передо мной и сладко пробасила:

– Откушай-ко, батюшка, Александр Иванович. Откушай, чем бог послал, со мной переслал...

– Что вы, что вы, Наина Киевна, – зaborомотал я, – зачем же было так беспокоить себя...

Но в руке у меня уже откуда-то оказалась вилка с костяной ручкой, и я стал есть, а бабка стояла рядом, кивала и приговаривала:

– Кушай, батюшка, кушай на здоровье...

Я съел все. Это была горячая картошка с топленым маслом.

– Наина Киевна, – сказал я истово, – вы меня спасли от голодной смерти.

– Поел? – сказала Наина Киевна как-то неприветливо.

– Великолепно поел. Огромное вам спасибо! Вы себе представить не можете...

– Чего уж тут не представить, – перебила она уже совершенно раздраженно. – Поел, говорю? Ну и давай сюда тарелку... Тарелку, говорю, давай!

– По... пожалуйста, – проговорил я.

– «Пожалуйста, пожалуйста»... Корми тут вас за пожалуйста...

– Я могу заплатить, – сказал я, начиная сердиться

замотал головой, вытряхивая из волос мусор. Странный это был мусор, неожиданный: крупная сухая рыбья чешуя. Колко спать будет, подумал я, повалился на подушку и сразу заснул.

Глава вторая

...Опустевший дом превратился в логово лисиц и барсуков, и потому здесь могут появляться странные оборотни и призраки.

А. Уэда

Я проснулся посреди ночи оттого, что в комнате разговаривали. Разговаривали двое, едва слышным шепотом. Голоса были очень похожи, но один был немного сдавленный и хрипловатый, а другой выдавал крайнее раздражение.

– Не хрюпи, – шептал раздраженный. – Ты можешь не хрюпеть?

– Могу, – отозвался сдавленный и заперхал.

– Да тише ты... – прошипел раздраженный.

– Хрипунец, – объяснил сдавленный. – Утренний кашель курильщика... – Он снова заперхал.

– Удались отсюда, – сказал раздраженный.

– Да все равно он спит...

– Кто он такой? Откуда свалился?

– А я почем знаю?

– Вот досада... Ну просто феноменально не везет.

Опять соседям не спится, подумал я спросонья.

Я вообразил, что я дома. Дома у меня в соседях два брата-физика, которые обожают работать ночью. К двум часам пополуночи у них кончаются сигареты, и тогда они забираются ко мне в комнату и начинают шарить, стучать мебелью и переругиваясь.

Я схватил подушку и швырнул в пустоту. Что-то с шумом обрушилось, и стало тихо.

– Подушку верните, – сказал я, – и убирайтесь вон. Сигареты на столе.

Звук собственного голоса разбудил меня окончательно. Я сел. Уныло лаяли собаки, за стеной грозно хрюпала старуха. Я наконец вспомнил, где нахожусь. В комнате никого не было. В сумеречном свете я увидел на полу свою подушку и барабан, рухнувшее с вешалки. Бабка голову оторвет, подумал я и вскочил. Пол был холодный, и я переступил на половики. Бабка перестала хрюпать. Я замер. Потрескивали половицы, что-то хрюстало и шелестело в углах. Бабка оглушительно свистнула и захрапела снова. Я поднял подушку и бросил ее на диван. От рухляди пахло псиной. Вешалка сорвалась с гвоздя и висела боком. Я поправил ее и стал подбирать рухлянь. Едва я повесил последний салоп, как вешалка оборвалась и, шаркнув по обоям, снова повисла на одном гвозде. Бабка перестала хрюпать, и я облился холодным потом. Где-то поблизости завопил петух. В суп тебя, подумал я с ненавистью. Старуха за стеной принялась вертеться, скрипели и щелкали пружины. Я ждал, стоя на одной ноге. Во дворе кто-то сказал тихонько: «Спать пора, засиделись мы сегодня с тобой». Голос был молодой, женский.

«Спать так спать, – отозвался другой голос. Послышался протяжный зевок. – Плескаться больше не будешь сегодня?» – «Холодно что-то. Давай банишки». Стало тихо. Бабка зарычала и заворчала, и я осторожно вернулся на диван. Утром встану пораньше и все поправлю как следует...

Я лег на правый бок, натянул одеяло на ухо, закрыл глаза и вдруг понял, что спать мне совершенно не хочется – хочется есть. Ай-яй-яй, подумал я. Надо было срочно принимать меры, и я их принял.

Вот, скажем, система двух интегральных уравнений типа уравнений звездной статистики; обе неизвестные функции находятся под интегралом. Решать, естественно, можно только численно, скажем, на БЭСМе... Я вспомнил нашу БЭСМ. Панель управления цвета заварного крема. Женя кладет на эту панель газетный сверток и неторопливо его разворачивает. «У тебя что?» – «У меня с сыром и колбасой». С польской полукопченой, кружочками. «Эх ты, жениться надо! У меня котлеты, с чесноком, домашние. И соленый огурчик». Нет, два огурчика... Четыре котлеты и для ровного счета четыре крепких соленных огурчика. И четыре куска хлеба с маслом...

Я откинул одеяло и сел. Может быть, в машине что-нибудь осталось? Нет, все, что там было, я съел. Осталась поваренная книга для Валькиной мамы, которая живет в Лежневе. Как это там... Соус пикан. Полстакана уксусу, две луковицы... и перчик. Подается к мясным блюдам... Как сейчас помню: к маленьким бифштексам. Вот подлость, подумал я, ведь не просто к бифштексам, а к ма-а-аленьким бифштексам. Я вскочил и подбежал к окну. В

ночном воздухе отчетливо пахло ма-а-аленькими бифштексами. Откуда-то из недр подсознания всплыло: «Подавались ему обычные в трактирах блюда, как-то: кислые щи, мозги с горошком, огурцы соленый (я глотнул) и вечный слоеный сладкий пирожок...» Отвлечься бы, подумал я и взял книгу подоконника. Это был Алексей Толстой, «Хмурое утро». Я открыл наугад. «Махно, сломав сардиночный ключ, вытащил из кармана перламутровый ножик с полусотней лезвий и им продолжал орудовать, открывая жестянки с ананасами (плохо дело, подумал я), французским паштетом, с омарами, от которых резко запахло по комнате». Я осторожно положил книгу и сел за стол на табурет. В комнате вдруг обнаружился вкусный резкий запах: должно быть, пахло омарами. Я стал размышлять, почему я до сих пор ни разу не пробовал омаров. Или, скажем, устриц. У Диккенса все едят устриц, орудуют складными ножами, отрезают толстые ломти хлеба, намазывают маслом... Я стал нервно разглаживать скатерть. На скатерти виднелись неотмытые пятна. На ней много и вкусно ели. Ели омаров и мозги с горошком. Ели маленькие бифштессы с соусом пикан. Большие и средние бифштессы тоже ели. Сыто отдувались, удовлетворенно цыкали зубом... Отдуваться мне было не с чего, и я принялся цыкать зубом.

Наверное, я делал это громко и голодно, потому что старуха за стеной заскрипела кроватью, сердито забормотала, загремела чем-то и вдруг вошла ко мне в комнату. На ней была длинная серая рубаха, а в руках она несла тарелку, и в комнате сейчас же распространился настоящий, а не фантастический аромат еды. Старуха улыбалась. Она поставила тарелку прямо передо мной и сладко пробасила:

Разрыв страницы

Разрыв страницы

`-webkit-column-break-after: always;`

Разрыв страницы

```
-webkit-column-break-after: always;  
page-break-after: always;
```

Разрыв страницы

```
-webkit-column-break-after: always;  
page-break-after: always;  
page-break-inside: avoid;
```

Картинки

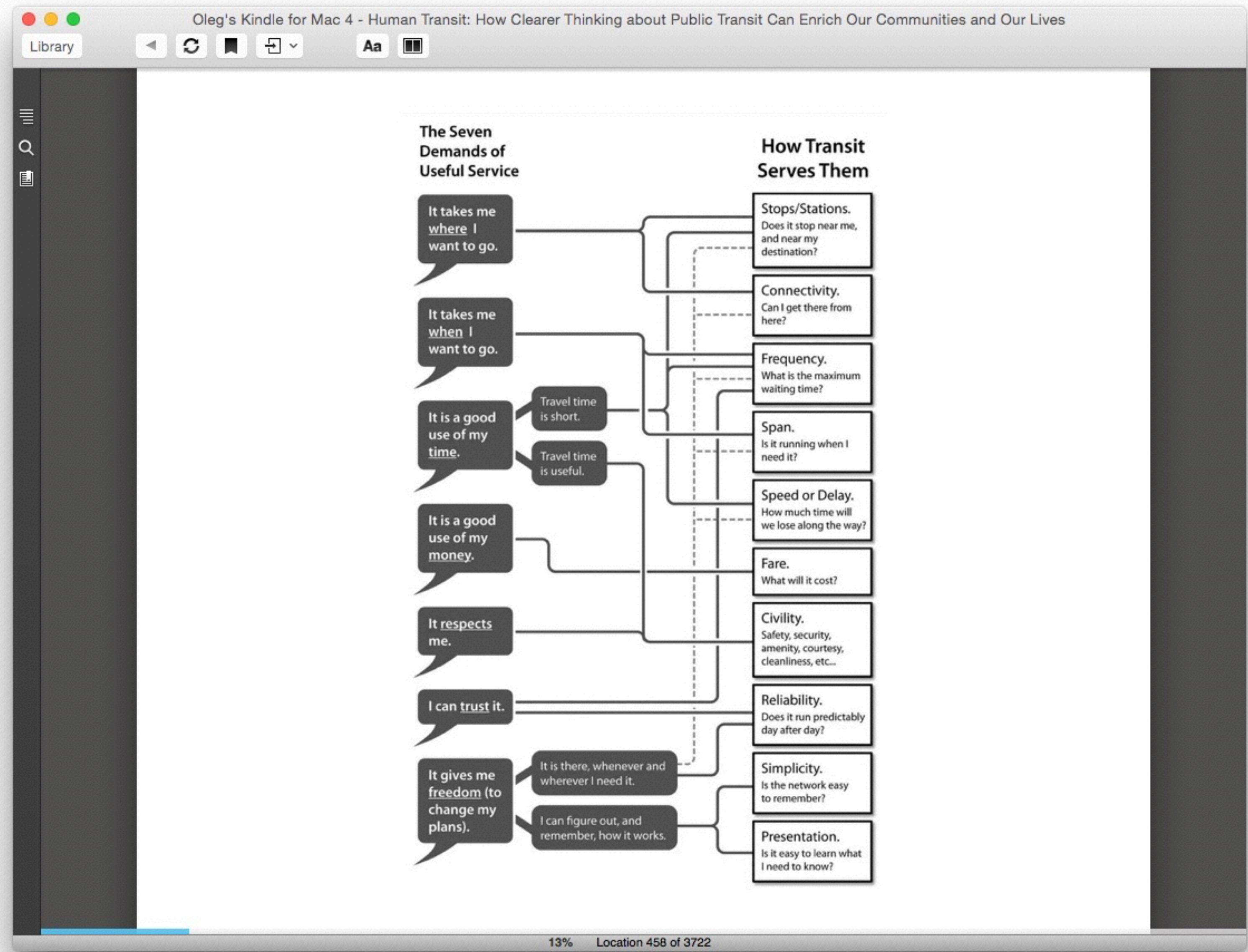
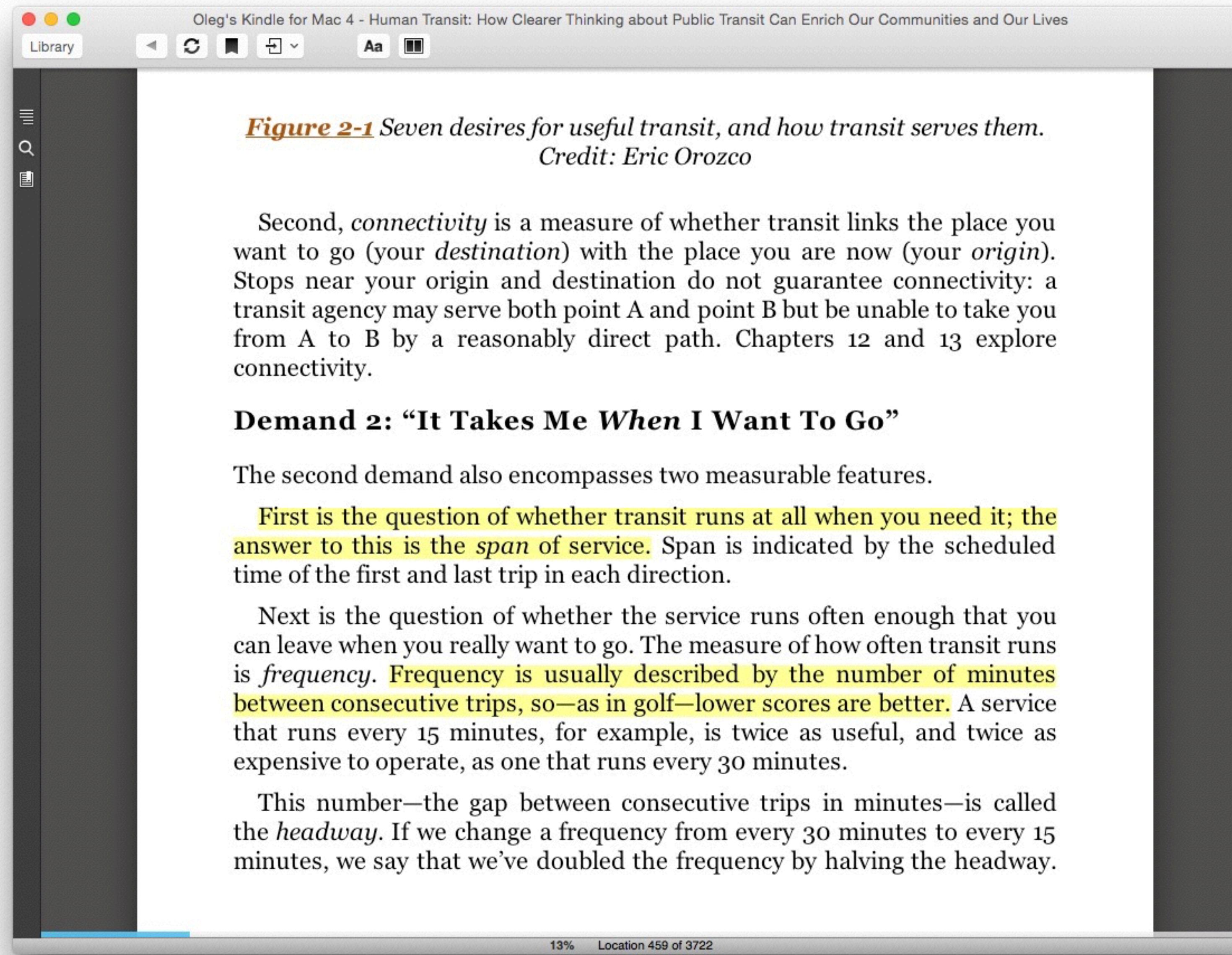
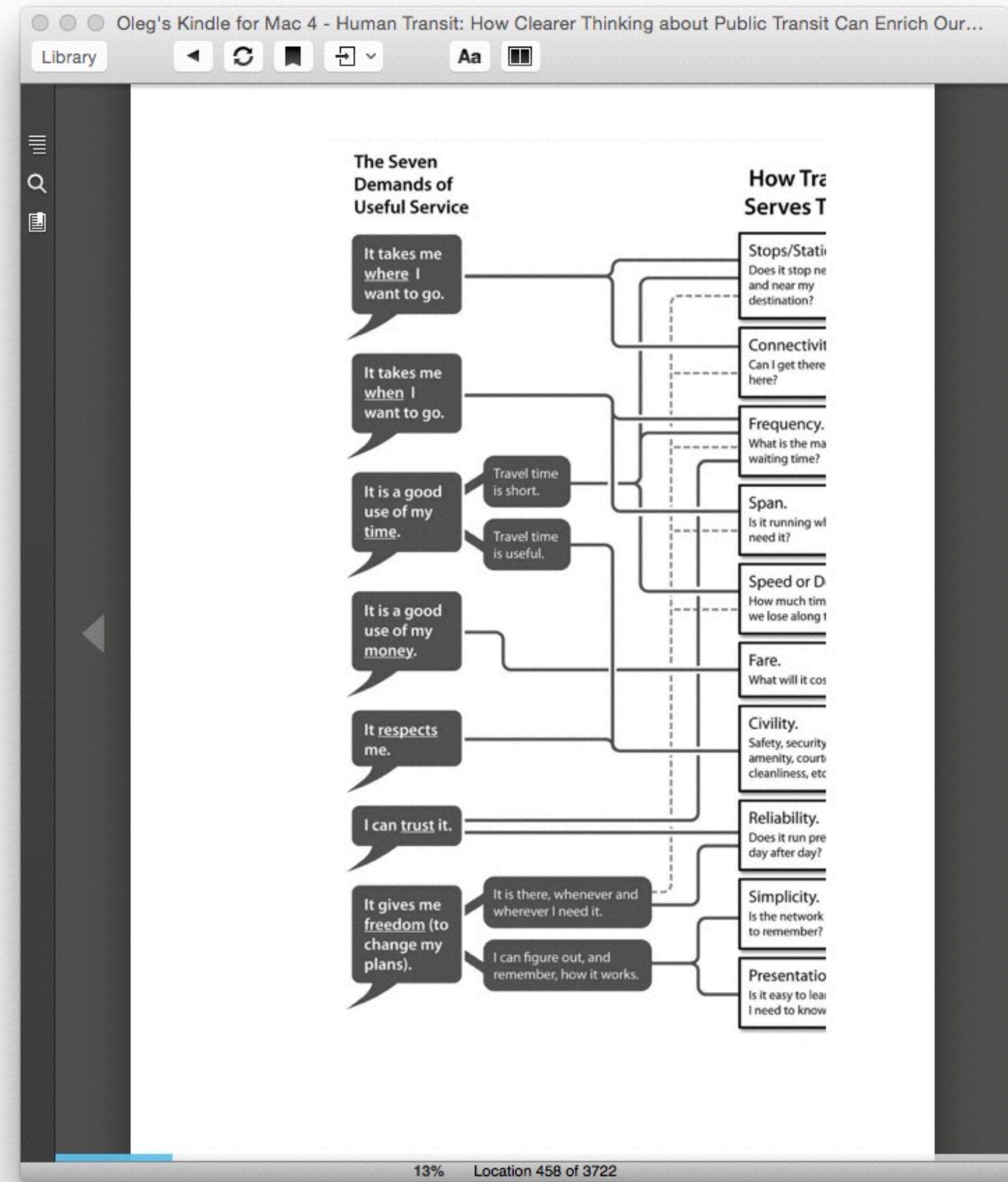
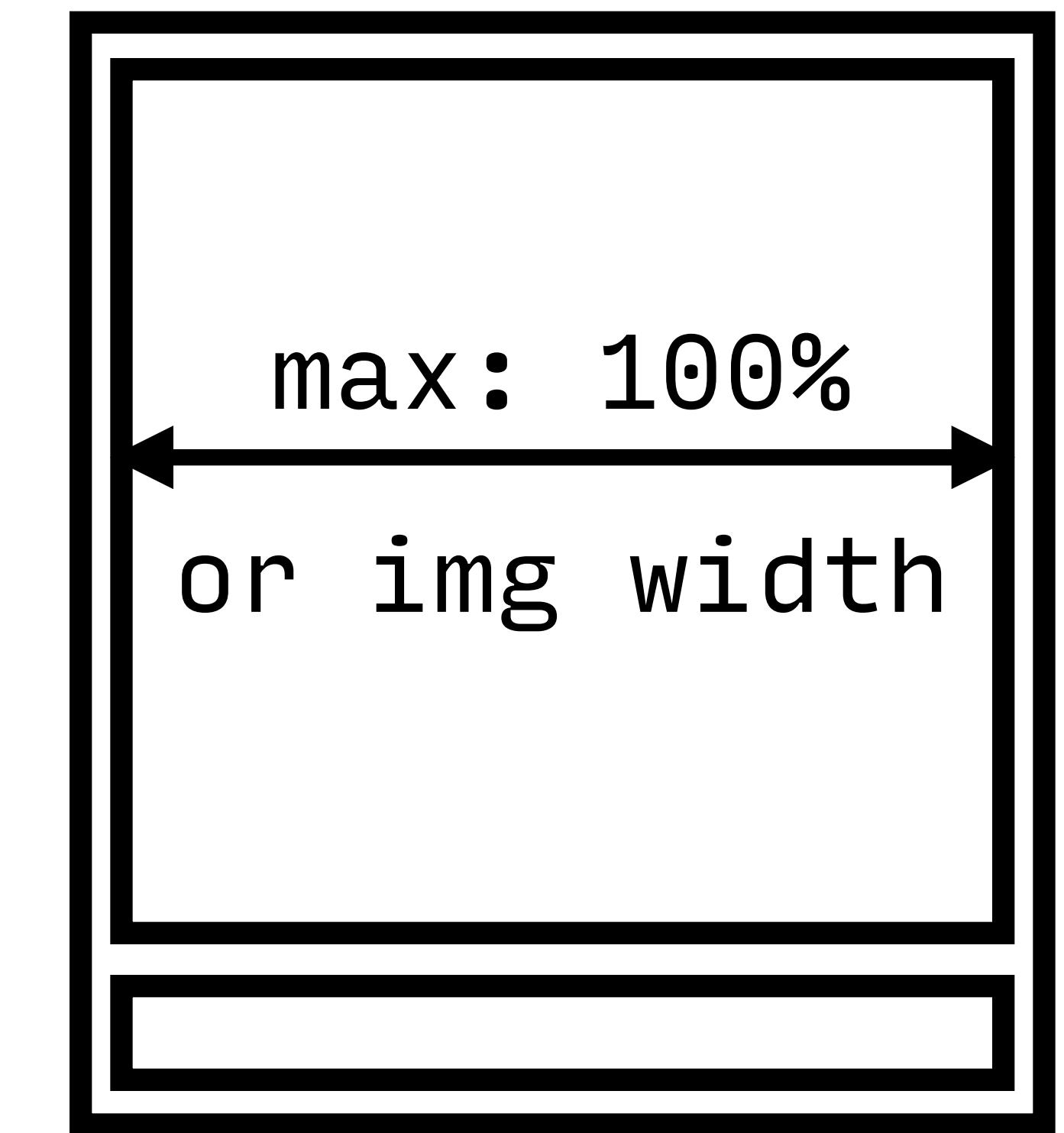

Иллюстрация из книги «Human Transit: How clearer Thinking about Pulbic Transit Can Enrich Our Communities and Our Lives»

max: 100%

Ян Чихольд - Облик книги

www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=%2Fdownload_book%2F3910245%2F11790854%2F&art=3910245&user=145297499&uuuid=6ac253e7-1d3a-40c0-bfd6-7ae9c4cecbce

Яндекс

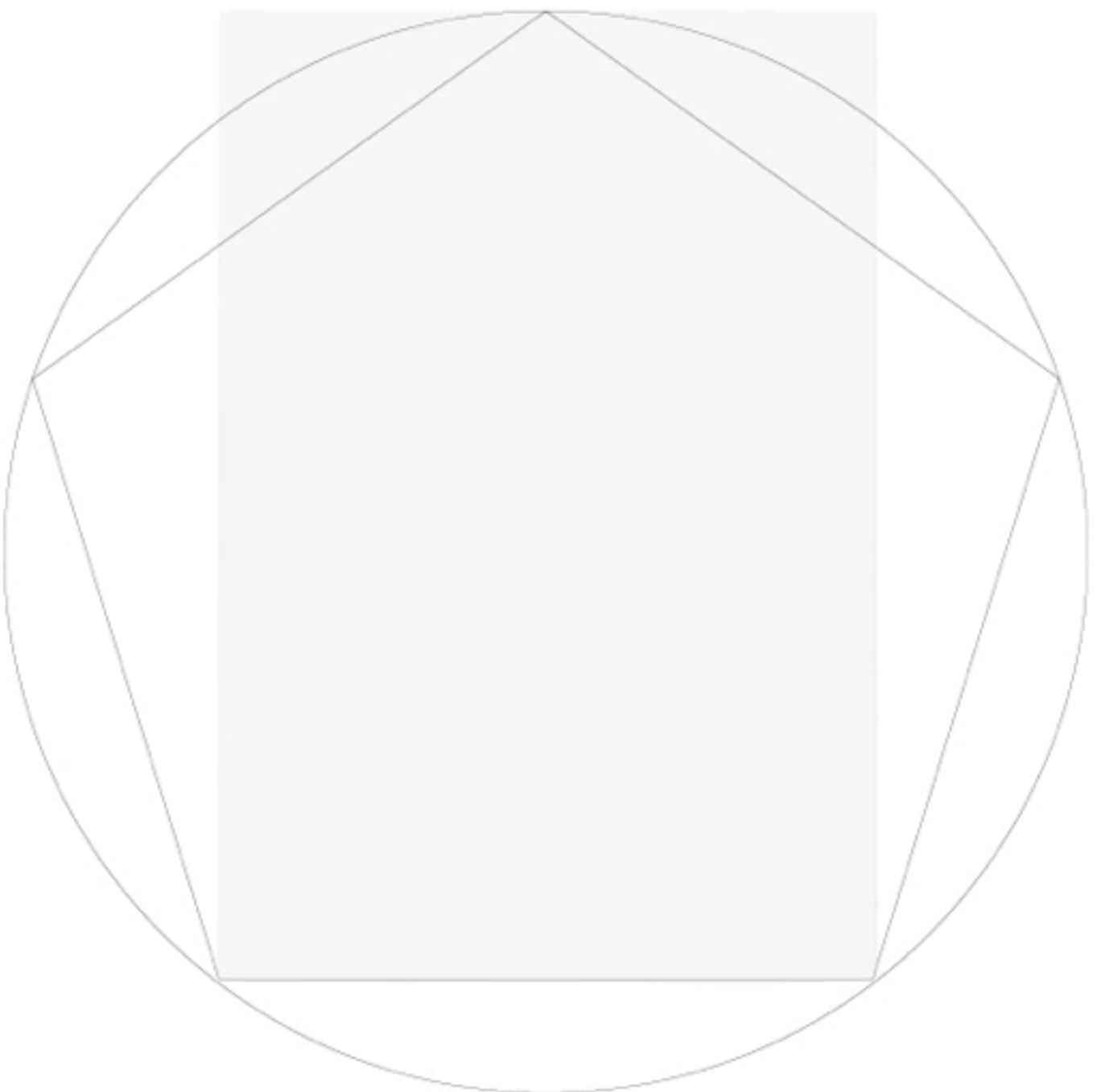
ЛитРес:читалка

Помощь Оглавление Закладки / Заметки Настройки Во весь экран

удалена от глаз читателя на расстояние локтя. Речь пойдет только о светских книгах: не все соображения и правила, о которых мы будем говорить, годятся для религиозных книг.

Существует множество пропорций страницы, то есть соотношений ее ширины и высоты. Каждый знает хотя бы понаслышке о пропорции «золотого сечения»: ровно 1:1,618. Пропорция 5:8 приближается к «золотому сечению». Чуть дальше от него отстоит пропорция 2:3. Кроме пропорций 1:1,618, 5:8, 2:3, для книг чаще всего используют 1:1,732 ($1: \sqrt{3}$) и 1:1,414 ($1: \sqrt{2}$). См. *рис. 18*.

На *рис. 1* показан прекрасный, но не очень известный прямоугольник, построенный на основе пятиугольника; пропорция 1:1,538.

Рис. 1. Прямоугольник, выстроенный из пятиугольника. Пропорция 1:1,538 (иррациональная)

Геометрически определяемые иррациональные пропорции сторон 1:1,618 («золотое сечение»), $1: \sqrt{2}$, $1: \sqrt{3}$, $1: \sqrt{5}$, 1:1,538 (*рис. 1*) и простые рациональные пропорции 1:2, 2:3, 3:4, 5:8, 5:9 я называю ясными, продуманными, определенными. Все остальное – произвольные, случайные соотношения. Разница между ясной и случайной пропорцией заметна, хотя часто и незначительна.

Но многие книги не соответствуют этим ясным пропорциям, у них

Ян Чихольд - Облик книги

www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=%2Fdownload_book%2F3910245%2F11790854%2F&art=3910245&user=145297499&uuuid=6ac253e7-1d3a-40c0-bfd6-7ae9c4cecbce

Яндекс

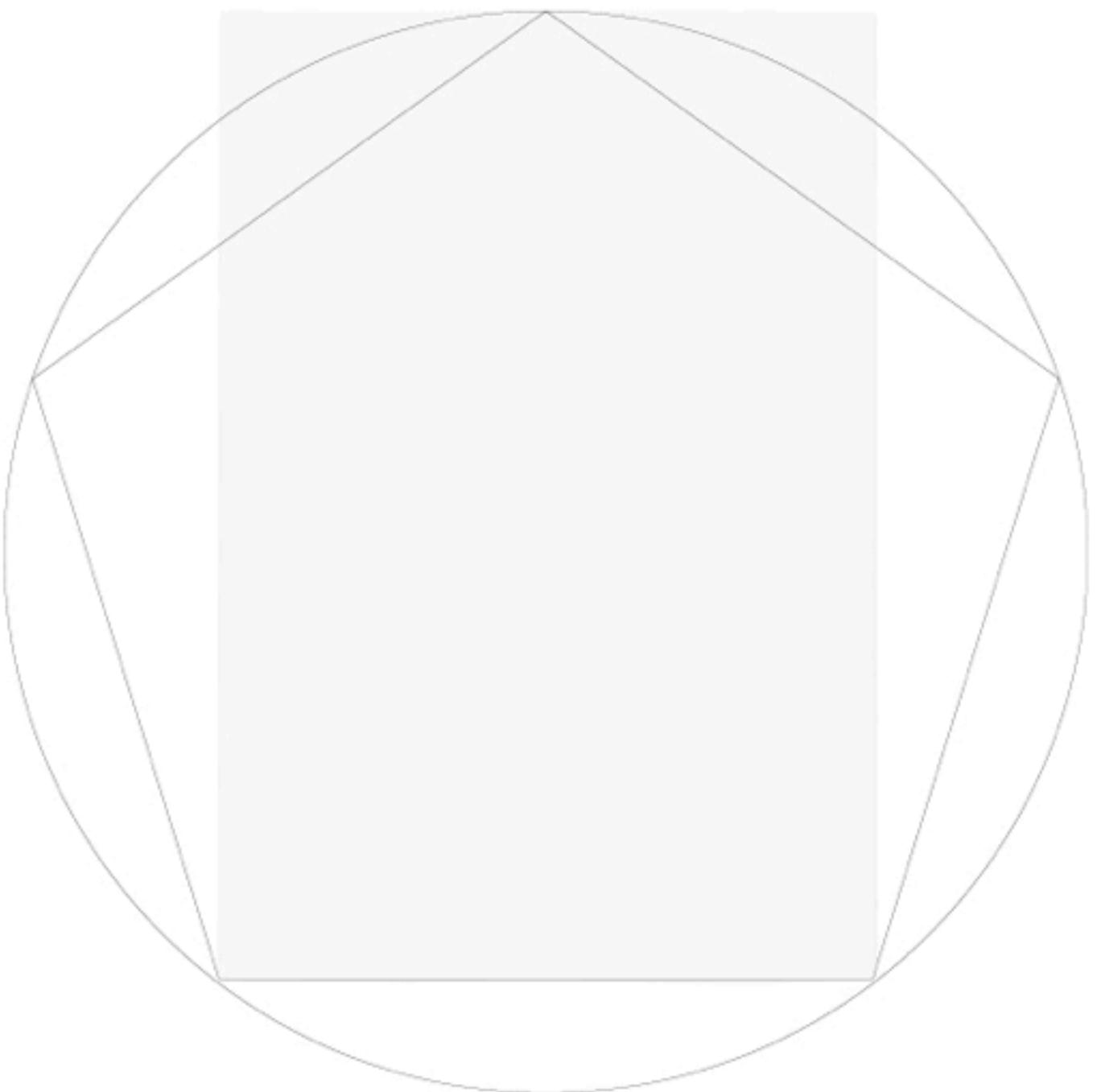
ЛитРес:читалка

Помощь Оглавление Закладки / Заметки Настройки Во весь экран

удалена от глаз читателя на расстояние локтя. Речь пойдет только о светских книгах: не все соображения и правила, о которых мы будем говорить, годятся для религиозных книг.

Существует множество пропорций страницы, то есть соотношений ее ширины и высоты. Каждый знает хотя бы понаслышке о пропорции «золотого сечения»: ровно 1:1,618. Пропорция 5:8 приближается к «золотому сечению». Чуть дальше от него отстоит пропорция 2:3. Кроме пропорций 1:1,618, 5:8, 2:3, для книг чаще всего используют 1:1,732 ($1: \sqrt{3}$) и 1:1,414 ($1: \sqrt{2}$). См. *рис. 18*.

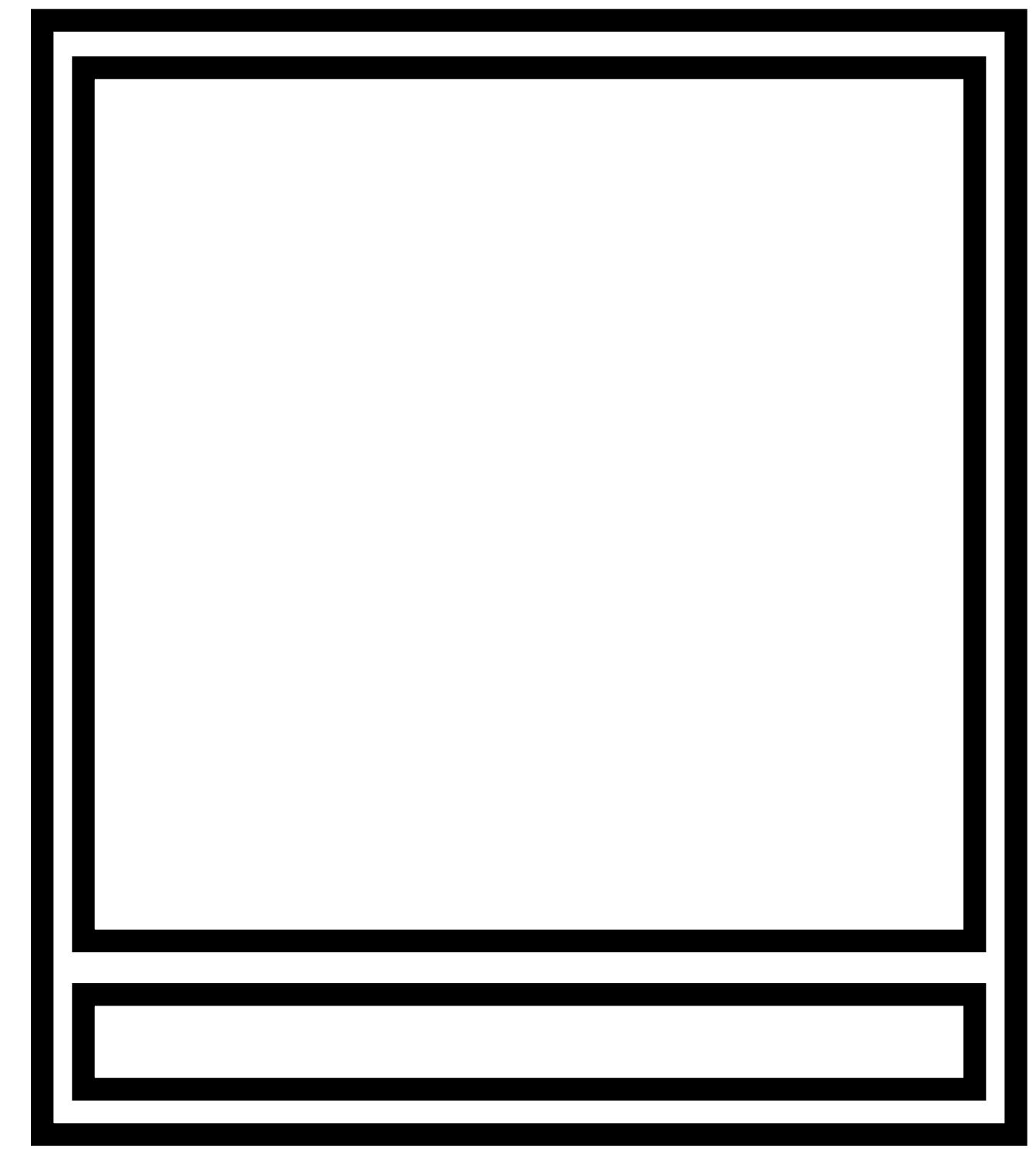
На *рис. 1* показан прекрасный, но не очень известный прямоугольник, построенный на основе пятиугольника; пропорция 1:1,538.

Рис. 1. Прямоугольник, выстроенный из пятиугольника. Пропорция 1:1,538 (иррациональная)

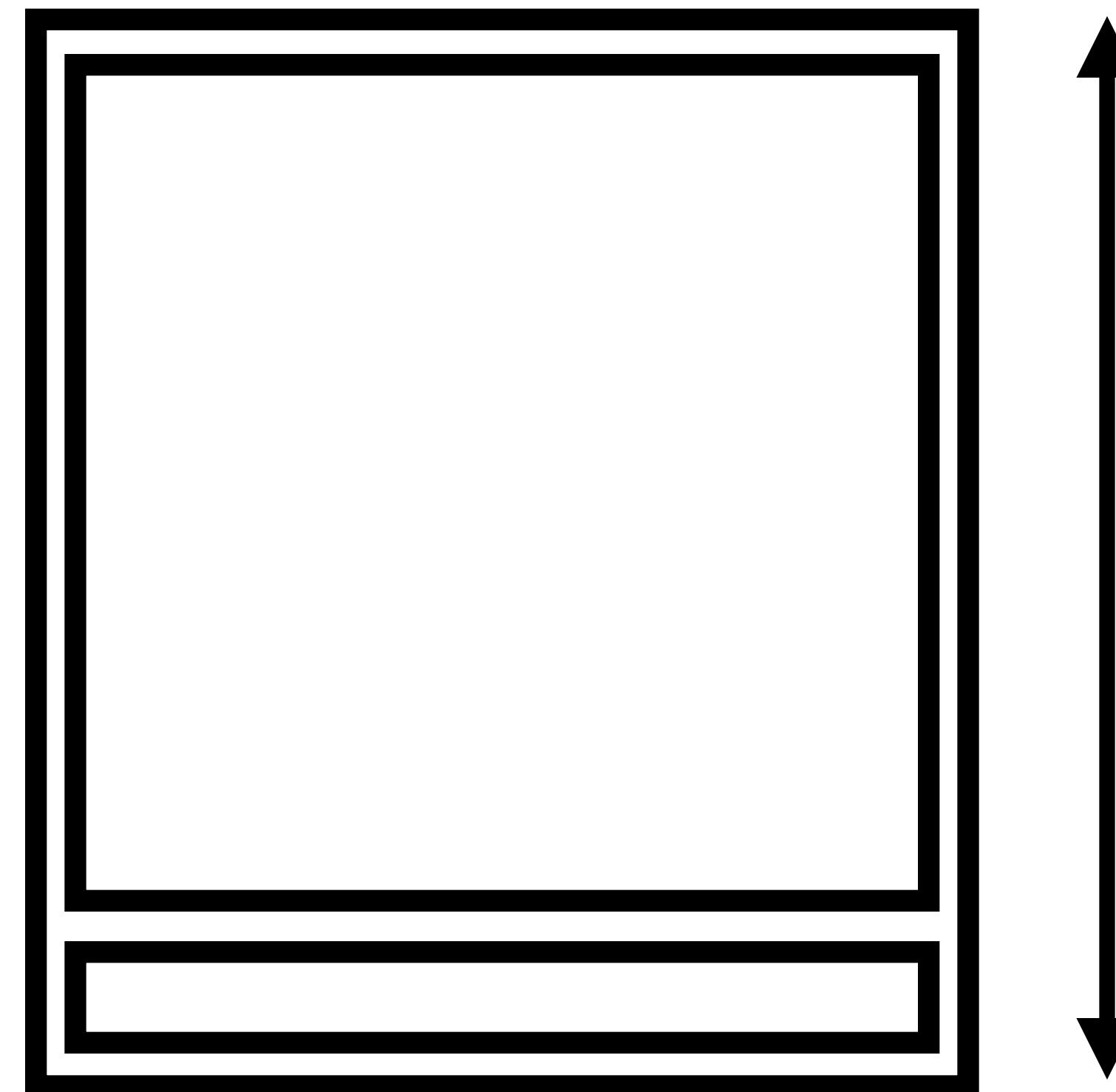
Геометрически определяемые иррациональные пропорции сторон 1:1,618 («золотое сечение»), $1: \sqrt{2}$, $1: \sqrt{3}$, $1: \sqrt{5}$, 1:1,538 (*рис. 1*) и простые рациональные пропорции 1:2, 2:3, 3:4, 5:8, 5:9 я называю ясными, продуманными, определенными. Все остальное – произвольные, случайные соотношения. Разница между ясной и случайной пропорцией заметна, хотя часто и незначительна.

Но многие книги не соответствуют этим ясным пропорциям, у них

max: 100%

```
display: flex;  
flex-direction: column;
```


max: 100%

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой.

Крупнейший транспортный узел, политический, I'm unbreakable now

экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января 2015 года[4]). Этимология[править

[править вики-текст]Вероятнее всего, название города произошло от реки Меня (Менка), которая была притоком Птичи. Гидроним Меня может быть объяснён из индоевропейского *men- «малый», сравните древнерусское мъни, праславянское *тыпјес — «меньший»[5], литовское menka — «мелкая, малая»[6]. Точную языковую принадлежность корня определить трудно, корень мен-

height: 20px;

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой.

Крупнейший транспортный узел, политический,

I'm unbreakable now

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой.

Крупнейший транспортный

экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января 2015 года[4]). Этимология

[править вики-текст] Вероятнее всего, название города произошло от реки Меня (Менка), которая была притоком Птичи. Гидроним Меня может быть объяснён из индоевропейского *men- «малый», сравните древнерусское мъни, праславянское *тыпјес — «меньший»[5], литовское menka — «мелкая, малая»[6]. Точную языковую принадлежность корня определить трудно, корень мен-

height: 20px;

I'm unbreakable now

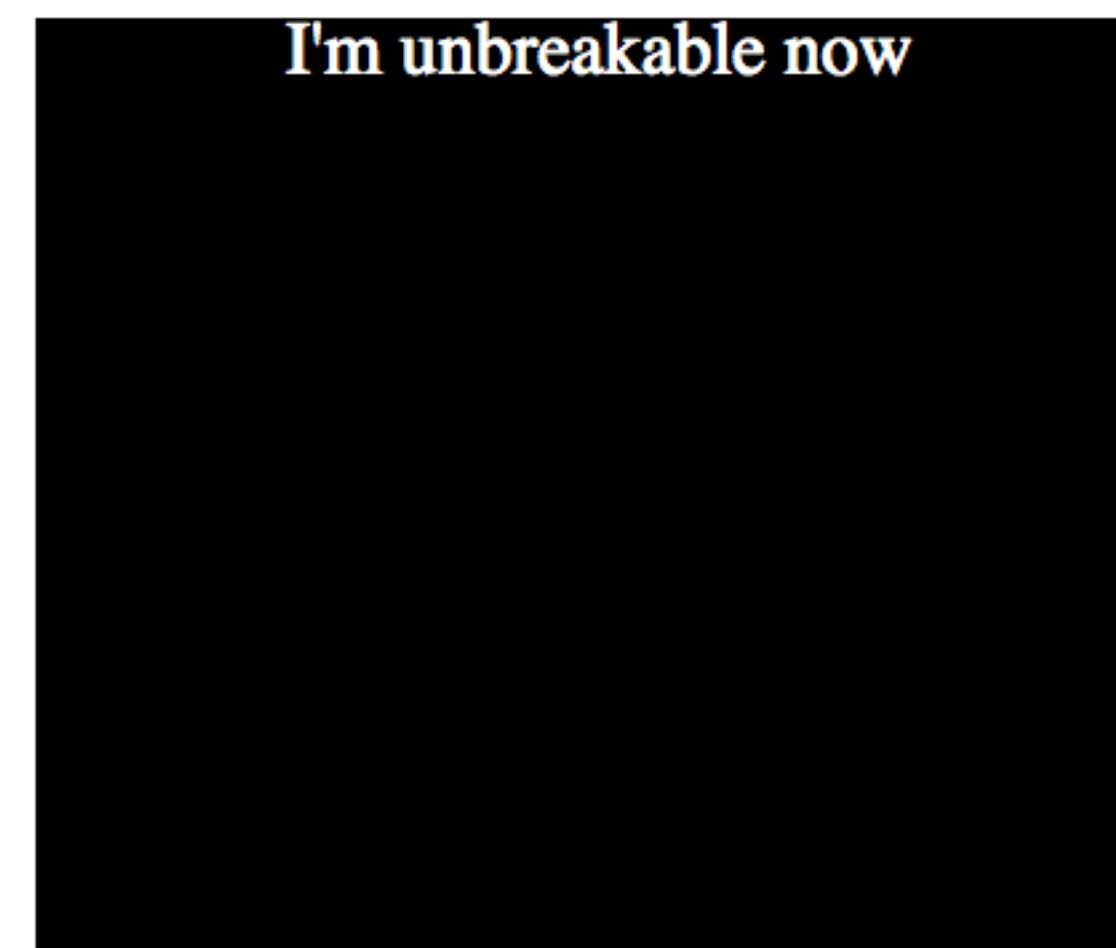
узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в

Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января 2015 года[4]). Этимология

[править вики-текст] Вероятнее всего, название города произошло от реки Меня (Менка), которая была притоком Птичи. Гидроним Меня может быть объяснён из

height: 100px;

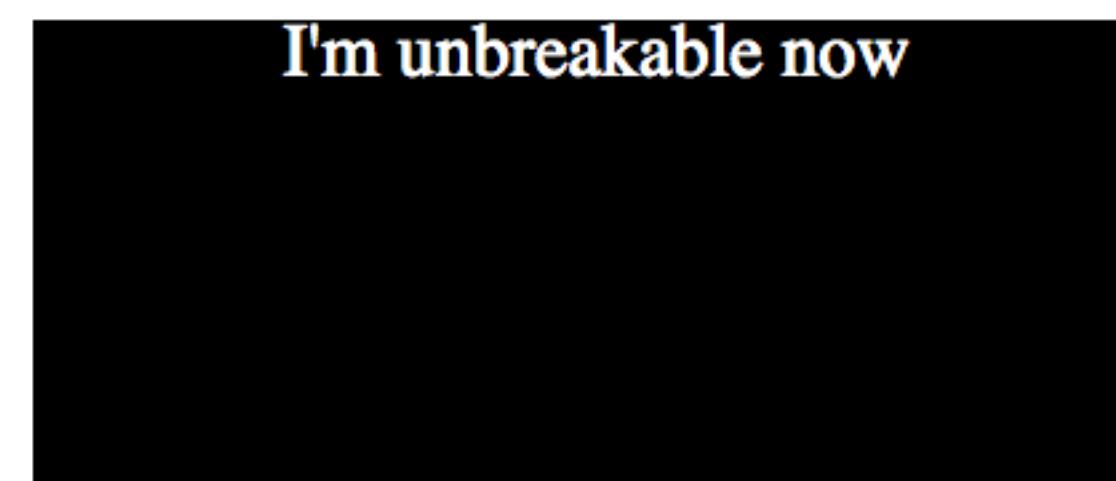
Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января

height: 200px;

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января 2015 года[4]). Этимология[править | править вики-текст]Вероятнее всего, название города произошло от реки Меня (Менка), которая была притоком Птичи. Гидроним Меня может быть объяснён из

height: 100px;

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

I'm unbreakable now

I'm unbreakable now

I'm unbreakable now

узел, политический, экономический, культурный и

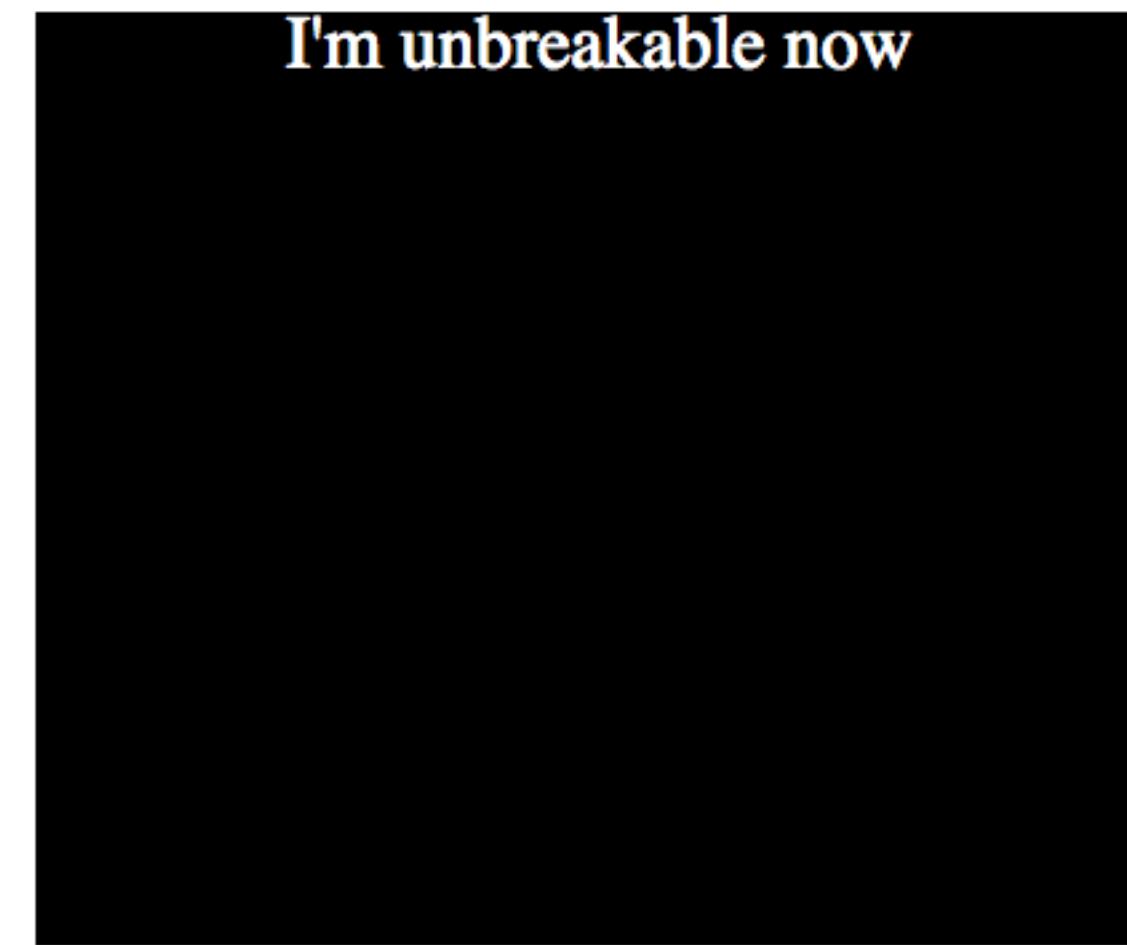
научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января

height: 200px;

height: 201px;

научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января 2015 года[4]). Этимология[править | править вики-текст]Вероятнее

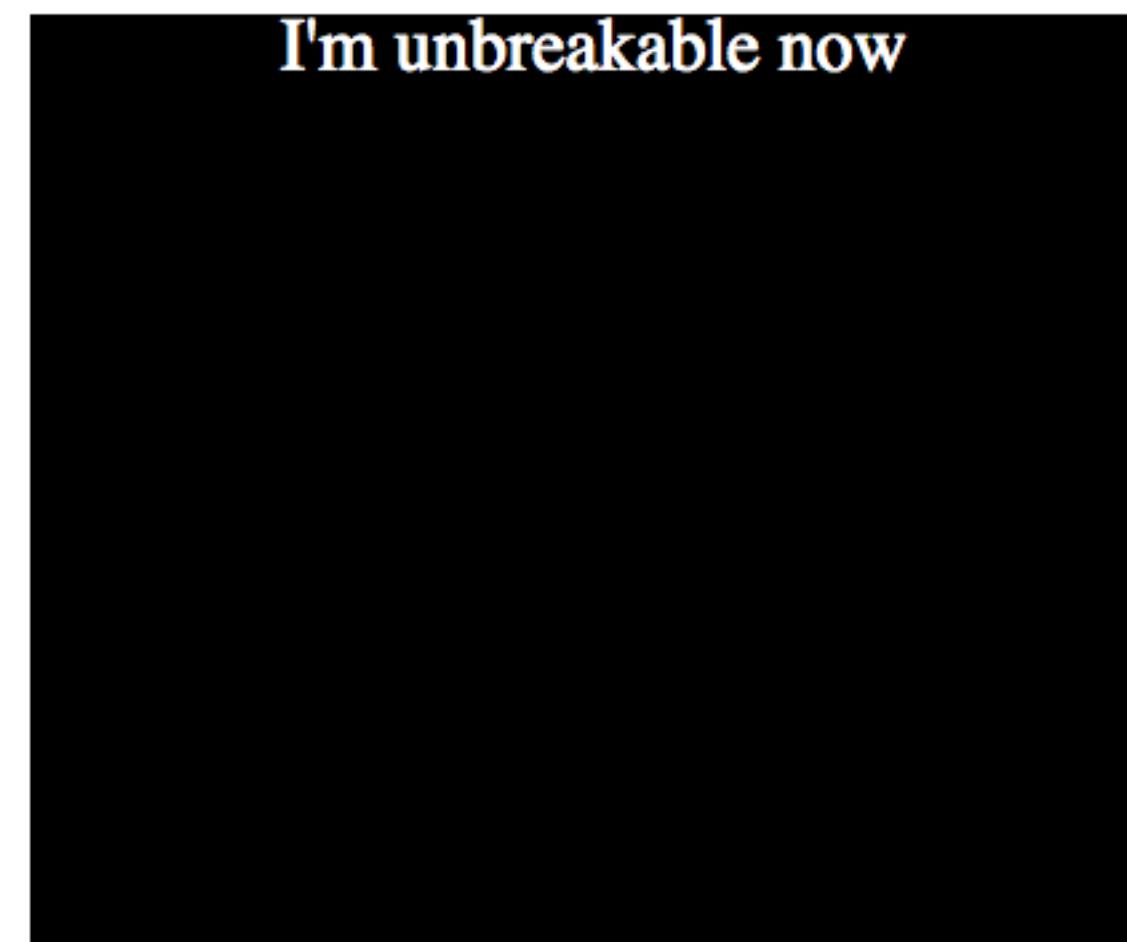
Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января

height: 200px;

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

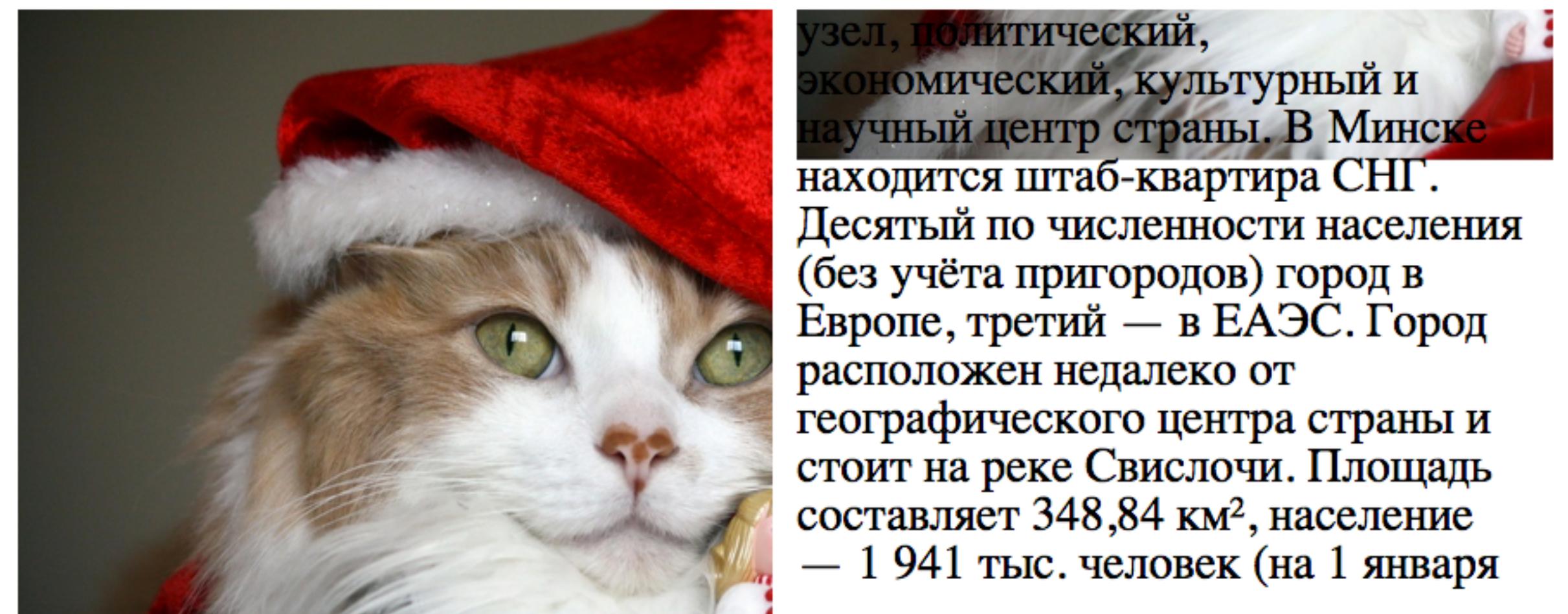

узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января

height: 201px;

max-height: 100%;

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

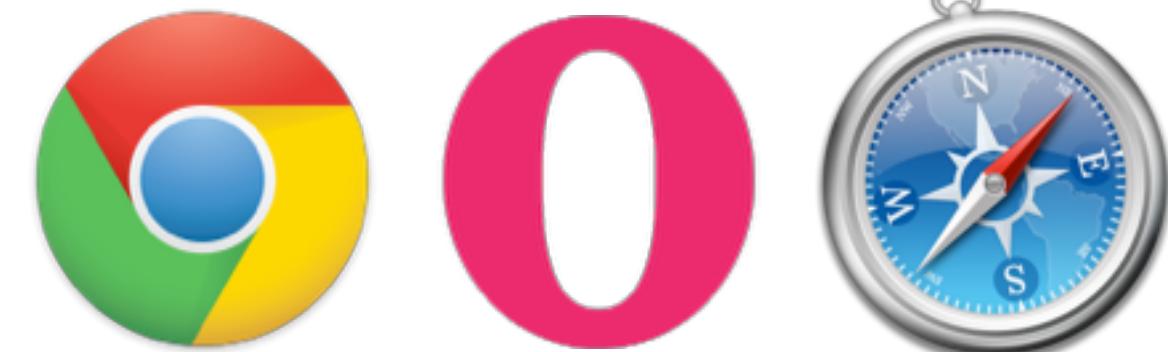
узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января

overflow: hidden;

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

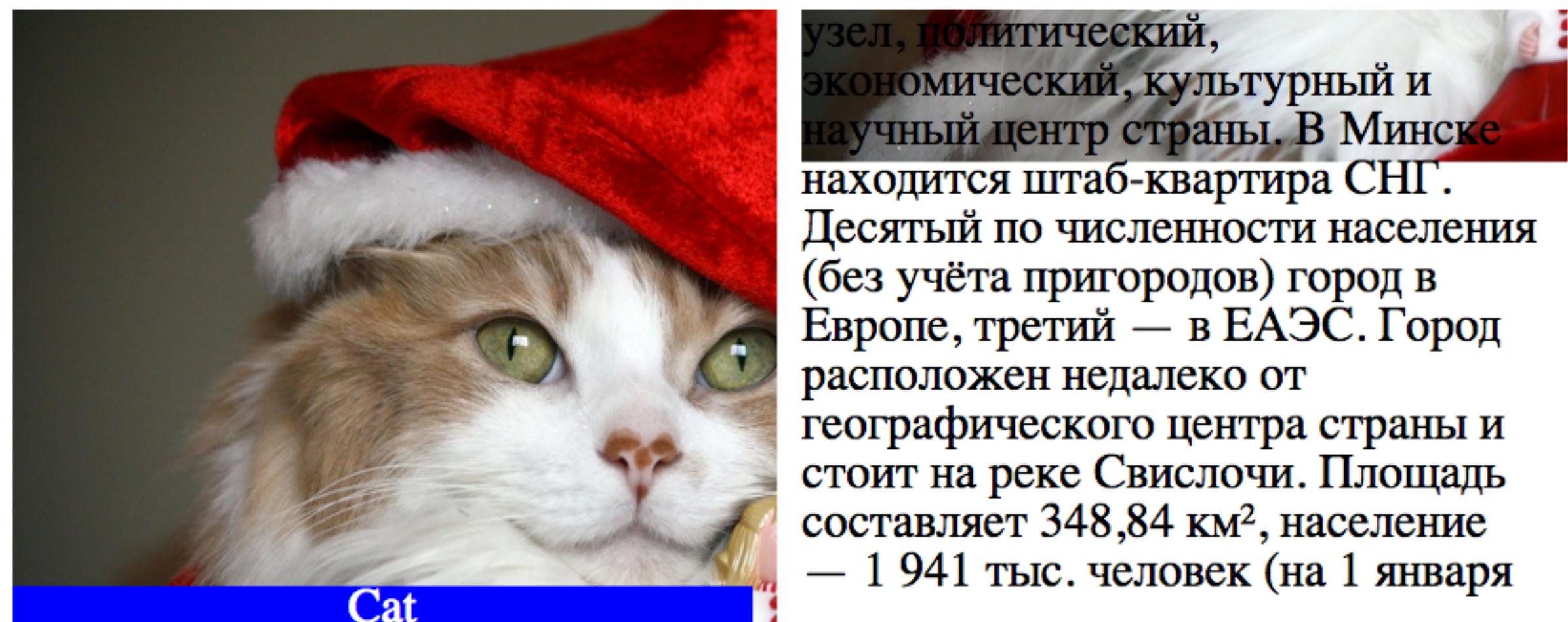

узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свислочь. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января

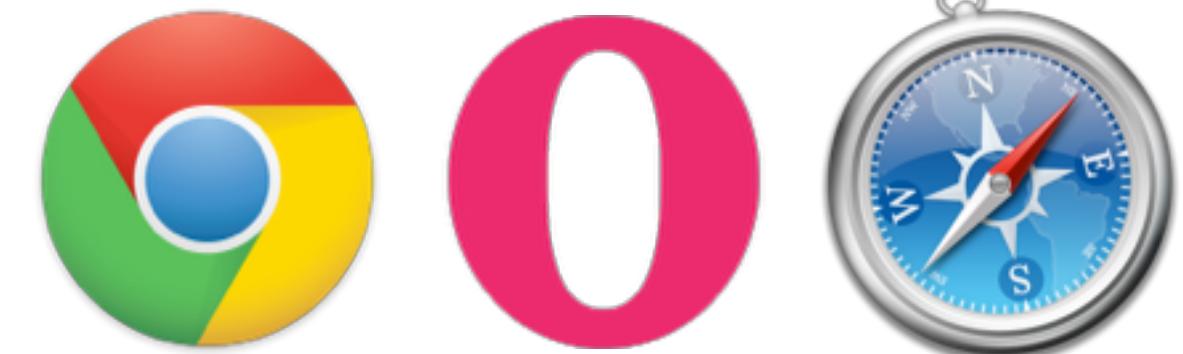

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой.

Крупнейший транспортный

узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свислочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой.

Крупнейший транспортный

узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свислочи. Площадь

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свислочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января

узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свислочи. Площадь

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января

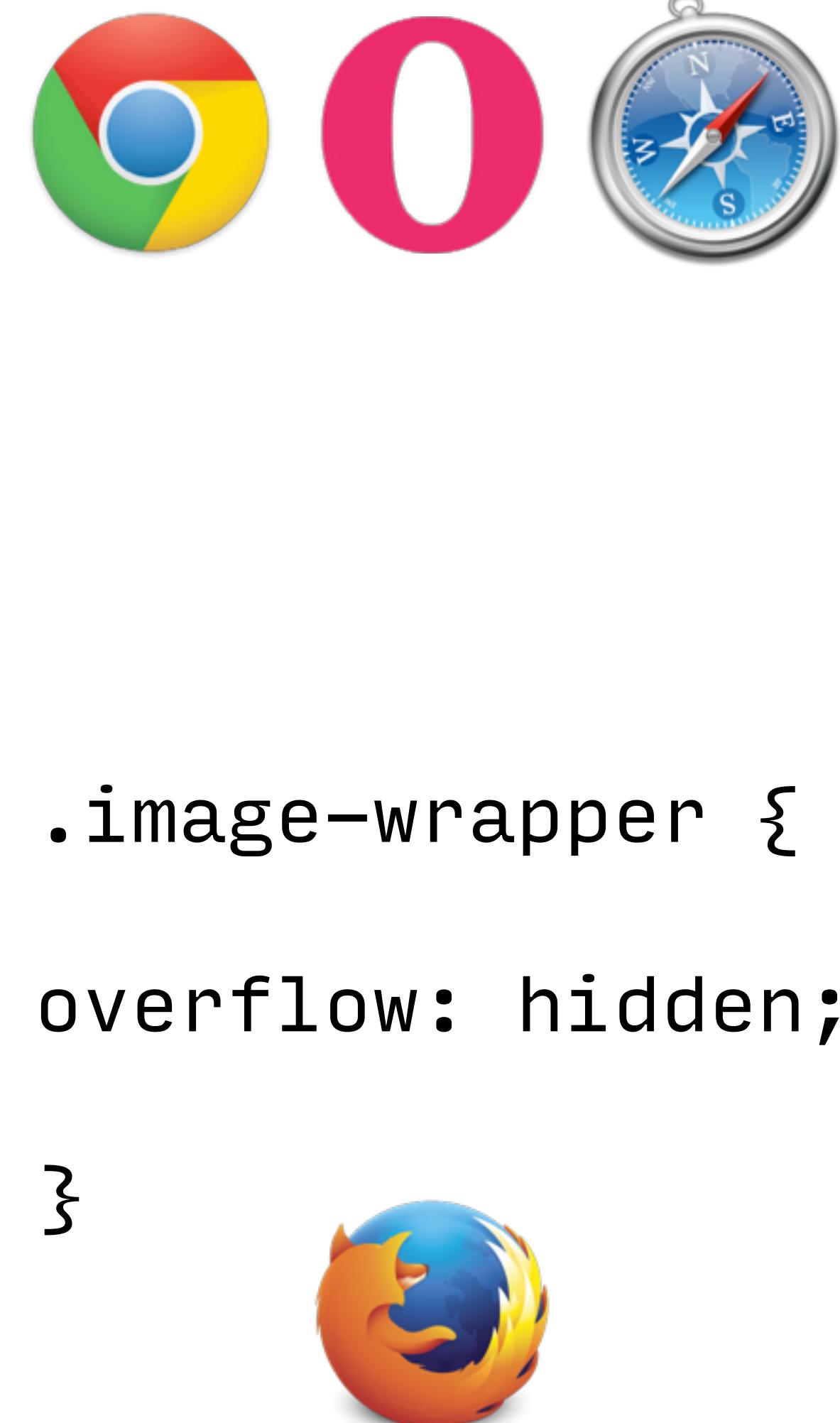
Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января


```
.image-wrapper {  
    overflow: hidden;  
}  
}
```

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой.

Крупнейший транспортный

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой.

Крупнейший транспортный

узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свислочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

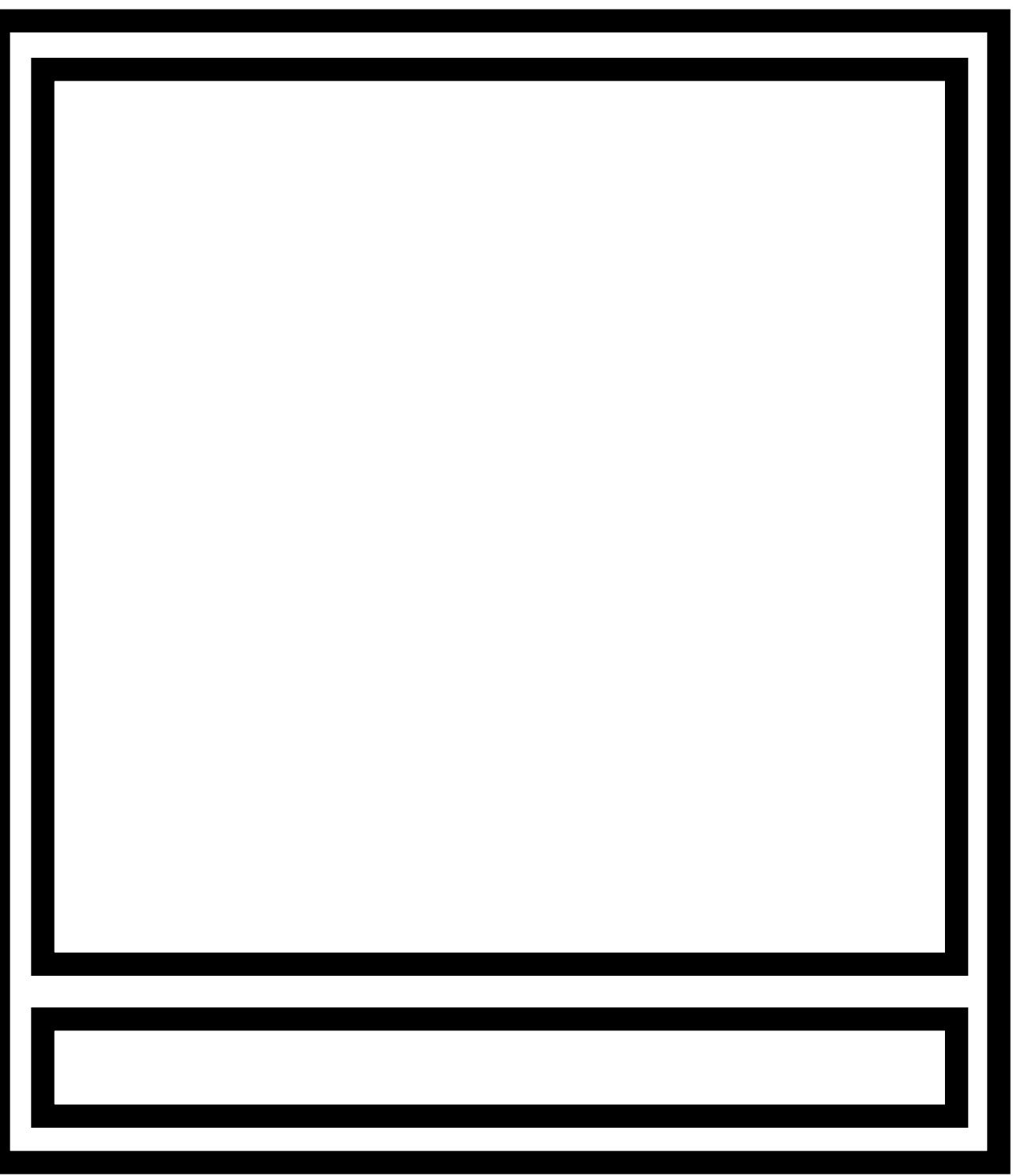

узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свислочь. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января

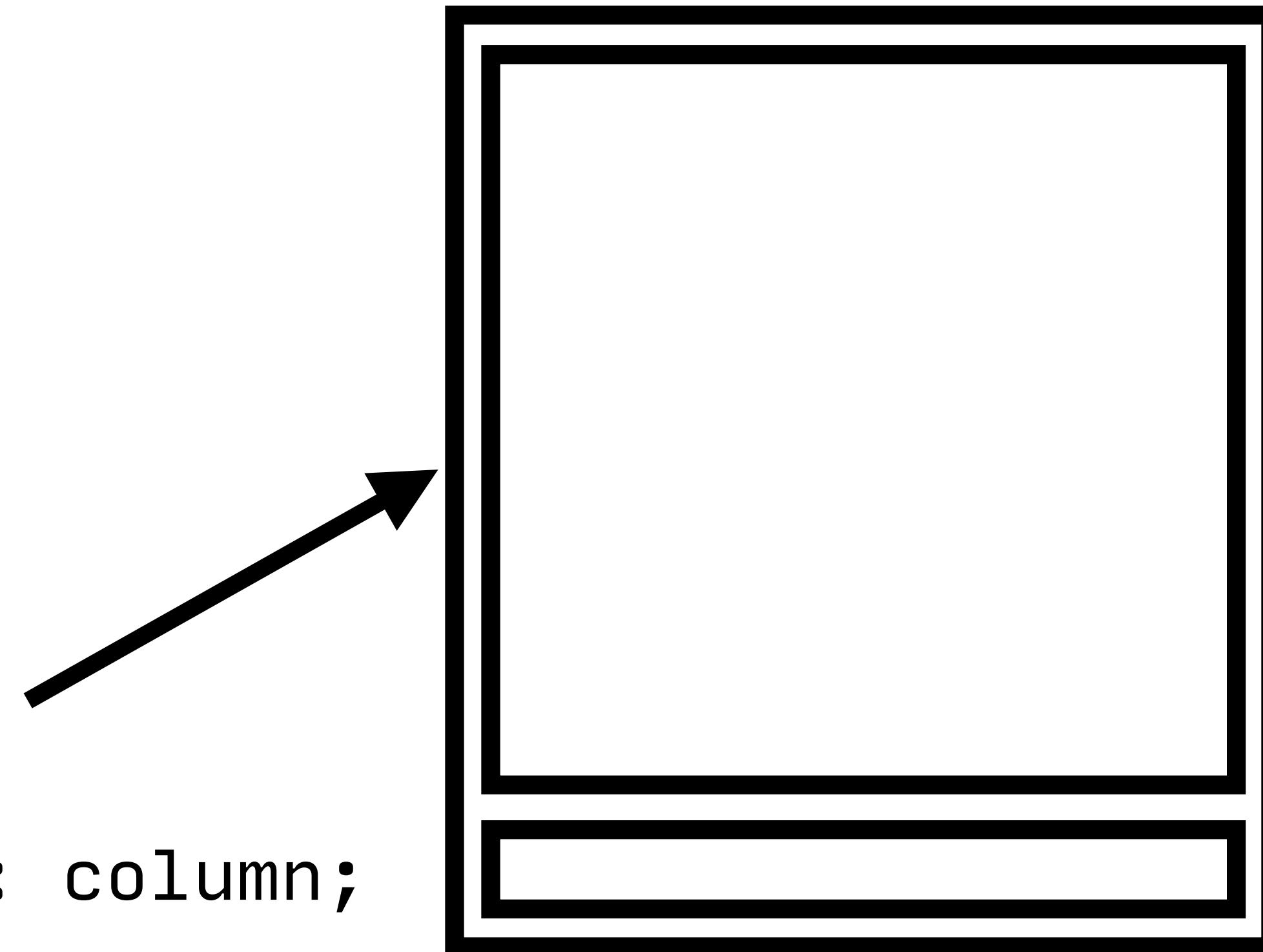

flex-shrink: 0;

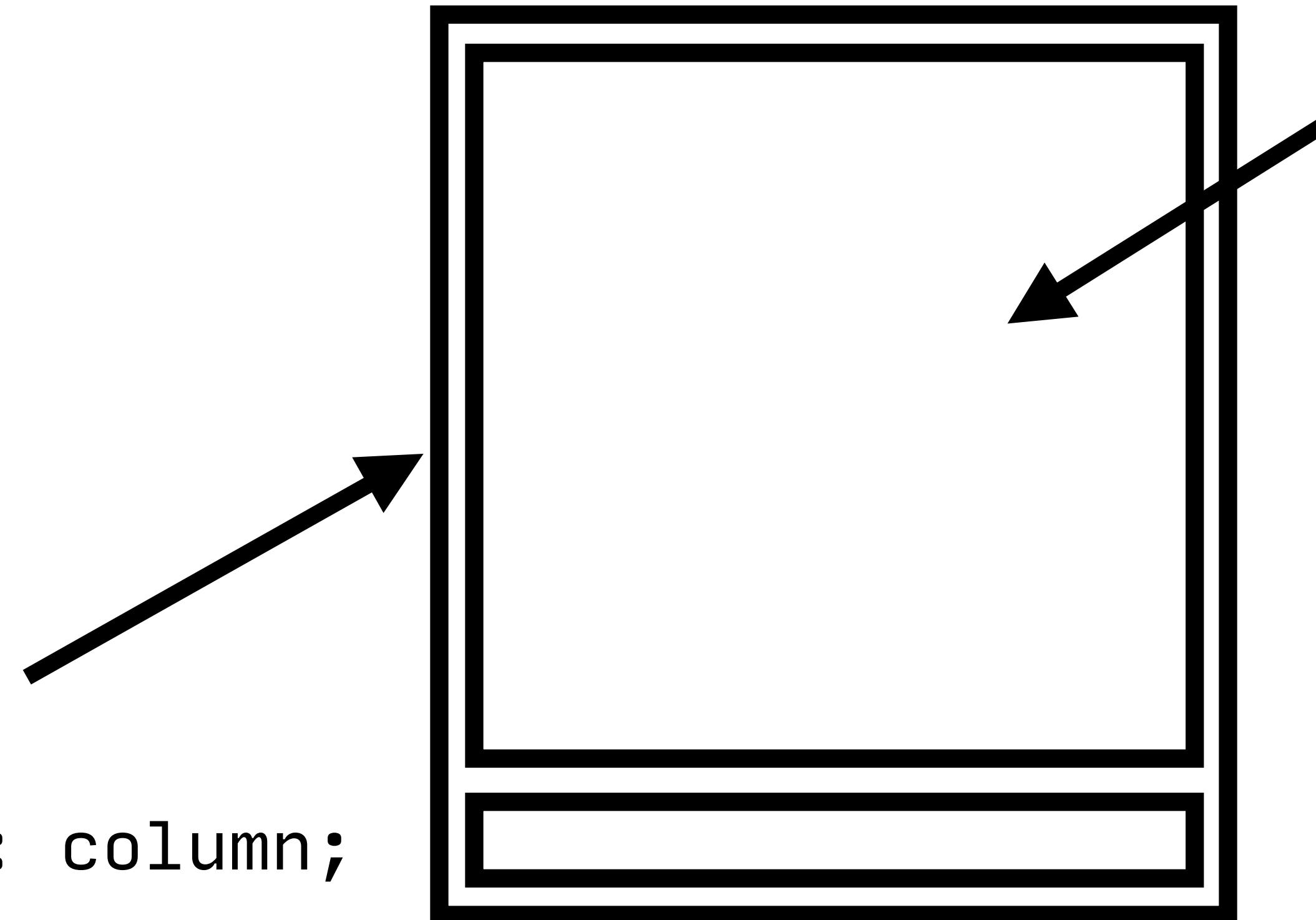


```
display: flex;  
flex-direction: column;  
max-height: 100%;  
-webkit-column-break-inside: avoid;  
page-break-inside: avoid;  
break-inside: avoid;
```

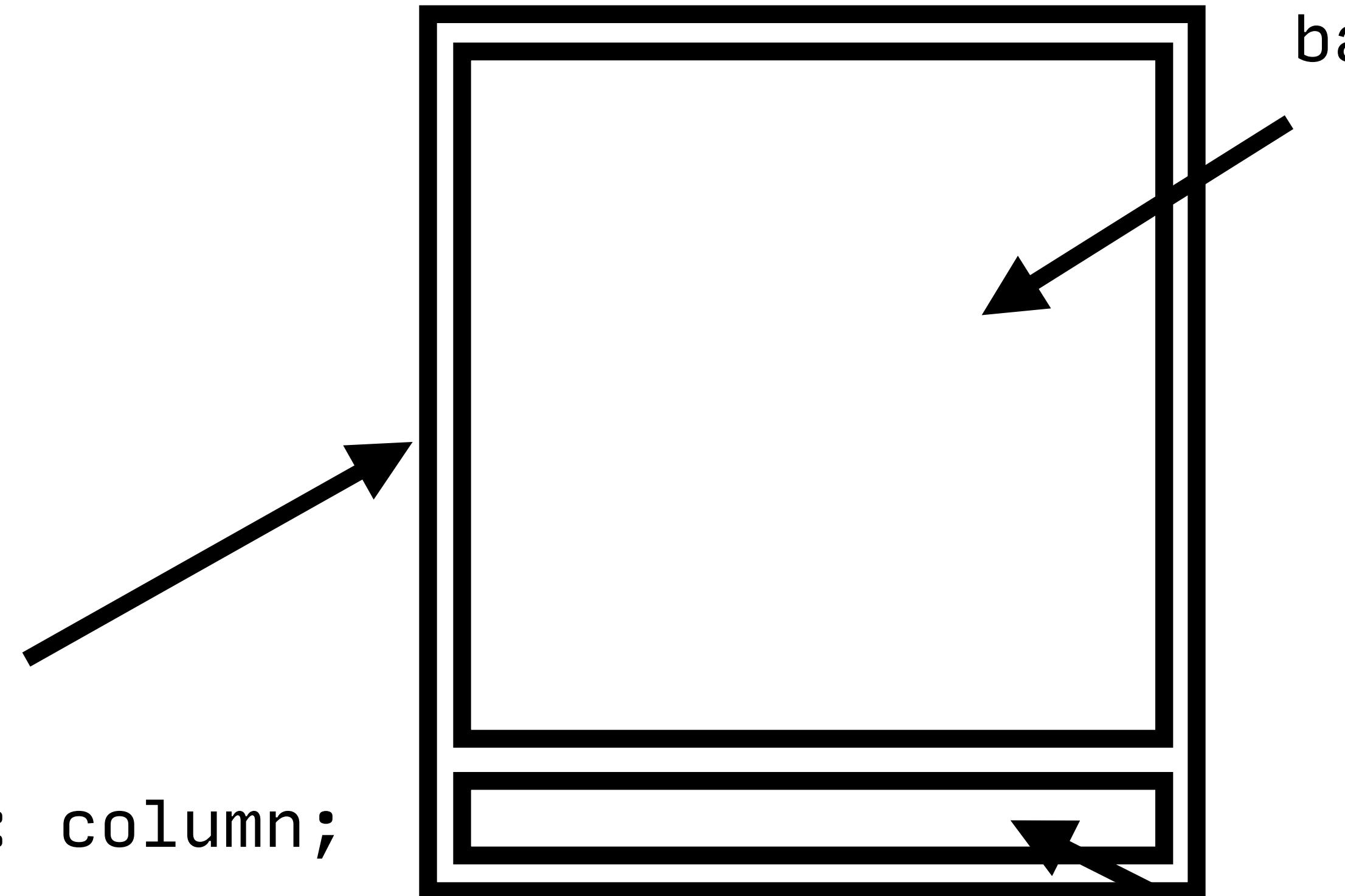


```
display: flex;  
flex-direction: column;  
max-height: 100%;  
-webkit-column-break-inside: avoid;  
page-break-inside: avoid;  
break-inside: avoid;
```



```
flex-shrink: 1;  
overflow: hidden;  
background-image: url(..)  
background-size: contain;
```

```
display: flex;  
flex-direction: column;  
max-height: 100%;  
-webkit-column-break-inside: avoid;  
page-break-inside: avoid;  
break-inside: avoid;
```



```
flex-shrink: 1;  
overflow: hidden;  
background-image: url(..)  
background-size: contain;
```

```
flex-shrink: 0;
```

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской области и Минского района, в состав которых не входит, поскольку является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный

узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января

Cats
The domestic cat

Сноски

•

+

-

как будто только что вспомнив что-то и особенно-небрежно, тогда как то, о чем он спрашивал, было главной целью его посещения, — правда, что l'impératrice-mère^[12] желает назначения барона Функе первым секретарем в Вену? C'est un pauvre sire, ce baron, a ee qu'il paraît.^[13] — Князь Василий желал определить сына на это место, которое через императрицу Марию Феодоровну старались доставить барону.

Анна Павловна почти закрыла глаза в знак того, что ни она, ни кто другой не могут судить про то, что угодно или нравится императрице.

— Monsieur le baron de Funke a été recommandé a l'impératrice-mère par sa soeur,^[14] — только сказала она грустным, сухим тоном. В то время как Анна Павловна назвала императрицу, лицо ее вдруг представило глубокое и искреннее выражение преданности и уважения, соединенное с грустью, что с ней бывало каждый раз, когда она в разговоре упоминала о своей высокой покровительнице. Она сказала, что ее величество изволила оказать барону Функе beaucoup d'estime,^[15] и опять взгляд ее подернулся грустью.

Князь равнодушно замолк. Анна Павловна, с свойственною ей придворною и женскою ловкостью и быстротою такта, захотела и щелкануть князя за то, что он дерзнул так отзываться о лице, рекомендованном императрице, и в то же время утешить его.

— Mais a propos de votre famille, — сказала она, — знаете ли, что ваша дочь, с тех пор как выезжает, fait les délices de tout le monde. On la trouve belle comme le jour.^[16]

Князь наклонился в знак уважения и признательности.

<

>

•

+

-

как будто только что вспомнив что-то и особенно-небрежно, тогда как то, о чем он спрашивал, было главной целью его посещения, — правда, что l'impératrice-mère^[12] желает назначения барона Функе первым секретарем в Вену? C'est un pauvre sire, ce baron, a ee qu'il paraît.^[13] — Князь Василий желал определить сына на это место, которое через императрицу Марию Феодоровну старались доставить барону.

Анна Павловна почти закрыла глаза в знак того, что ни она, ни кто другой не могут судить про то, что угодно или нравится императрице.

— Monsieur le baron de Funke a été recommandé a l'impératrice-mère par sa soeur,^[14] — только сказала она грустным, сухим тоном. В то время как Анна Павловна называла императрицу, лицо ее вдруг представило глубокое и искреннее выражение преданности и уважения, соединенное с грустью, что с ней бывало каждый раз, когда она в разговоре упоминала о своей высокой покровительнице. Она сказала, что ее величество изволила оказать барону Функе beaucoup d'estime,^[15] и опять взгляд ее подернулся грустью.

Князь равнодушно замолк. Анна Павловна, с свойственною ей придворною и женскою ловкостью и быстротою такта, захотела и щелкануть князя за то, что он дерзнул так отзываться о лице, рекомендованном императрице, и в то же время утешить его.

— Mais a propos de votre famille, — сказала она, — знаете ли, что ваша дочь, с тех пор как выезжает, fait les délices de tout le monde. On la trouve belle comme le jour.^[16]

Князь наклонился в знак уважения и признательности.

<

>

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской [Этимология](#)^[править | править] Минского района [вики-текст](#)^[править | править] Вероятнее всего, название которых не вход города произошло от реки Меня является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный узел, политический, экономический, культурный и научный центр

страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по [\[править | править\]](#) я (без учёта вропе, третий положен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января 2015 года^[4]). [Этимология](#)^[править | править] Вероятнее всего,

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской [Этимология](#)[\[править\]](#) [район](#)[текст](#) Вероятнее всего, название которых не входило в город, произошло от реки Меня. Является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший транспортный узел, политический, экономический, культурный и научный центр

страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь составляет 348,84 км², население — 1 941 тыс. человек (на 1 января 2015 года[4]). [Этимология](#)[\[править\]](#) [текст](#) Вероятнее всего,

Минск (белор. Мінск) — столица Белоруссии, административный центр Минской [Этимология](#)[\[править\]](#) [район](#)[текст](#) Вероятнее всего, название которых не входило в город, произошло от реки Меня. Является самостоятельной административно-территориальной единицей с особым (столичным) статусом, Город-Герой. Крупнейший

транспортный узел, политический, экономический, культурный и научный центр страны. В Минске находится штаб-квартира СНГ. Десятый по численности населения (без учёта пригородов) город в Европе, третий — в ЕАЭС. Город расположен недалеко от географического центра страны и стоит на реке Свисочи. Площадь

•
+
-

как будто только что вспомнив что-то и особенно-небрежно, тогда как то, о чем он спрашивал, было главной целью его посещения, – правда, что l'impératrice-mère^[12] желает назначения барона Функе первым секретарем в Вену? C'est un pauvre sire, ce baron, а ее qu'il paraît.^[13] – Князь Василий желал определить сына на это место, которое через императрицу Марию Феодоровну старались доставить барону.

Анна Павловна почти закрыла глаза в знак того, что ни она, ни кто другой не могут судить про то, что угодно или нравится императрице.

– Monsieur le baron de Funke a été recommandé a l'impératrice-mère par sa soeur,^[14] – только сказала она грустным, сухим тоном. В то время как Анна Павловна называла императрицу, лицо ее вдруг представило глубокое и искреннее выражение преданности и уважения, соединенное с грустью, что с ней бывало каждый раз, когда она в разговоре упоминала о своей высокой покровительнице. Она сказала, что ее величество изволила оказать барону Функе beaucoup d'estime,^[15] и опять взгляд ее подернулся грустью.

Князь равнодушно замолк. Анна Павловна, с свойственною ей придворною и женскою ловкостью и быстротою такта, захотела и щелкнуть князя за то, что он дерзнул так отозваться о лице, рекомендованном императрице, и в то же время утешить его.

– Mais a propos de votre famille, – сказала она, – знаете ли, что ваша дочь, с тех пор как выезжает, fait les délices de tout le monde. On la trouve belle comme le jour.^[16]

Князь наклонился в знак уважения и признательности.

>

•
+
-

как будто только что вспомнив что-то и особенно-небрежно, тогда как то, о чем он спрашивал, было главной целью его посещения, – правда, что l'impératrice-mère^[12] желает назначения барона Функе первым секретарем в Вену? C'est un pauvre sire, ce baron, a ee qu'il paraît.^[13] – Князь Василий желал определить сына на это место, которое через императрицу Марию Феодоровну старались доставить барону.

Анна Павловна почти закрыла глаза в знак того, что ни она, ни кто другой не могут судить про то, что угодно или нравится императрице.

– Monsieur le baron de Funke a été recommandé a l'impératrice-mère par sa soeur,^[14] – только сказала она грустным, сухим тоном. В то время как Анна Павловна называла императрицу, лицо ее вдруг представило глубокое и искреннее выражение преданности и уважения, соединенное с грустью, что с ней бывало каждый раз, когда она в разговоре упоминала о своей высокой покровительнице. Она сказала, что ее величество изволила оказать барону Функе beaucoup d'estime,^[15] и опять взгляд ее подернулся грустью.

Князь равнодушно замолк. Анна Павловна, с свойственною ей придворною и женскою ловкостью и быстротою такта, захотела и щелкнуть князя за то, что он дерзнул так отозваться о лице, рекомендованном императрице, и в то же время утешить его.

– Mais a propos de votre famille, – сказала она, – знаете ли, что ваша дочь, с тех пор как выезжает, fait les délices de tout le monde. On la trouve belle comme le jour.^[16]

Князь наклонился в знак уважения и признательности.

•
+
-
x[x]

– Сейчас. А propos, – прибавила она, опять успокаиваясь, – нынче у меня два очень интересные человека, le vicomte de Mortemart, il est allié aux Montmorency par les Rohans, [Кстати, – виконт Мортемар, он в родстве с Монморанси через Роганов.] одна из лучших фамилий Франции. Это один из хороших эмигрантов, из настоящих. И потом l'abbé Morio; [аббат Морио.] вы знаете этот глубокий ум? Он был принят государем. Вы знаете?

– А? Я очень рад буду, – сказал князь. – Скажите, – прибавил он, как будто только что вспомнив что-то и особенно-небрежно, тогда как то, о чем он спрашивал, было главной целью его посещения, – правда, что l'impératrice-mère [вдовствующая императрица.] желает назначения барона Функе первым секретарем в Вену? C'est un pauvre sire, ce baron, a ee qu'il paraît. [Барон этот ничтожное существо, как кажется.] – Князь Василий желал определить сына на это место, которое через императрицу Марию Феодоровну старались доставить барону.

Анна Павловна почти закрыла глаза в знак того, что ни она, ни кто другой не могут судить про то, что угодно или нравится императрице.

– Monsieur le baron de Funke a été recommandé a l'impératrice-mère par sa soeur, [Барон Функе рекомендован императрице-матери ее сестрою.] – только сказала она грустным, сухим тоном. В то время как Анна Павловна называла императрицу, лицо ее вдруг представило глубокое и искреннее выражение преданности и уважения, соединенное с грустью, что с ней бывало каждый раз, когда она в разговоре упоминала о своей высокой покровительнице. Она сказала, что ее величество изволила оказать барону Функе beaucoup d'estime, [много уважения.] и опять взгляд ее подернулся грустью.

Князь равнодушно замолк. Анна Павловна, с свойственною ей

настоящих. И потом l'abbé Morio:^[11] вы знаете этот глубокий ум? Он был принят государем. Вы знаете?

— А? Я очень рад буду, — сказал князь. — Скажите, — прибавил он, как будто только что вспомнив что-то и особенно-небрежно, тогда как то, о чем он спрашивал, было главной целью его посещения, — правда, что l'impératrice-mère^[12] желает назначения барона Функе первым секретарем в Вену? C'est un pauvre sire, ce baron, а ее qu'il paraît.^[13] — Князь Василий желал определить сына на это место, которое через императрицу Марию Феодоровну старались доставить барону.

Анна Павловна почти закрыла глаза в знак того, что ни она, ни кто другой не могут судить про то, что угодно или нравится императрице.

— Monsieur le baron de Funke a été recommandé à l'impératrice-mère par sa soeur,^[14] — только сказала она грустным, сухим тоном. В то время как Анна Павловна назвала императрицу, лицо ее вдруг представило глубокое и искреннее выражение преданности и уважения, соединенное с грустью, что с ней бывало каждый раз, когда она в разговоре упоминала о своей высокой покровительнице. Она сказала, что ее величество изволила оказать барону Функе beaucoup d'estime,^[15] и опять взгляд ее подернулся грустью.

Князь равнодушно замолк. Анна Павловна, с свойственною ей придворною и женскою ловкостью и быстротою такта, захотела и щелкнуть князя за то, что он дерзнул так отозваться о лице, рекомендованном императрице, и в то же время утешить его.

— Mais a propos de votre famille, — сказала она, — знаете ли, что ваша дочь, с тех пор как выезжает, fait les délices de tout le monde. On la trouve belle comme le jour.^[16]

Князь наклонился в знак уважения и признательности.

— Я часто думаю, — продолжала Анна Павловна после минутного молчания, придвигаясь к князю и ласково улыбаясь ему, как будто выказывая этим, что политические и светские разговоры кончены и теперь начинается задушевный, — я часто думаю, как иногда несправедливо распределяется счаствие жизни. За что вам дала судьба таких двух славных детей (исключая Анатоля, вашего меньшого, я его не люблю, — вставила она безапелляционно, приподняв брови), — таких прелестных детей?

настоящих. И потом l'abbé Morio:^[11] вы знаете этот глубокий ум? Он был принят государем. Вы знаете?

— А? Я очень рад буду, — сказал князь. — Скажите, — прибавил он, как будто только что вспомнив что-то и особенно-небрежно, тогда как то, о чем он спрашивал, было главной целью его посещения, — правда, что l'impératrice-mère^[12] желает назначения барона Функе первым секретарем в Вену? C'est un pauvre sire, ce baron, а ее qu'il paraît.^[13] — Князь Василий желал определить сына на это место, которое через императрицу Марию Феодоровну старались доставить барону.

Анна Павловна почти закрыла глаза в знак того, что ни она, ни кто другой не могут судить про то, что угодно или нравится императрице.

— Monsieur le baron de Funke a été recommandé à l'impératrice-mère par sa soeur,^[14] — только сказала она грустным, сухим тоном. В то время как Анна Павловна назвала императрицу, лицо ее вдруг представило глубокое и искреннее выражение преданности и уважения, соединенное с грустью, что с ней бывало каждый раз, когда она в разговоре упоминала о своей высокой покровительнице. Она сказала, что ее величество изволила оказать барону Функе beaucoup d'estime,^[15] и опять взгляд ее подернулся грустью.

Князь равнодушно замолк. Анна Павловна, с свойственною ей придворною и женскою ловкостью и быстротою такта, захотела и щелкнуть князя за то, что он дерзнул так отозваться о лице, рекомендованном императрице, и в то же время утешить его.

— Mais a propos de votre famille, — сказала она, — знаете ли, что ваша дочь, с тех пор как выезжает, fait les délices de tout le monde. On la trouve belle comme le jour.^[16]

Князь наклонился в знак уважения и признательности.

— Я часто думаю, — продолжала Анна Павловна после минутного молчания, придвигаясь к князю и ласково улыбаясь ему, как будто выказывая этим, что политические и светские разговоры кончены и теперь начинается задушевный, — я часто думаю, как иногда несправедливо распределяется счаствие жизни. За что вам дала судьба таких двух славных детей (исключая Анатоля, вашего меньшого, я его не люблю, — вставила она безапелляционно, приподняв брови), — таких прелестных детей?

Сохранение позиции

Сохраняй страницу

Что может быть проще?

Аркадий и Борис Стругацкие – Понедельник начинается в субботу – (Сказка для научных ...)

Глава вторая

...Опустевший дом превратился в логово лисиц и барсуков, и потому здесь могут появляться странные оборотни и призраки.

А. Уэда

Я проснулся посреди ночи оттого, что в комнате разговаривали. Разговаривали двое, едва слышным шепотом. Голоса были очень похожи, но один был немного сдавленный и хрипловатый, а другой выдавал крайнее раздражение.

– Не храни, – шептал раздраженный. – Ты можешь не храни?

– Могу, – отозвался сдавленный и заперхал.

– Да тише ты... – прошипел раздраженный.

– Хрипунец, – объяснил сдавленный. – Утренний кашель курильщика... – Он снова заперхал.

– Удались отсюда, – сказал раздраженный.

– Да все равно он спит...

– Кто он такой? Откуда свалился?

– А я почем знаю?

– Вот досада... Ну просто феноменально не везет.

Опять соседям не спится, подумал я спросонья.
Я вообразил, что я дома. Дома у меня в соседях два брата-физика, которые обожают работать ночью. К двум часам пополуночи у них кончаются сигареты, и тогда они забираются ко мне в комнату и начинают шарить, стуча мебелью и перегугливаясь.

Я схватил подушку и швырнул в пустоту. Что-то с шумом обрушилось, и стало тихо.

– Подушку верните, – сказал я, – и убрайтесь вон. Сигареты на столе.

Звук собственного голоса разбудил меня окончательно. Я сел. Уныло лаяли собаки, за стеной грозно хранила старуха. Я наконец вспомнил, где нахожусь. В комнате никого не было. В сумеречном свете я увидел на полу свою подушку и барахло, рухнувшее с вешалки. Бабка голову оторвёт, подумал я и вскочил. Пол был холодный, и я переступил на половики. Бабка перестала хранить. Я замер. Потрескивали половицы, что-то хранило и шелестело в углах. Бабка оглушительно свистнула и за хранила снова. Я поднял подушку и бросил ее на диван. От рухляди пахло псиной. Вешалка сорвалась с гвоздя и висела боком. Я поправил ее и стал подбирать рухляедь. Едва я повесил последний салоп, как вешалка оборвалась и, шаркнув по обоям, снова повисла на одном гвозде. Бабка перестала хранить, и я облился холодным потом. Где-то поблизости завопил петух. В суп тебя, подумал я с ненавистью. Старуха за стеной принялась вертеться, скрипели и щелкали пружины. Я ждал, склоняясь на одной ноге. Во дворе кто-то сказал тихонько: «Спать пора, засиделись мы сегодня с тобой». Голос был молодой, женский. «Спать так спать, – отозвался другой голос. Послышался протяжный зевок. –

Аркадий и Борис Стругацкие – Понедельник начинается в субботу – (Сказка для научных ...)

Глава вторая

...Опустевший дом превратился в логово лисиц и барсуков, и потому здесь могут появляться странные оборотни и призраки.

А. Уэда

Я проснулся посреди ночи оттого, что в комнате разговаривали. Разговаривали двое, едва слышным шепотом. Голоса были очень похожи, но один был немного сдавленный и хрипловатый, а другой выдавал крайнее раздражение.

– Не храни, – шептал раздраженный. – Ты можешь не храни?

– Могу, – отозвался сдавленный и заперхал.

– Да тише ты... – прошипел раздраженный.

– Хрипунец, – объяснил сдавленный. – Утренний кашель курильщика... – Он снова заперхал.

– Удались отсюда, – сказал раздраженный.

– Да все равно он спит...

– Кто он такой? Откуда свалился?

– А я почем знаю?

– Вот досада... Ну просто феноменально не везет.

Опять соседям не спится, подумал я спросонья.
Я вообразил, что я дома. Дома у меня в соседях два брата-физика, которые обожают работать ночью. К двум часам пополуночи у них кончаются сигареты, и тогда они забираются ко мне в комнату и начинают шарить, стуча мебелью и перегугливаясь.

Я схватил подушку и швырнул в пустоту. Что-то с шумом обрушилось, и стало тихо.

– Подушку верните, – сказал я, – и убрайтесь вон. Сигареты на столе.

Звук собственного голоса разбудил меня окончательно. Я сел. Уныло лаяли собаки, за стеной грозно хранила старуха. Я наконец вспомнил, где нахожусь. В комнате никого не было. В сумеречном свете я увидел на полу свою подушку и барахло, рухнувшее с вешалки. Бабка голову оторвёт, подумал я и вскочил. Пол был холодный, и я переступил на половики. Бабка перестала хранить. Я замер. Потрескивали половицы, что-то хранило и шелестело в углах. Бабка оглушительно свистнула и за хранила снова. Я поднял подушку и бросил её на диван. От рухляди пахло псиной. Вешалка сорвалась с гвоздя и висела боком. Я поправил её и стал подбирать рухлясть. Едва я повесил последний салоп, как вешалка оборвалась и, шаркнув по обоям, снова повисла на одном гвозде. Бабка перестала хранить, и я облился холодным потом. Где-то поблизости завопил петух. В суп тебя, подумал я с ненавистью. Старуха за стеной принялась вертеться, скрипели и щелкали пружины. Я ждал, склоняясь на одной ноге. Во дворе кто-то сказал тихонько: «Спать пора, засиделись мы сегодня с тобой». Голос был молодой, женский. «Спать так спать, – отозвался другой голос. Послышался протяжный зевок. –

Леонид Аркадьевич расстроен, он поресайзил окно и страницы съехали

CFI

Canonical Fragment Identifier

```
<p>  
  <div>  
    <span>text</span>  
  </div>  
  <div></div>  
</p>  
<p></p>
```

```
<p> /1  
  <div>  
    <span>text</span>  
  </div>  
  <div></div>  
</p>  
<p></p> /2
```

```
<p> /1  
  <div> /1  
    <span>text</span>  
  </div>  
  <div></div> /2  
</p>  
<p></p> /2
```

```
<p> /1  
  <div> /1  
    <span>text</span> /1  
  </div>  
  <div></div> /2  
</p>  
<p></p> /2
```

```
<p data-cfi="/1">  
  <div data-cfi="/1/1">  
    <span data-cfi="/1/1/1">text</span>  
  </div>  
  <div data-cfi="/1/2"></div>  
</p>  
<p data-cfi="/2"></p>
```

```
<p data-cfi="/1">  
  <div data-cfi="/1/1">  
    text  
    <span data-cfi="/1/1/1">text</span>  
    text  
  </div>  
  <div data-cfi="/1/2"></div>
```

```
<p data-cfi="/1">  
  <div data-cfi="/1/1">  
    <span data-cfi="/1/1/1">text</span>  
    <span data-cfi="/1/1/2">text</span>  
    <span data-cfi="/1/1/3">text</span>  
  </div>  
  <div data-cfi="/1/2"></div>
```


мне совершенно не хочется – хочется есть. Ай-яй-яй, подумал я. Надо было срочно принимать меры, и я их принял.

Вот, скажем, система двух интегральных уравнений типа уравнений звездной статистики; обе неизвестные функции находятся под интегралом. Решать, естественно, можно только численно, скажем, на БЭСМе... Я вспомнил нашу БЭСМ. Панель управления цвета заварного крема. Женя кладет на эту панель газетный сверток и неторопливо его разворачивает. «У тебя что?» – «У меня с сыром и колбасой». С польской полукопченой, кружочками. «Эх ты, жениться надо! У меня котлеты, с чесноком, домашние. И соленый огурчик». Нет, два огурчика... Четыре котлеты и для ровного счета четыре крепких соленых огурчика. И четыре куска хлеба с маслом...

Я откинул одеяло и сел. Может быть, в машине что-нибудь осталось? Нет, все, что там было, я съел. Осталась поваренная книга для Валькиной мамы, которая живет в Лежневе. Как это там... Соус пикан. Полстакана уксусу, две луковицы... и перчик. Подается к мясным блюдам... Как сейчас помню: к маленьkim бифштексам. Вот подлость, подумал я, ведь не просто к бифштексам, а к ма-а-аленьkim бифштексам. Я вскочил и подбежал к окну. В ночном воздухе отчетливо пахло ма-а-аленьkими бифштексами. Откуда-то из недр подсознания всплыло: «Подавались ему обычные в трактирах блюда, как-то: кислые щи, мозги с горошком, огурец соленый (я глотнул) и вечный слоеный сладкий пирожок...» Отвлечься бы, подумал я и взял книгу с подоконника. Это был Алексей Толстой, «Хмуруое утро». Я открыл наугад. «Махно, сломав сардиночный ключ, вытащил из кармана перламутровый ножик с полусотней лезвий и им продолжал орудовать, открывая жестянки с ананасами (плохо дело, подумал я), французским паштетом, с омарами, от которых резко запахло по комнате». Я осторожно положил книгу и сел за стол на табурет. В комнате вдруг обнаружился вкусный резкий запах: должно быть, пахло омарами. Я стал размышлять, почему я до сих пор ни разу не пробовал омаров. Или, скажем, устриц. У Диккенса все едят устриц, орудуют складными ножами, отрезают толстые ломти хлеба, намазывают маслом... Я стал нервно разглаживать скатерть. На скатерти виднелись неотмытые пятна. На ней много и вкусно ели. Ели омаров и мозги с горошком. Ели маленькие бифштессы с соусом пикан. Большие и средние бифштессы тоже ели. Сыто отдувались, удовлетворенно цыкали зубом... Отдуваться мне было не с чего, и я принялся цыкать зубом.

Наверное, я делал это громко и голодно, потому что старуха за стеной заскрипела кроватью, сердито забормотала, загремела чем-то и вдруг вошла ко мне в комнату. На ней была длинная серая рубаха, а в руках она несла тарелку, и в комнате сейчас же распространился настоящий, а не фантастический аромат еды. Старуха улыбалась. Она поставила тарелку прямо передо мной и сладко пробасила:

– Откусай-ко, батюшка, Александр Иванович. Откусай, чем бог послал, со мной переслал...

– Что вы, что вы, Наина Киевна, – забормотал я, – зачем же было так беспокоить себя...

Но в руке у меня уже откуда-то оказалась вилка с костяной ручкой, и я стал есть, а бабка стояла рядом, кивала и приговаривала:

– Кушай, батюшка, кушай на здоровье...

Я съел все. Это была горячая картошка с топленым маслом.

– Наина Киевна, – сказал я истово, – вы меня спасли от голодной смерти.

– Поел? – сказала Наина Киевна как-то неприветливо.

– Великолепно поел. Огромное вам спасибо! Вы себе представить не можете...

мне совершенно не хочется – хочется есть. Ай-яй-яй, подумал я. Надо было срочно принимать меры, и я их принял.

Вот, скажем, система двух интегральных уравнений типа уравнений звездной статистики; обе неизвестные функции находятся под интегралом. Решать, естественно, можно только численно, скажем, на БЭСМе... Я вспомнил нашу БЭСМ. Панель управления цвета заварного крема. Женя кладет на эту панель газетный сверток и неторопливо его разворачивает. «У тебя что?» – «У меня с сыром и колбасой». С польской полукопченой, кружочками. «Эх ты, жениться надо! У меня котлеты, с чесноком, домашние. И соленый огурчик». Нет, два огурчика... Четыре котлеты и для ровного счета четыре крепких соленых огурчика. И четыре куска хлеба с маслом...

Я откинул одеяло и сел. Может быть, в машине что-нибудь осталось? Нет, все, что там было, я съел. Осталась поваренная книга для Валькиной мамы, которая живет в Лежневе. Как это там... Соус пикан. Полстакана уксусу, две луковицы... и перчик. Подается к мясным блюдам... Как сейчас помню: к маленьkim бифштексам. Вот подлость, подумал я, ведь не просто к бифштексам, а к ма-а-аленьkim бифштексам. Я вскочил и подбежал к окну. В ночном воздухе отчетливо пахло ма-а-аленьkими бифштексами. Откуда-то из недр подсознания всплыло: «Подавались ему обычные в трактирах блюда, как-то: кислые щи, мозги с горошком, огурец соленый (я глотнул) и вечный слоеный сладкий пирожок...» Отвлечься бы, подумал я и взял книгу с подоконника. Это был Алексей Толстой, «Хмуруое утро». Я открыл наугад. «Махно, сломав сардиночный ключ, вытащил из кармана перламутровый ножик с полусотней лезвий и им продолжал орудовать, открывая жестянки с ананасами (плохо дело, подумал я), французским паштетом, с омарами, от которых резко запахло по комнате». Я осторожно положил книгу и сел за стол на табурет. В комнате вдруг обнаружился вкусный резкий запах: должно быть, пахло омарами. Я стал размышлять, почему я до сих пор ни разу не пробовал омаров. Или, скажем, устриц. У Диккенса все едят устриц, орудуют складными ножами, отрезают толстые ломти хлеба, намазывают маслом... Я стал нервно разглаживать скатерть. На скатерти виднелись неотмытые пятна. На ней много и вкусно ели. Ели омаров и мозги с горошком. Ели маленькие бифштессы с соусом пикан. Большие и средние бифштессы тоже ели. Сыто отдувались, удовлетворенно цыкали зубом... Отдуваться мне было не с чего, и я принялся цыкать зубом.

Наверное, я делал это громко и голодно, потому что старуха за стеной заскрипела кроватью, сердито забормотала, загремела чем-то и вдруг вошла ко мне в комнату. На ней была длинная серая рубаха, а в руках она несла тарелку, и в комнате сейчас же распространился настоящий, а не фантастический аромат еды. Старуха улыбалась. Она поставила тарелку прямо передо мной и сладко пробасила:

– Откусай-ко, батюшка, Александр Иванович. Откусай, чем бог послал, со мной переслал...

– Что вы, что вы, Наина Киевна, – забормотал я, – зачем же было так беспокоить себя...

Но в руке у меня уже откуда-то оказалась вилка с костяной ручкой, и я стал есть, а бабка стояла рядом, кивала и приговаривала:

– Кушай, батюшка, кушай на здоровье...

Я съел все. Это была горячая картошка с топленым маслом.

– Наина Киевна, – сказал я истово, – вы меня спасли от голодной смерти.

– Поел? – сказала Наина Киевна как-то неприветливо.

– Великолепно поел. Огромное вам спасибо! Вы себе представить не можете...

Глава вторая

...Опустевший дом превратился в логово лисиц и барсуков, и потому здесь могут появляться странные оборотни и призраки.

А. Уэда

Я проснулся посреди ночи оттого, что в комнате разговаривали. Разговаривали двое, едва слышным шепотом. Голоса были очень похожи, но один был немного сдавленный и хрипловатый, а другой выдавал крайнее раздражение.

– Не храни, – шептал раздраженный. – Ты можешь не хринеть?
– Могу, – отозвался сдавленный и заперхал.
– Да тише ты... – прошипел раздраженный.
– Хрипунец, – объяснил сдавленный. – Утренний кашель курильщика... – Он снова заперхал.
– Удались отсюда, – сказал раздраженный.
– Да все равно он спит...
– Кто он такой? Откуда свалился?
– А я почем знаю?
– Вот досада... Ну просто феноменально не везет.
Опять соседям не спится, подумал я спросонья.

Я вообразил, что я дома. Дома у меня в соседях два брата-физика, которые обожают работать ночью. К двум часам пополуночи у них кончаются сигареты, и тогда они забираются ко мне в комнату и начинают шарить, стуча мебелью и переругиваясь.

Я схватил подушку и швырнул в пустоту. Что-то с шумом обрушилось, и стало тихо.
– Подушку верните, – сказал я, – и убирайтесь вон. Сигареты на столе.

Звук собственного голоса разбудил меня окончательно. Я сел. Уныло лаяли собаки, за стеной грозно хранила старуха. Я наконец вспомнил, где нахожусь. В комнате никого не было. В сумеречном свете я увидел на полу свою подушку и барахло, рухнувшее с вешалки. Бабка голову оторвет, подумал я и вскочил. Пол был холодный, и я переступил на половики. Бабка перестала хранить. Я замер. Потрескивали половицы, что-то хрустело и шелестело в углах. Бабка оглушительно свистнула и захрапела снова. Я поднял подушку и бросил ее на диван. От рухляди пахло псиной. Вешалка сорвалась с гвоздя и висела боком. Я поправил ее и стал подбирать рухлянь. Едва я повесил последний салоп, как вешалка оборвалась и, шаркнув по обоям, снова повисла на одном гвозде. Бабка перестала хранить, и я облился холодным потом. Где-то поблизости завопил петух. В суп тебя, подумал я с ненавистью. Старуха за стеной принялась вертеться, скрипели и щелкали пружины. Я ждал, стоя на одной ноге. Во дворе кто-то сказал тихонько: «Спать пора, засиделись мы сегодня с тобой». Голос был молодой, женский. «Спать так спать, – отозвался другой голос. Послышался протяжный зевок. –

Глава вторая

...Опустевший дом превратился в логово лисиц и барсуков, и потому здесь могут появляться странные оборотни и призраки.

А. Уэда

Я проснулся посреди ночи оттого, что в комнате разговаривали. Разговаривали двое, едва слышным шепотом. Голоса были очень похожи, но один был немного сдавленный и хрипловатый, а другой выдавал крайнее раздражение.

– Не храни, – шептал раздраженный. – Ты можешь не хринеть?
– Могу, – отозвался сдавленный и заперхал.
– Да тише ты... – прошипел раздраженный.
– Хрипунец, – объяснил сдавленный. – Утренний кашель курильщика... – Он снова заперхал.
– Удались отсюда, – сказал раздраженный.
– Да все равно он спит...
– Кто он такой? Откуда свалился?
– А я почем знаю?
– Вот досада... Ну просто феноменально не везет.
Опять соседям не спится, подумал я спросонья.

Я вообразил, что я дома. Дома у меня в соседях два брата-физика, которые обожают работать ночью. К двум часам пополуночи у них кончаются сигареты, и тогда они забираются ко мне в комнату и начинают шарить, стуча мебелью и переругиваясь.

Я схватил подушку и швырнул в пустоту. Что-то с шумом обрушилось, и стало тихо.
– Подушку верните, – сказал я, – и убирайтесь вон. Сигареты на столе.

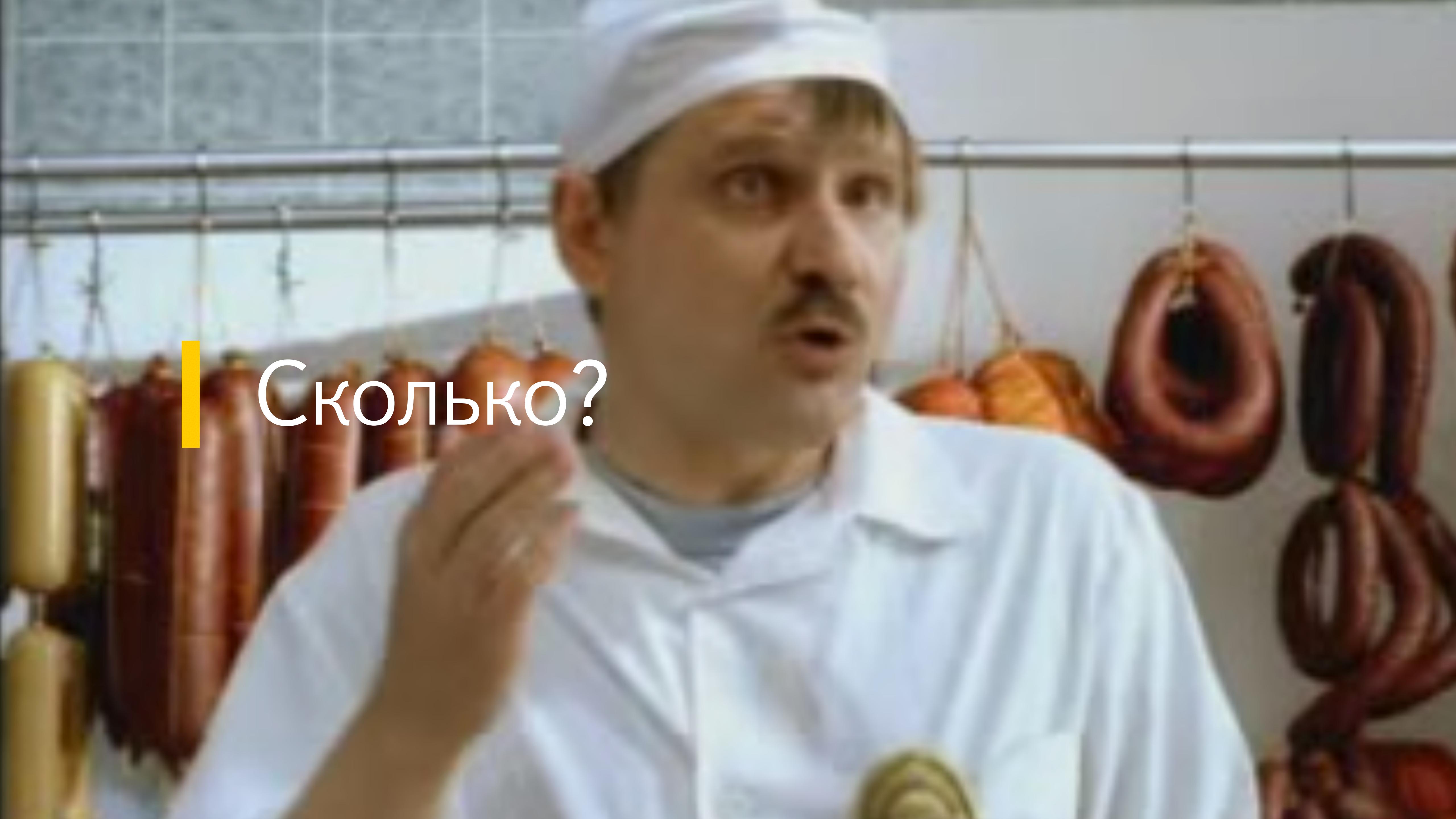
Звук собственного голоса разбудил меня окончательно. Я сел. Уныло лаяли собаки, за стеной грозно хранила старуха. Я наконец вспомнил, где нахожусь. В комнате никого не было. В сумеречном свете я увидел на полу свою подушку и барахло, рухнувшее с вешалки. Бабка голову оторвет, подумал я и вскочил. Пол был холодный, и я переступил на половики. Бабка перестала хранить. Я замер. Потрескивали половицы, что-то хрустело и шелестело в углах. Бабка оглушительно свистнула и захрапела снова. Я поднял подушку и бросил ее на диван. От рухляди пахло псиной. Вешалка сорвалась с гвоздя и висела боком. Я поправил ее и стал подбирать рухлянь. Едва я повесил последний салоп, как вешалка оборвалась и, шаркнув по обоям, снова повисла на одном гвозде. Бабка перестала хранить, и я облился холодным потом. Где-то поблизости завопил петух. В суп тебя, подумал я с ненавистью. Старуха за стеной принялась вертеться, скрипели и щелкали пружины. Я ждал, стоя на одной ноге. Во дворе кто-то сказал тихонько: «Спать пора, засиделись мы сегодня с тобой». Голос был молодой, женский. «Спать так спать, – отозвался другой голос. Послышался протяжный зевок. –

Храните версию
приложения!

Сколько?

Сколько?

Страниц

ник. – Она не спрашивает. Кого ангелом сделает, а кого чёртом. Да по мне хоть самим Сатаной, только бы моя ока была...

– Мерзавец! – взорвался пристав. – Наглая скотина! Ещё про любовь рассуждает! За моей спиной – такое! На каторгу пойдёшь!

Будочник строго сказал:

– Молчи, сморчок. Нешто не понял ещё, к чему их высокородие клонит?

Полковник задохнулся:

– Смор...?! – И не договорил, сился. – Клонит? В каком смысле “клонит”?

– Эраст Петрович тоже в Смерть втрескались, по самые бровки, – объяснил ему Будочник, словно несмышлёнышу. – И порешили, что отсюдова, из ямы этой, живым только один человек выйдет – оне сами. Правильно решили их высокородие, потому умный человек. Я с ними согласный. Пятеро тут мёртвыми лягут, а наружу выйдет только один, с большущим богатством. Ему и Смерть достанется. Только кто это будет, ещё поглядеть надо.

Сенька слушал и думал: а ведь прав он, гад, прав! Затем господин Неймлес всех этих монстров здесь и собрал, чтоб избавить от них матушку-Землю. А также некую особу, которой слушать всё это было бы ни к чему – вон как у ней грудь-то завздыпалась.

Тронул Смерть за плечо: идём, мол, от греха.

Тут и пошло-поехало, только поспевай охать.

На словах “поглядеть надо” Будочник ударил пристава кулаками по обоим запястьям, и револьверы попадали на каменный пол.

В тот же самый миг Очко выдернул из рукава нож, Упырь и

Времени

- You see images of transit vehicles in film, television, and music video, often used in ways that encourage you to generalize about the quality of the service and the types of people who use it.

Those sources form powerful images that connect with people's existing ideas of their city. When we get the same impression from multiple sources, we tend to become more confident in it. So, all of these sources together can appear to form a firm basis for developing strong views about transit.

But *nothing in any of those impressions shows you the impact of frequency*, even though, as we've seen, frequency is the single most important variable in meeting our mobility desires. Nor do they give any signal about span. This conceptual invisibility of frequency and span may well be the single greatest barrier to coherent decision making about transit.

DANGERS ON THE MAP

Of course, if you try to use transit yourself, you'll learn about frequency and span fast. To be useful, transit must exist in both space and time. It must run not just *where* we need it but also *when* we need it. Unless it does both, it doesn't exist for us at all.

The prevailing habit of most transit systems is to advertise *where* they go but treat *when* as though it were a detail. Many systems publish a map showing all of the lines they operate but giving no clear visual cue about whether these lines run every 5 minutes, or once an hour, or a few times during rush hour only, or once every Tuesday afternoon. To figure that out, you often have to choose a line and then explore its timetable, which requires you to wade through a great deal of detail just to get a basic sense of whether the service is there when you need it. The implication is that *when* the service runs—frequency and span—

Скорость чтения

Алгоритм

1. Определить число символов на странице
2. Засечь время старта чтения страницы
3. Засечь время конца чтения страницы
4. Записать куда-то данные о скорости
5. Проанализировать

5. Анализ

1. Изначальная скорость чтения – 500 символов в минуту
2. Берём среднее 10 последних замеров (~~среднее арифметическое~~ медиана)
3. Слишком быстро или слишком медленно не записываем, диапазон 10-100000
4. В хранилище всегда лежит 10 медиан, а не 1

[1298,1300,1302,1302,1311,1311,1321,1321,1321,99176]

1316

[1298,1300,1302,1302,1311,1311,1321,1321,1321,99176]

[1298,1300,1302,1302,1311,1311,1316,1321,1321,1321]

1200

1316

[1298,1300,1302,1302,1311,1311,1321,1321,1321,99176]

[1298,1300,1302,1302,1311,1311,1316,1321,1321,1321]

[1200,1300,1302,1302,1311,1311,1316,1321,1321,1321]

1200

1316

10000

[1298,1300,1302,1302,1311,1311,1321,1321,1321,99176]

[1298,1300,1302,1302,1311,1311,1316,1321,1321,1321]

[1200,1300,1302,1302,1311,1311,1316,1321,1321,1321]

[1298,1300,1302,1302,1311,1311,1316,1321,1321,10000]

1311

1200

1316

10000

[1298,1300,1302,1302,1311,1311,1321,1321,1321,99176]

[1298,1300,1302,1302,1311,1311,1316,1321,1321,1321]

[1200,1300,1302,1302,1311,1311,1316,1321,1321,1321]

[1298,1300,1302,1302,1311,1311,1316,1321,1321,10000]

Алгоритм

1. Определить число символов на странице
2. Засечь время старта чтения страницы
3. Засечь время конца чтения страницы
4. Записать куда-то данные о скорости
5. Проанализировать

СКОЛЬКО СИМВОЛОВ НА СТРАНИЦЕ?

```
var speedCoeff = (this._pageWidth / (11 * this._fontSize / 16));  
  
var avgSymbols = Math.round(Math.floor(this._bookCanvasHeight /  
this._lineHeight) * speedCoeff);
```

СКОЛЬКО СИМВОЛОВ НА СТРАНИЦЕ?

```
var speedCoeff = (this._pageWidth / (11 * this._fontSize / 16));  
  
var avgSymbols = Math.round(Math.floor(this._bookCanvasHeight /  
this._lineHeight) * speedCoeff);  
  
var avgSymbols = this._bookSymbols / this._pages;
```

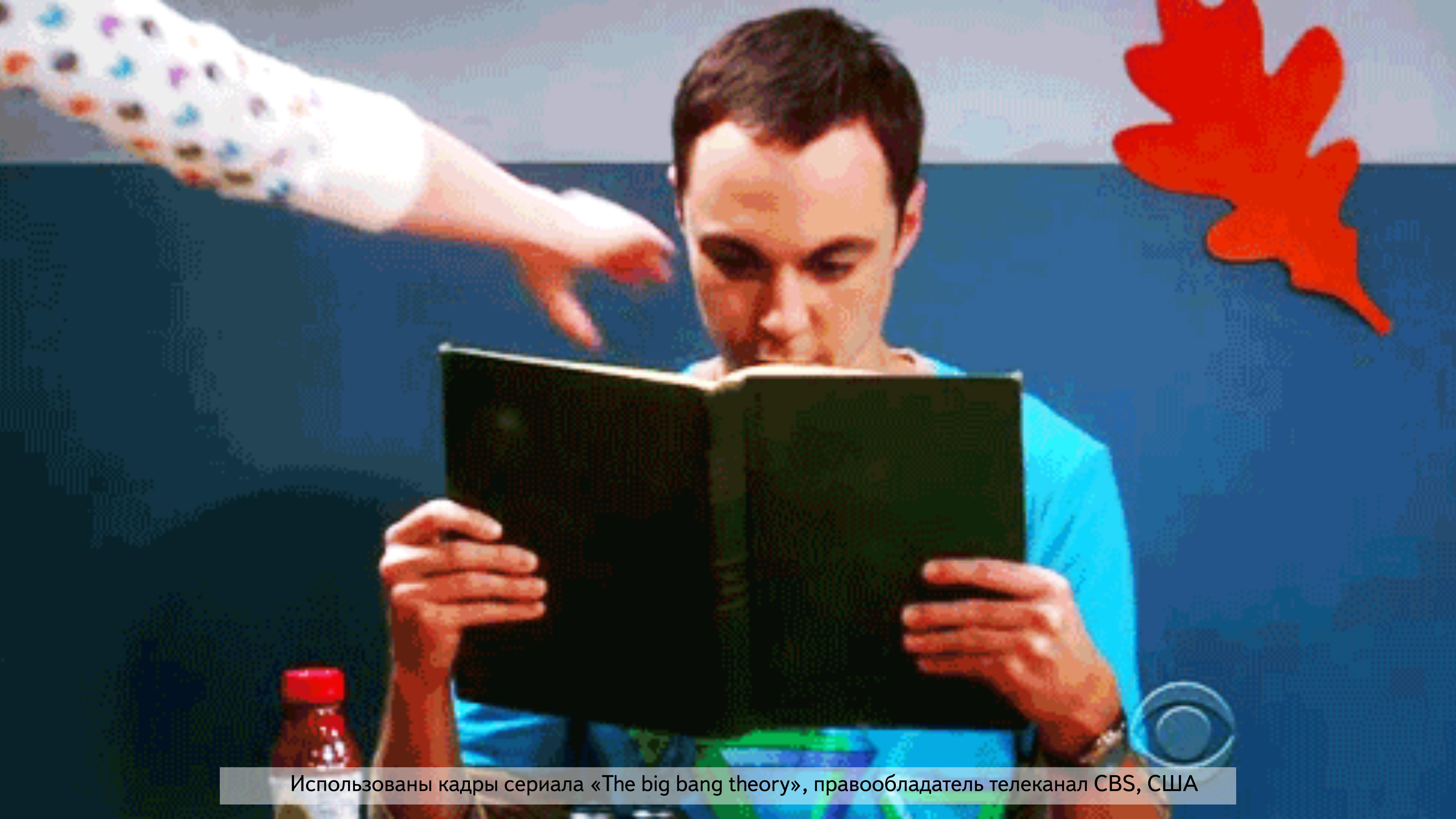
СКОЛЬКО СИМВОЛОВ НА СТРАНИЦЕ?

```
var speedCoeff = (this._pageWidth / (11 * this._fontSize / 16));  
  
var avgSymbols = Math.round(Math.floor(this._bookCanvasHeight /  
this._lineHeight) * speedCoeff);  
  
this._bookSymbols = bookNode.textContent.length;  
  
var avgSymbols = this._bookSymbols / this._pages;
```

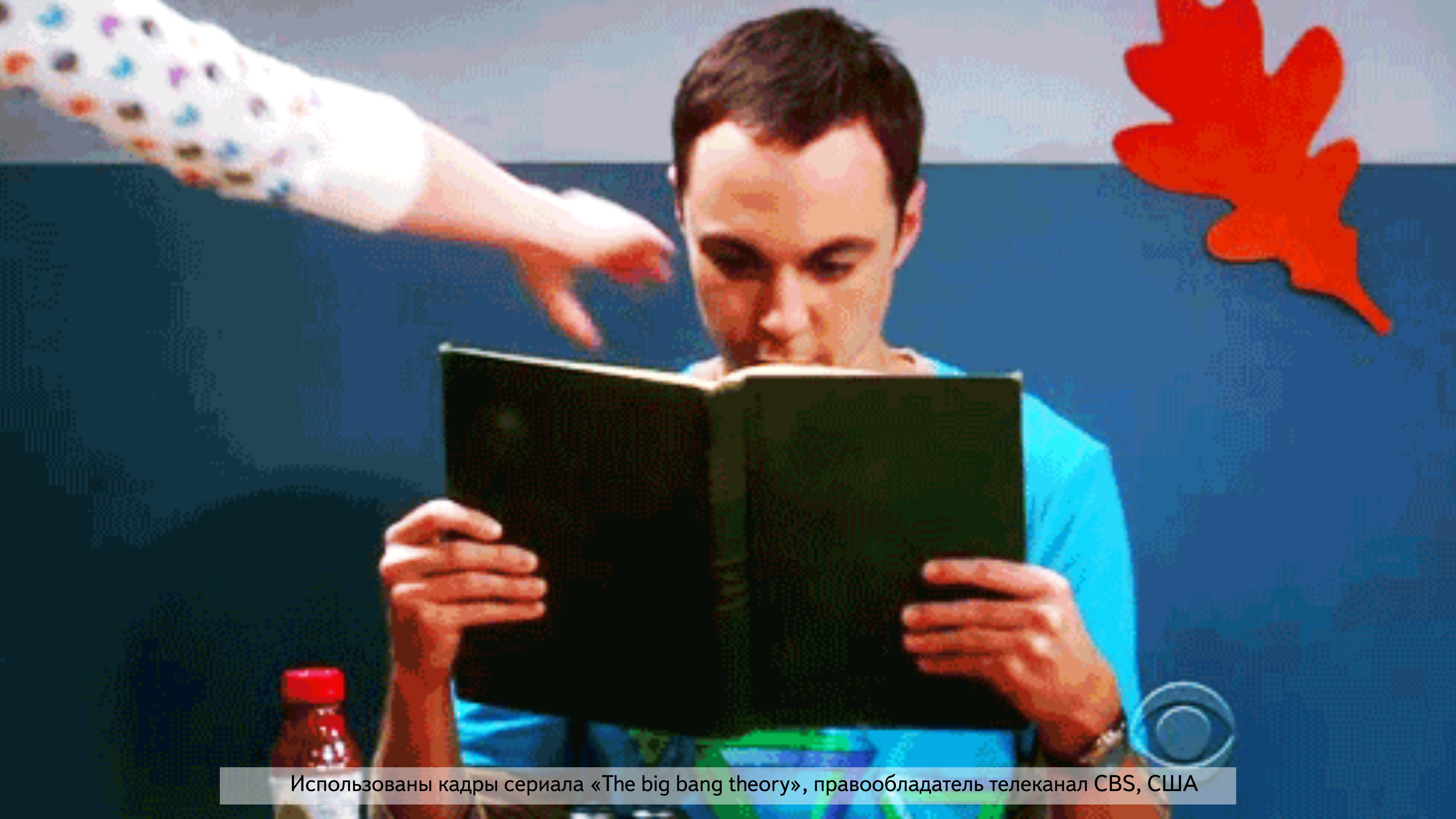

Почему?

Использованы кадры сериала «The big bang theory», правообладатель телеканал CBS, США

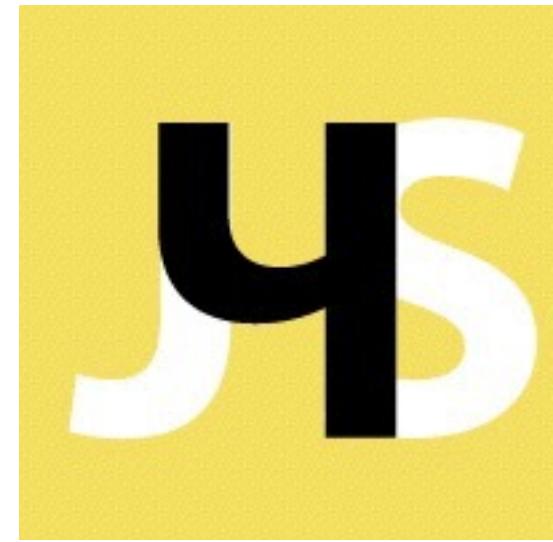
Использованы кадры сериала «The big bang theory», правообладатель телеканал CBS, США

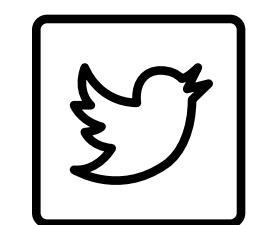

Сделать лучшую читалку книг

 Сделать лучшую читалку книг

<https://github.com/chitalkajs/>

@chitalkajs

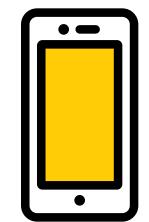

Спасибо, Вадим!
а также Саша и Тёма

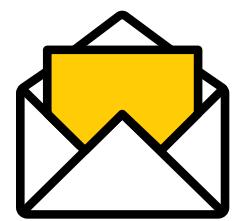
Контакты

Олег Мохов

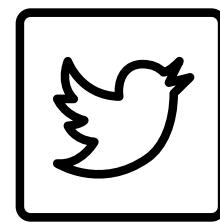
Разработчик интерфейсов

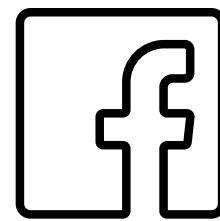
+7 (912) 621 45 27

mokhov@yandex-team.ru

@olmokhov

olmokhov

Полезные ссылки

[Доклад Лёши Иванова про Justify](#)

[Спецификация Multicolumn Layout](#)

[Спецификация CSS Books](#)

[Спецификация Paged Media](#)

[http://chitalka.github.io/demo/](#)